

Джессика Дэй Джордж

Солнце и Луна, Лед и Снег

Джордж мастерски владеет не только норвежским фольклором, но и искусством рассказчика. Она берет старую знакомую сказку и превращает ее в захватывающую от начала и до конца историю.

SLJ

Annotation

Давным-давно в далекой северной стране жила девушка, у которой не было имени. Но зато она понимала язык зверей и птиц, и поэтому именно к ней, дочери дровосека, явился однажды огромный белый медведь и попросил, чтобы она прожила с ним один год и один день в заколдованном ледяном замке, что стоит на ледяной скале посреди бескрайней снежной равнины. Девушка согласилась (хотя старший брат отговаривал ее) и стала жить в роскошных покоях ледяного дворца. Но, как обычно случается в сказках, захотелось ей узнать, какую тайну скрывает от нее хозяин замка, белый медведь, с которым она очень подружилась. И, как обычно случается в сказках, своим любопытством она навлекла на него ужасную беду. Теперь для спасения своего друга ей придется отправиться в опасное путешествие на край света, чтобы попасть во дворец, что стоит на восток от солнца, на запад от луны...

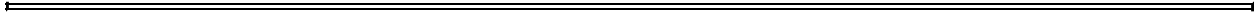
Если вы читали замечательную норвежскую сказку «На восток от солнца, на запад от луны» и хотите наконец узнать, КАК ВСЕ БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ, то эта книга — для вас!

Впервые на русском языка!

- [Джессика Дэй Джордж](#)
 -
 - [Часть 1](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Часть 2](#)
 -
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)

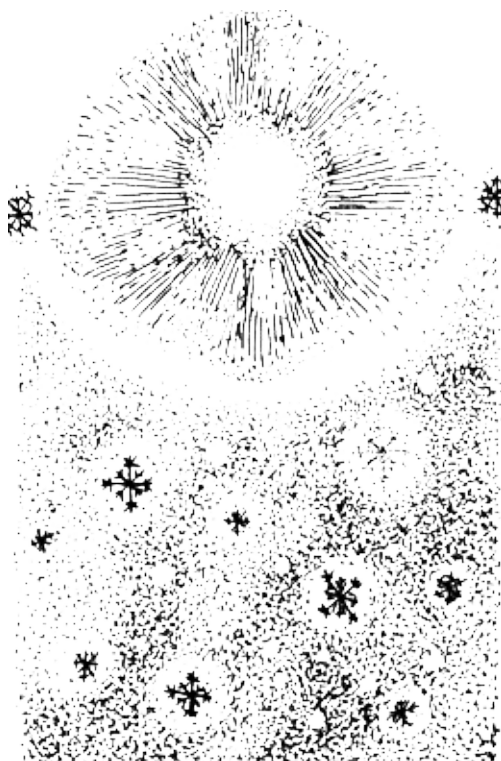
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Часть 3](#)
 -
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
- [Часть 4](#)
 -
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)
- [От автора](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

- [11](#)
- [12](#)

Джессика Дэй Джордж СОЛНЦЕ И ЛУНА, ЛЕД И СНЕГ

*Моим родителям:
Вы подарили мне жизнь, любовь и билет на
самолет в Норвегию. Спасибо вам!*

Часть 1
МЛАДШАЯ ДОЧЬ ДРОВОСЕКА

Глава 1

В стародавние времена на самом краю земли, в стране льда и снега, настала тяжелая пора. Казалось, зима никогда не кончится. Земля нуждалась в роздыхе, но летние месяцы оставались холодными и сырыми, а зимние становились с каждым разом суровее и вьюжистей. Поговаривали, будто холод длится уже сотню лет, и боялись, как бы он не задержался еще на столько же. Непростая это была зима, и никто не знал, какая ведьма или тролль заставили ветер завывать так свирепо.

Солнце не показывалось на небосклоне, и день не наступал. Долгими ночами жителям той страны ничего не оставалось, кроме как жаться у очага и мечтать о тепле. Потому рождалось много детей, но еды становилось все меньше, и все большее отчаяние завладевало людьми.

Казалось, не найти более унылого места, чем дом дровосека Ярла Оскарсона. Добряк Ярл преданно любил свою семью. Но Ярла и его жену Фриду судьба благословила — или обременила, это как посмотреть — девятью детьми. Пятеро мальчишек помогали родителям, однако четыре девочки весьма раздражали Фриду. «От девчонок никакого толку, — ворчала она, сидя у огня. — Они пустоголовые и однажды обойдутся бедствующей семье в кругленькую сумму приданого». И никто не смел указать ей, что четыре девочки делают всю работу по дому — готовят, стирают и чинят одежду, позволяя Фриде бездельничать.

Фрида так разочаровалась, разрешившись в девятый раз очередной никчемной девчонкой, что сунула орущую малышку в руки старшей из дочерей, Йорунн, и отказалась дать новорожденной имя. Поскольку наречение имени дочерям — дело матери, а мать не стала выполнять эту обязанность, девятое дитя Ярла Оскарсона осталось безымянным. Малышку называли просто «пика», что на норвежском языке означает «девочка».

Безымянность последней дочери беспокоила Ярла. Ребенка без имени нельзя крестить, а у троллей есть обыкновение похищать некрещеных младенцев. Несмотря на бедность, Ярл любил своих детей и поэтому выставлял подношения в надежде умиловить народ троллей. Головки сыра, подслащенное медом молоко, миндальное печенье и прочие деликатесы, которые семья едва могла себе позволить. Фрида считала такое поведение расточительством, поскольку не верила в троллей, но Ярл проводил большую часть своих дней в лесной чаще и видал всякое. Когда

еда исчезала, он принимал это за доказательство существования подобных созданий. А Фрида лишь фыркала: мол, соседские собаки жиреют, пока они сами помирают с голоду.

Когда пике сравнялось девять, с моря вернулся первенец, Ханс Петер, высокий синеглазый красавец. Вернее, красавцем его можно было назвать до отъезда. Пять лет, проведенные на борту торгового корабля «Морской дракон», согнули его спину, серебра в волосах стало больше, чем золота, а в синих глазах затаился призрачный отблеск. По его словам, он странствовал далеко и видел вещи настолько чудесные, что словами не передать, и слишком ужасные, чтобы вообще о них рассказывать. В походе на север, туда, где солнце и луна задевают друг друга, проходя по небу, он получил ранение и вернулся домой насовсем.

Фрида ужасно злилась. Она так радовалась, когда отослала старшего сына в большой мир: одним ртом меньше да вдобавок обещание присылать домой жалованье. Но теперь Ханс Петер целыми днями сидел дома, вырезая странные знаки на поленьях, прежде чем бросить их в огонь. Рану Ханса Петера, видимо, исцелили до возвращения домой, а может, как сказал остальным Ярл, ранено было вовсе не тело. Как бы то ни было, сейчас от увечья не осталось и следа, только печаль, день и ночь гложущая молодого человека.

Но пика боготворила старшего брата. Она по-прежнему считала его самым красивым мужчиной в округе, хотя все прочие единогласно передали это звание следующему из братьев, Торсту (все дети дровосека уродились красивыми). Но Торсту нравилось дергать младшую сестренку за косички и дразнить ее, а Ханс Петер всегда был добр к ней. В странствиях он немного выучил язык жителей Англии и называл младшую из сестер «ласси». Это тоже означало всего лишь «девочка», но звучало красивее, чем «пика».

— Вот, ласси, — говаривал он, поднимая деревяшку, над которой трудился, и показывая ей странные угловатые знаки. — Это «медведь». А вот это, — он указывал на следующий знак, — «кит».

Затем он бросал полено в огонь. А ласси серьезно кивала и пристраивалась поближе, чтобы послушать одну из его редких историй о жизни людей в море.

Йорунн, старшая из сестер, обучавшая младших детей грамоте, поднимала ласси на смех, когда та утверждала, будто вырезаемые Хансом Петером знаки тоже вроде языка.

— Это не язык англичков, уж точно, — возражала Йорунн, бросая очередное изрезанное полено в огонь и рисуя кусочком угля алфавит на

выскобленном столе. — Ведь наш священник говорит, что во всех христианских странах одни и те же буквы. А священник ходил в школу в Христиании.

Ее слова имели серьезный вес: Христиания была столицей, а священник — единственный на мили вокруг, кто там побывал.

Но Ханс Петер продолжал показывать младшей сестренке резные знаки, а она не уставала разглядывать их большими серьезными глазами. Из всех детей ей одной достались темно-карие глаза, хотя волосы отливали скорее медью, нежели золотом, что было не редкостью в их роду. Прежде чем поседеть, Ярл мог похвастаться тем же цветом волос, и четверо из его девяти детей унаследовали это качество.

Когда ласси минуло одиннадцать, Йорунн вышла за сына соседа-хуторянина. Жених и сам был беден и не ждал большого приданого. Молодые переехали в лишнюю комнату в доме свекра. В тот же год Ханс Петер продал лудильщику с юга несколько резных поделок попроще. Благодаря этому семья получила муку и соль, а то не продержаться бы им следующую зиму. Изготовление деревянных мисок и ложек не особенно радовало старшего Ярлсона, но ласси хлопала в ладоши от удовольствия при виде узоров из рыбок и птиц, вырезанных им по краям мисок.

Фрида малость притихла, да и Ярлу стало чуть полегче. А ласси росла. Ханс Петер резал по дереву. И зима продолжалась без малейшей надежды на весну.

Глава 2

На севере говорят: третий сын — счастливчик. Это он отправляется в дальние страны и видит, как происходят чудеса. Третий сын короля Олафа Ястребиный Нос ускакал в битву верхом на северном ветре и вернулся с победой, нагруженный золотом и женатый на заморской принцессе. В сказках третьего сына называют «ясеневым пареньком» или, по-норвежски, Аскеладденом. И ума, и удачи ему равно не занимать.

В надежде вдохновить собственного третьего сына на покорение подобных высот Фрида назвала мальчика Аскеладденом. Жена дровосека мечтала однажды переехать во дворец, выстроенный ее собственным «ясеневым пареньком» на золото, найденное в дупле старого дуба. Затем сыночек вызволит из беды заколдованную принцессу и поселит ее у себя во дворце вместе со своей обожаемой маменькой.

Однако Аскеладден Ярлсон совсем не походил на героя сказок и легенд, и это понимали все, кроме его матери. Он предпочитал пить крепкое горное пиво и всячески уваливать от работы, стараясь жить за счет собственной изворотливости. А еще он предпочитал сочных крестьянских дочек ледяным принцессам, — так говорил он юной ласси, подмигивая и пихая ее локтем в бок.

В тот вечер Ханс Петер пересел на скамью и уступил ласси местечко поближе к очагу. Обычно он сидел там ради яркого света, да и бросать стружку в огонь так сподручнее, а вот тепло ему не требовалось. Казалось, холод не пронизывал его до костей, как остальных членов семьи. Ханс Петер утверждал, будто побывал в месте, где холоднее, чем в аду, и с тех пор разучился мерзнуть.

— Вот, ласси, — сказал старший брат, показывая кусок дерева. — Это что?

К двенадцати годам сестренка уже узнавала многие странные символы.

— «Олень», — бойко ответила девочка. — Только маме не показывай: она очень рассердится.

Ханс Петер подмигнул ей, причем куда дружелюбнее, чем Аскель:

— Не волнуйся. Не успеешь ты наморщить свой хорошенький носик, как эта деревяшка превратится в ложку с обвитой цветами ручкой.

Тут дверь их маленькой хижины распахнулась, и внутрь влетел пятнадцатилетний Эйнар. Второпях он оставил дверь открытой настежь,

впустив в дом ветер и снег. Юноша застыл посреди общей комнаты, упершись руками в колени и пытаясь отдышаться.

Остальные члены семьи, кто был дома, уставились на него. Лишь через несколько мгновений шестнадцатилетняя Катла метнулась закрыть дверь. Едва заперев тяжелую створку на засов, она повернулась к Эйнару.

— В... в... в де... деревне, — выдохнул он. — Йенс Педерсон говорит, он его видел.

— Кого видел? — спросил Аскель из угла, где начищал свои изношенные сапоги.

— Упаси меня святые угодники от полоумных детей, — пробормотала себе под нос Фрида и плотнее закуталась в потрепанную шаль.

Она снова принялась за вязание, не обращая внимания на Эйнара.

— Бе... бе... бе... — заикался Эйнар.

— Бе-бе-бе, — передразнил его Аскель и вернулся к надраиванию сапог.

— Белого оленя, — выпалил наконец Эйнар, и вся семья застыла в изумлении.

Сказок про белого оленя ходило столько же, сколько историй про везучих третьих сыновей. Все знали: если поймать белого оленя, можно попросить один подарок. А какие чудесные дары приносил белый олень! Сказочное приданое для дочек бедных рыбаков, мешки золота, новые дома, горшки, всегда полные до краев вкуснейшей едой, семимильные сапоги, золотые корабли... и еще множество замечательных вещей.

Все повскакали на ноги, разинув рты. Все, кроме Ханса Петера. Старший Ярлсон только покачал головой и вернулся к резьбе. Аскеладден пересек комнату двумя большими шагами и, схватив Эйнара за плечи, потрянул младшего брата:

— Ты уверен? Видели белого оленя?

Эйнар кивнул, снова лишившись дара речи.

— Где?

— К... к востоку, за выгоном Карла Хенриксона. У трех водопадов.

Аскель выпустил брата и схватил недочищенные сапоги. Сунув в них ноги, он натянул одну из висевших у двери залатанных парок.^[1] Затем снял со стены лыжи с палками.

— Не жди меня к ночи, мама, — весело бросил он и вышел в снежную замять.

Другие дети, до тех пор не промолвившие ни слова, вдруг разом засуетились, собираясь следом за ним. Все, кроме Ханса Петера и ласси. Фрида ничего не говорила, пока средние дети делили между собой теплую

одежду и лыжи и по одному выходили на холод. Когда за последним закрылась дверь, она недовольно повернулась к оставшимся, старшему и младшей.

— Ваши братья и сестры решительно настроены добыть семье состояние, но вы, я вижу, не таковы, — рявкнула она, протопала к очагу и взяла ложку, которой Катла мешала суп.

— Малышка слишком юна, чтобы гоняться по бурелому за лунными бликами, — ответил Ханс Петер. — Да и негоже безымянному ребенку бродить по лесам.

— А у тебя какая отговорка, у здорового-то мужика? Сидишь целыми днями у огня, как старуха, грея свои ленивые кости!

— Ласси слишком мала, а я слишком стар, — мягко ответил Ханс Петер. — Я отправился в погоню за лунным светом на борту «Морского дракона» и до сих пор об этом жалею.

Маленькая ласси переводила взгляд с ворчливой матери на брата с печальными глазами и не знала, как поступить. Ей-то, наверное, можно остаться. Как сказал Ханс Петер, она слишком маленькая, чтобы торчать на холоде, да и ночь близко. Но как же здорово было бы поймать белого оленя и попросить его сделать Ханса Петера снова счастливым!

— Я тоже иду, — заявила она и поднялась со своего места у огня.

Ее немного пробирала дрожь от страха: вдруг какой-нибудь тролль встретится? Но тогда, решила ласси, она просто назовется Аннифрид, именем своей сестрицы.

— Что? — поразился Ханс Петер. Он бросил кусок дерева, который резал, и взял сестру за руки. — Маленькая моя ласси, это не дело.

— Все со мной будет в порядке, — возразила девочка, изображая уверенность, какой вовсе не чувствовала.

— Парок не осталось, — заметил Ханс Петер.

— Возьму одеяло, — ответила ласси, подумав.

Она твердо решила поймать этого оленя ради Ханса Петера, и ничто не могло ее остановить.

— Ты замерзнешь до смерти! — взвизгнула мать. — Если хотела надеть парку, нужно было шевелиться. Иди помешивай суп, мне надо чулки штопать.

— Нет. — Ласси вскинула голову. — Я найду белого оленя.

— Тогда надень мою парку.

Ханс Петер поднялся наверх, и ласси услышала, как он роется в своем морском сундуке. Он редко его открывал, и петли недовольно скрипели. Ханс Петер спустился по лесенке и подал сестренке парку и сапоги:

— В этом не замерзнешь. И не потеряешься.

— Ой, я не могу! — Она схватилась за щеки, пораженная красотой протянутой ей одежды.

Сапоги и парка были отделаны тончайшим белейшим мехом, какой ей только приходилось видеть. Верхний слой из мягкого войлока, белого, как первый снег, был покрыт орнаментом из кроваво-красных и лазурно-голубых лент. Угловатые линии вышивки напоминали узоры, которые вырезал Ханс Петер, но ни один из знаков не показался ласси знакомым.

— Можешь и наденешь, — возразил старший брат, протягивая ей одежду. — Сапоги тебе велики, разумеется, но если влезешь в них, не снимая своих, то вполне сойдет. Привяжешь снегоступы и сможешь ходить как медведь. А парка укроет тебя от носа до кормы, что нелишне в такой холод.

— Эти вещи слишком хороши для нее, — проворчала мать, блестящими глазами обшаривая швы и оценивая качество работы. — Мы могли бы выручить за них у следующего торговца кругленькую сумму, это точно. — Она скрестила руки на груди. — Почему ты раньше не говорил, что у тебя есть такие вещи на продажу? А тут семья в нужде бьется!

— Я не отдам их ни за любовь, ни за деньги, — отозвался Ханс Петер.

В глазах у него появился тот же мертвый свет, какой был, когда он только-только вернулся домой, — свет, который лишь теперь начал тускнеть.

— Но... — начала Фрида.

— Я не отдам их ни за любовь, ни за деньги, — повторил ее первенец. — Я заработал их кровью и расстанусь с ними, только когда смерть заберет меня, не раньше. Сегодня ласси наденет их, а потом они отправятся обратно в сундук!

Не желая препираться с братом, пребывавшим в таком странном, яростном настроении, ласси влезла в предложенную одежду. Парка с лихвой закрывала колени, доходя до края голенищ. С ее собственными истертыми башмаками внутри сапоги сели как раз, но длинные рукава парки пришлось подвернуть.

— Мне никогда еще не было так тепло, — удивленно произнесла девочка.

Она и не знала, каково это — чувствовать всем телом, как тебя окутывает тепло. Обычно его ощущаешь только щеками и руками, сидя близко к огню.

Брат поднял ей капюшон, заправил внутрь волосы и завязал тесемки, чтобы капюшон не свалился.

— Если будет на то Божья воля, однажды тебе станет так тепло навсегда, — сказал он ей сиплым от чувств голосом.

Затем придержал рукава, пока она натягивала варежки, и ласси отправилась на поиски белого оленя.

Глава 3

Довольно быстро ласси напала на след остальных охотников. Они так истоптали и загрязнили снег, что с трудом можно было понять, за кем они гонятся: какие-либо отпечатки копыт белого оленя давно исчезли. Лай собак, крики и ругань людей доносились до девочки даже сквозь толстый, подбитый мехом капюшон парки Ханса Петера. Ласси закатила глаза, поражаясь такой глупости. Любое животное, услышав подобный гвалт, умчится стрелой, а белый олень — создание сверхъестественное, волшебный зверь с человеческим разумом. Он уже давно был таков.

Следопыты направились вверх по склону горы, и теперь девочка могла видеть, как они пробираются между густо растущими соснами. Поэтому она пошла вокруг подножия, по берегу ручейка, что вился между деревьями. Берега его обледенели, но посередине, где сильное течение, вода по-прежнему бежала свободно.

Ласси так наслаждалась ощущением тепла и с таким удовольствием шла вдоль берега, что не сразу поняла, кто перед ней, когда обогнула валун и наткнулась на белого оленя. За валуном прятались небольшие, но густые заросли. И в этих-то кустах и запуталось легендарное создание.

Он был такой же белый, как снег вокруг, и даже белее. Такой же белый, как парка на ласси, и даже белее. Такой же белый и даже белее, чем все белое, что ей доводилось видеть. Его громадные темные ветвистые рога блестели, как полированное дерево, а черные как смоль глаза закатились.

— Ох, бедняжка! — Ласси подбежала взглянуть, не сумеет ли помочь. — Попался.

Судя по следам на снегу, олень спускался по склону и соскользнул с небольшого обрыва прямо в колючие кусты. Когда девочка подошла, зверь всхрапнул и попытался забодать ее своими запутанными рогами, но ласси лишь поцокала языком.

— Я помогу тебе выбраться, только стой спокойно, — произнесла она примирительно.

Всякая мысль удерживать это создание, пока оно не исполнит ее желание, улетучилась. У ласси было нежное сердце, и она не выносила, когда страдали животные. Колючки сильно расцарапали оленя, и его прекрасную белую шкуру пятнали темно-красные капли. Дыхание его повисало в воздухе облачками, а копыта выбивали искры из камней под взрыхленным снегом.

— Ш-ш-ш, — успокоила его девочка. — Я тебя освобожу.

Она осторожно подобралась к зверю и ухватилась за длинный колючий побег, несколько раз обмотавшийся вокруг левой ветви оленьих рогов. Оленю не повезло: стебли кустарника еще не промерзли насквозь и просто отломать их не получалось.

Стоило ей высвободить первый побег, как он спружинил обратно, уколоч ей тыльную сторону кисти даже сквозь толстую шерстяную варежку. Оленя он ударил сбоку по голове, отчего животное взревело и забилося.

— Прекрати! — велела ласси. — Ты только хуже делаешь!

Сообразив, что по-другому никак, она расстегнула парку и сняла с пояса ножик. От залетевшего внутрь порыва холодного ветра ребра мгновенно застыли, да так, что ласси испугалась, не треснут ли они при глубоком вдохе.

Увидев нож краем закатившегося глаза, белый олень затопал и затрубил, но не смог сдвинуться с места. Теперь он так надежно застрял в колючках, что сам бы ни за что не выпутался.

— Тихо, — сказала ласси. — Это для колючек, а не для тебя.

Пилить ветки оказалось трудным делом, да и варежкам на пользу не пошло. Девочка сняла их, но пальцы слишком быстро онемели и отказались служить. Пришлось снова надеть варежки и дуть в них, пока пальцы вновь не обрели чувствительность. И все это время ласси негромко напевала колыбельную, которую пела ей Йорунн, когда она была маленькой. Пение успокаивало оленя. Он затих под ее руками, и выпутывать рога стало гораздо легче. Девочка старалась отсекал как можно меньше побегов, видя в каждой веточке горсть ягод, которую она не соберет в грядущие месяцы. Но свобода бедного животного была важнее.

Когда последний побег распрямился, олень поднял голову и потрянул великолепными рогами. Ласси громко ахнула от восторга. Белый олень аккуратно выступил из круга помятых колючек и повернулся к ней.

— Спасибо тебе, — произнес он.

У девочки отвисла челюсть. Она так увлеклась освобождением бедняги, что позабыла, что это не простой олень, а волшебное создание... способное исполнять желания.

— На здоровье, — внезапно оробев, проговорила Ласси.

Поймать не поймала, но, может быть, если вежливо попросить... Она робко протянула руку. Что, если схватить его за рога, пока он стоит совсем близко? Но она не могла заставить себя так поступить.

— Я сделаю тебе подарок.

Голос у оленя был гортанный, но музыкальный, и у ласси даже сердце заболело при его звуке, словно она слышала прекрасную музыку, которую никогда больше не услышит.

— Ой, пожалуйста, это было бы чудесно. — Она уже хотела захлопать в ладоши, но вовремя вспомнила про нож и торопливо сунула его в карман парки.

— Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы мой брат Ханс Петер выздоровел, — прошептала девочка, задыхаясь от надежды.

— Он болен?

— Он уходил в море, а вернулся... не таким. Погасшим. Печальным. Седым.

Трудно было описать перемену, произошедшую с братом: вроде ничего особенного, просто общее ощущение неправильности его нынешнего по сравнению с ним же прежним.

— Хм, загадка, — протянул белый олень, топая и переступая ногами в сумерках.

Девочка тоже зашевелилась. Теперь, когда голову оленя не пригибали к земле цепкие лозы, громадный зверь оказался гораздо выше ее, а его рога раскинулись шире, чем ее вытянутые в стороны руки.

— Что это? — резко спросил олень и указал бархатным носом на рукав парки Ханса Петера.

Ласси опустила глаза. Вставала луна, и в ее молочном свете вышивка на парке выделялась, словно засохшие капли крови на шелковой шкуре оленя. Ласси, нахмурившись, разглядывала узор. Некоторые символы выглядели полужнакомыми, и она осмелилась высказать догадку про те, что шли вокруг манжета:

— Путешествие? Лед и снег?

— Это письма троллей, — протрубил олень и шарахнулся от избавительницы. — Тебя прокляли тролли!

— Нет-нет, не меня! — запротестовала девочка. — Это парка моего брата и его сапоги. Он привез их из морских странствий. Пожалуйста, помоги ему! — Она умоляюще протянула к оленю руки.

— Я ничего не могу поделать, — ответил сказочный зверь, дрожа и разбрасывая капли крови на снег. — Если знаки на этом одеянии верны, то причинивший ему зло мне неподвластен.

Ласси заплакала. Ханс Петер проклят? Тогда никто и никак ему не поможет, и он всю жизнь проведет у очага, под горьким взглядом матери, одержимый этим злом. Она рухнула на колени.

— Тише, тише, малышка. — Олень ласково потерся о ее плечо мягкими губами. — Разве ты ничего не хочешь для себя? Красивый наряд? Приданое? Человеческие девочки обычно просят меня о таких вещах. А хочешь красивого поклонника?

Ласси слабо хихикнула и смахнула слезы с глаз:

— Вряд ли мне понадобится приданое, и вряд ли какой-либо поклонник станет долго за мной ухаживать. Я нежеланная четвертая дочь. У меня даже имени нет.

— Тогда я дам тебе имя, — решил белый олень. — Существо, столь щедрое духом, должно иметь собственное имя, а не то тролли могут украсть и использовать этот прекрасный дух как топливо для своего темного колдовства.

Олень приблизил бархатный нос к уху девочки и нарек ее именем на языке великих зверей лесов и гор, морей и равнин и жарких пустынь, каковой есть истинный язык творения.

Юная ласси обрела имя. Оно легло ей в сердце тайным сокровищем. Девочка подняла на белого оленя сияющие глаза:

— Спасибо, спасибо тебе, тысячу раз спасибо.

Выше по склону горы послышались крики и треск, поднятые пробивающими себе дорогу сквозь подлесок людьми и собаками.

— Убегай скорее, — сказала она белому оленю.

Громадный зверь склонил голову, на миг прижался черным носом ко лбу девочки, а затем развернулся и умчался в ночь. Ласси стояла на коленях возле ручейка, пока следопыты не нашли ее.

— Пика, что ты здесь делаешь? — Аскеладден схватил младшую сестру за руку и рывком поставил на ноги. — Видела, куда побежал олень?

Она захопала на него глазами, быстро соображая. Остальные столпились вокруг, высоко держа факелы. Некоторые даже копья прихватили. Видно, думали, что лучше ранить, а то и убить оленя, нежели дать ему уйти.

— О чем ты говоришь? — Ласси с невинным видом огляделась. — Аскель, ты зачем сюда пришел? — Она указала на следы на снегу, уходящие прочь от места, где они стояли. — Я думала, ты ищешь белого оленя.

— Мы и ищем, глупая девчонка! — заорал Аскель. — Ты его видела?

— Это был не белый олень, а бурый. Он запутался в колючках, и я его вызволила. — Она вывернулась из хватки брата. — Я подумала, вдруг это один из наших, но он оказался диким и убежал.

— Бурый олень? — Аскель сник, на его красном лице явственно

проступило разочарование. — Я видел его с вершины холма! Могу поклясться, он был белый.

— У него снег набился в шерсть, — сказала девочка.

— Ну, Аскель, загонял ты нас изрядно, а все попусту! — негодуяще воскликнул один из охотников.

Остальные тоже заворчали, и некоторые из них направились в разные стороны, высматривая признаки добычи.

— А-а! — Аскель в раздражении провел руками по лицу. — Нам никогда ничего не найти в такой темноте, даже при луне, — пожаловался он, фыркнул и повернулся к сестре: — Шла бы ты лучше домой, пика. Здесь тебе небезопасно, и ты это знаешь.

И тут его взгляд остановился на ее одежде. Аскель прищурился и втянул воздух сквозь стиснутые зубы.

— Где ты взяла эту парку?

Его собственное одеяние представляло собой пеструю мешанину старых кусков меха и сукна, где заплаток было больше, чем целой ткани.

— Это Ханса Петера, — ответила ласси, отступая перед его жадным взглядом. — Он одолжил ее мне, но только на сегодня.

— Так вот что он прятал в том старом сундуке, — задумчиво произнес третий брат, и лицо его сделалось жестким. — Интересно, что еще он привез из своих странствий?

— Тебе — ничего, — огрызнулась девочка.

Но Аскеладден ее не слушал. Он глядел на ту сторону ручья, расчетливо прищурившись.

— Я иду домой.

Брат не ответил. Ласси не стала повторять, а просто повернулась и двинулась вдоль ручья и вниз по склону к родной хижине.

— Ну? — Мать стояла у огня с сердитым видом.

— Я нашла бурого оленя, — сказала девочка, снимая красивую парку и протягивая ее Хансу Петеру.

— От бурого оленя нам проку не много, — фыркнула мать. — У нас в хлеву полно бурых оленей, или ты не знала? — Она вернулась к котлу с супом.

Ханс Петер забрал у ласси парку и опустился на колени, чтобы помочь ей стянуть сапоги. Девочка похлопала его по плечу и, когда он поднял глаза, показала головой в сторону лестницы.

Ханс Петер понимающе кивнул.

— Помоги мне отнести вещи наверх, ладно? — сказал он сестре, чтобы слышала мать.

Ласси взяла правый сапог, Ханс Петер — левый, и оба полезли наверх. Ханс Петер не стал при сестре открывать свой морской сундук, а уселся на него и жестом велел ей поставить сапог в изножье его койки. Ласси почтительно поместила сапог рядом с его товарищем, а затем уселась на краешек койки. Так они с братом могли слышать друг друга, даже если говорили негромко.

— Аскель видел меня в этих вещах, — сообщила ласси пристыженно, словно выдала секрет. — Ему стало любопытно, что еще ты привез из странствий.

— Когда я только вернулся, он следил за мной, — покачал головой Ханс Петер. — Ладно, похоже, мне предстоит очередной раунд приставаний. — Он взглянул в ее пораженное личико и улыбнулся. — Не волнуйся, девочка моя. Аскель настойчив, но я упрям. Он не узнает ничего, чего я ему не позволю. — Он резко потер руки, словно смывая тему. — Так. Полагаю, ты не видела и следа белого оленя?

Ласси хотела соврать ему так же, как и Аскелю с матерью, но ее выдали глаза. Она не могла лгать Хансу Петеру. Он всегда был добр к ней и позволил надеть свою особенную парку и сапоги.

— Ты его видела, — выдохнул Ханс Петер. Лицо его прояснилось. — И как? Он был великолепен?

— Ага, — согласилась ласси, чуть подпрыгнув на койке при воспоминании.

— Как близко тебе удалось подобраться к нему?

— Очень близко. — Она приглушенно хихикнула. — Очень.

Ханс Петер уставился на сестру в восхищении:

— Ты поймала белого оленя?

— Колючки поймали его за меня, — прошептала она, наклоняясь еще ближе. — Мне стало его ужасно жалко, и я вызволила беднягу, не заботясь о том, белый он или бурый. А потом он...

Но тут она осеклась. Олень вручил ей дар, не тот, о каком она просила, но все равно бесценный.

— Он выполнил твое желание? — Ханс Петер ждал ее кивка. — Сдается мне, ты не стала просить новый дом или чтобы ужин никогда больше не подгорал, — добавил он, негромко хохотнув.

Девочка закрыла глаза, чувствуя себя дурой. Ну конечно, надо было попросить новый дом! Или котел, который никогда не пустеет. Или кошель золота.

— Он и правда предлагал мне богатое приданое, — промямлила она.

— Но ты не взяла, потому что слишком мудра для этого, — сказал

брат, глядя ее по руке. — Слишком мудра, чтобы пожелать золотой дворец для этой кучки неблагодарных людей.

— Я должна была...

— Вовсе не должна, — заверил он ее. — Пожалуйста, скажи мне, что хотя бы раз в жизни ты попросила чего-то для себя.

— Так и было. — Она покраснела и опустила голову.

— Можно спросить что?

— Имя.

Повисла тишина. Долго-долго брат с сестрой неподвижно сидели рядышком. Затем Ханс Петер отпустил ее холодную ладошку и обнял сестренку за плечи, крепко прижав к своему теплему боку.

— Ах, моя маленькая ласси, — сказал он наконец. — Какое сокровище можно подарить тебе, — тебе, у которой даже имени собственного нет!

— Хочешь... хочешь услышать его? — запинаясь, спросила девочка.

Она не знала, как сообщить родителям, что у нее спустя все эти годы появилось имя. А вдруг они спросят, где она его взяла? Имя было красивое, но любой понял бы, что оно нездешнее.

— Нет, — тихо ответил Ханс Петер. — Береги его. Храни глубоко в сердце. В мире есть места, где не иметь имени — большая удача, спасение. — Взгляд его устремился далеко за пределы хижины.

Девочка слегка вздрогнула, заметив уныние на его лице.

— Но зачем человеку имя, если никто его не знает? — прошептала она.

— Однажды для твоего имени придет время и место, — сказал ей брат. — Но до тех пор, наверное, лучше тебе оставаться нашей пикой.

— Твоей ласси.

— Моей ласси, — согласился он, пригладив ей волосы.

Они услышали, как стукнула, распахнувшись, дверь хижины и в дом с рычанием ввалился Аскель. Ханс Петер закатил глаза, а его младшая сестренка рассмеялась. Они вместе спустились по лестнице навстречу брату.

Глава 4

Вскоре ласси заметила в себе кое-какую перемену. Кошек в семье не держали, а за оленями ходил ее брат Эйнар. У них было несколько кур, но куры не ахти какие собеседники, и если ласси и обратила внимание, что понимает их кудахтанье, это не задержалось у нее в голове.

Она не придавала новому свойству значения, пока однажды не пришли в гости Йорунн и ее муж, Нильс, и не привели с собой охотничьего пса-подростка. Большелопатый и ласковый щенок обожал сидеть у огня рядом с Хансом Петером, занимавшимся резьбой по дереву. Когда кто-нибудь подходил, щенок принимался стучать хвостом по полу и глядел на человека почти с улыбкой.

На второй вечер визита Йорунн ласси пекла лефсе.^[2] Снимая готовую лепешку с горячей сковороды, она услышала голос:

— На вид очень вкусно.

Решив, что это сказал Ханс Петер, она улыбнулась брату:

— Спасибо. Хочешь кусочек?

— Мм? — Ханс Петер оторвал взгляд от резьбы. — Что ты сказала?

— Я спросила, не хочешь ли ты кусочек лефсе.

— Да нет, — скривился он. — Я не люблю их без ничего.

— Тогда почему ты сказал, что на вид вкусно? — Она ловко перенесла румяный плоский кружок на блюдо.

Ханс Петер озадаченно взглянул на нее:

— Я не говорил.

Девочка огляделась. Рядом больше никого не было.

Послышался стук по полу, и ласси взглянула сверху вниз на щенка. Тот тарачился на нее, виляя хвостом:

— Можно мне кусочек, если он не хочет?

Ласси пристально посмотрела на щенка.

— Ты это слышал? — Она указала лопаткой для лефсе на собаку, но вопрос ее был адресован Хансу Петеру.

— Что слышал?

— Пес попросил кусочек лефсе.

— Он не просил.

— Просил, — возразил пес. Уши у него повисли. — Но ты не обязана мне его давать, если не хочешь.

— Ханс Петер, — сказала ласси, понизив голос, чтобы остальные не

услышали, — этот пес со мной разговаривает.

— Понимаю. — Он отложил кусок дерева, на котором что-то вырезал, и аккуратно зачехлил нож. Потом поднялся, подошел к младшей сестренке и положил ей руку на плечо: — У тебя голова не болит?

— Нет.

— Ты сегодня ела?

— Да. — Она раздраженно дернула плечом, стряхнув его ладонь. — Он со мной разговаривает. Я не больна, не спятила и не сплю. — Она снова указала лопаткой на собаку: — Скажи что-нибудь еще!

— Можно мне кусочек, пока он не остыл?

— Вот! — Она торжествующе повернулась к Хансу Петеру. — Слышал?

— Нет. — Брат покачал головой, но лицо у него сделалось задумчивое. — Однако я слышал, что он издает звуки. Ворчит и скулит, как и положено собаке.

— Но я разобрала слова совершенно ясно.

Ласси в расстройстве швырнула лопатку. Затем, увидев, что мать смотрит в их сторону, быстро налила на сковородку еще теста и краешком лопатки разровняла очередной лефсе. Пока блин жарился, она снова переключила внимание на собаку.

— Ты знал, что мой брат не понимает тебя? — спросила она негромко.

— Никто не понимает, — тут же отозвался пес. — Я все время говорю, но ты первая, кто понял. — Он задрал заднюю лапу и почесал за ухом. — Сестра у тебя славная, но я весь день ее умоляю, а она никогда не дает мне ничего вкусного. — Его большие карие глаза сосредоточились на стопке лефсе, остывающих на столе. — Пожалуйста, всего один кусочек, а?

Ласси оторвала полоску от края блина, скатала ее и бросила молодому псу. Тот поймал угощение, клацнув зубами, и съел. Покончив с едой, он вздохнул и снова взглянул на девочку.

— На вкус твой лефсе так же хорош, как на вид, — сообщил он.

— Спасибо, — ответила ласси, все еще потрясенная.

— Ты по-прежнему говоришь с собакой? — Изумление на лице Ханса Петера уступило место любопытству.

— Да, и он отвечает, — сказала девочка.

— А раньше тебе доводилось слышать, как звери разговаривают?

— Нет, я... погоди-ка. — Она поджала губы. — Сегодня утром, могу поклясться, одна из кур сказала: «Опять она идет!» — когда я открыла курятник. Но Эйнар и Анни тоже были во дворе.

— Хм. — Ханс Петер присел на корточки рядом с собакой. — Можешь

поговорить со мной, малыш?

Пес некоторое время изучал его, потом сказал:

— Могу попробовать.

Ханс Петер поднял глаза:

— Это прозвучало как скулеж.

— Он сказал, что попробует, — перевела ласси.

— О чем это вы двое там шепчетесь? — Йорунн, веселая и розовощекая, подошла к огню. — Учите Нильсова пса фокусам?

Ее длиннопалые ладони гордо покоились на большом животе: Йорунн ждала ребенка.

Ханс Петер и младшая сестренка переглянулись. Брат откашлялся:

— Мы пытаемся научить пса разговаривать, но, похоже, ничего не получается.

— Ах вот как! Нильс говорит, он не очень смысленный.

На это ласси ощетибилась. Пес показался ей весьма разумным.

— По-моему, он сметливый. Давайте попробуем фокус еще раз. — Она подмигнула псу и наставила на него палец. — Говори, малыш!

Пес сел и залаял.

— Хороший пес! — Ласси кинула ему кусочек лефсе. — А теперь ложись!

Он послушно лег на вытертый коврик.

Еще кусочек лефсе.

— Перевернись!

Пес перекатился на спину.

— Ха! — Ласси бросила ему последний кусочек лефсе под одобрительные восклицания сестер, собравшихся вокруг посмотреть.

— Будь добра, перестань скармливать животному наш ужин, пика, — прошипела мать, положив конец веселью.

— Да, мама. — Девочка выпрямилась и вернулась к работе.

Йорунн и Ханс Петер сочувственно посмотрели на нее.

— Нильс! — весело приветствовала Йорунн мужа, когда тот вернулся с остальными парнями из хлева. — Только посмотри, моя младшая сестренка научила пса нескольким фокусам.

Нильс засмеялся и подошел, и пес старательно исполнил новые ужимки. Пока мать не смотрела, Йорунн отломил кусочек желтого оленьего сыра от лежащего на столе клина и дала собаке.

— Вот бы ты и с оленями так ловко управлялась, — тоскливо произнес Эйнар, когда сажались за стол. — С нашей старшей оленухой что-то не так.

— Что такое? — встрепенулся сидевший во главе стола Ярл. — Она дает меньше молока?

— Вообще не дает, — проворчал Эйнар. — Так и норовит меня укусить, когда я подхожу близко. Даже если удастся ее стреножить и привязать, ничего не выходит.

— Вот досада, — отозвался Ярл, заворачивая кусочек соленой рыбы в лефсе и принимаясь задумчиво жевать. — Та беломордая оленуха всегда была у нас лучшей.

— Если она слишком стара, чтобы доиться, то ей пора в котел, — заявила Фрида. — Зарежьте ее завтра. Торст, у тебя это хорошо получается.

Ярл покачал головой, а Нильс, муж Йорунн, ловко перевел беседу на более приятные темы. Ласси не терпелось продолжить беседу с собакой, но молодого песика выгнали в хлев, пока люди ели. Ночью пса в дом не забрали, и девочка лежала без сна в большой кровати вместе с матерью и сестрами и гадала, спятила она или просто Бог нашел странный способ благословить дитя, во всем прочем оставленное без Его попечения.

На следующее утро ласси отправилась в хлев посмотреть, как дела у Эйнара. Она послушала кур, но совсем недолго. Да, они болтали, но не очень интересно, и они не замечали, когда она им отвечала. Девочку больше заботила оленуха. Как и отцу, ей не хотелось, чтобы беломордую зарезали. Олени никогда ее особенно не занимали, но именно эта оленуха была самой красивой в их маленьком стаде.

При мысли об олени ласси остановилась, едва войдя в хлев. Ведь она говорила с белым оленем. Неужели он сотворил с ней нечто такое, что теперь она может говорить с животными? Девочка вспомнила о его поцелуе, о прикосновении его мягкого носа к своему лбу, о тепле его дыхания. И в груди у нее родилась уверенность: это дар не Бога, а странных древних духов земли.

— Ты собираешься помогать или нет? — спросил Эйнар из дальнего угла хлева.

В одной руке он держал ведро, а в другой табуретку. Они служили ему щитом, позволявшим удерживать оленуху в углу. Та жалобно мычала, ее карие глаза закатывались.

— Больно, больно, больно, — стонала она.

— Эйнар, прекрати! — Ласси подскочила к брату и легонько стукнула его по плечу. — Ей больно.

— Она просто упертая, — проворчал Эйнар, размахивая табуреткой перед носом у оленя.

Издав звук наподобие кашля, обычно кроткое животное увернулось и

действительно бросилось на Эйнара. Ласси шагнула вперед и поймала оленуху за истертый веревочный ошейник, когда та уже прыгнула. Тяжелое животное протащило ее несколько футов, прежде чем остановилось, и Эйнар нырнул в кучу опилок и сухого мха, используемых на подстилку для оленей.

— Тихо, тихо, ну же, тихо, — стала успокаивать ласси беломордую. — Не обращай внимания на глупого мальчишку и Расскажи мне, что не так.

— Больно.

Оленуха, тяжело дыша, привалилась к девочке. Бедняжка дрожала, на густой бурой шкуре проступили влажные пятна пота.

— Где больно? — проворковала ласси.

— Вымя, — ответила оленуха и содрогнулась.

Эйнар стоял в нескольких шагах от них и, разинув рот, таращился на младшую сестру:

— Она вправду с тобой разговаривает?

— Да, — коротко отозвалась девочка и опустилась на колени возле оленя. — Пожалуйста, дай мне посмотреть. Обещаю не делать тебе больно.

Оленуха снова вздрогнула, но все же кивнула.

Ласси нагнулась ниже и посмотрела на раздутое вымя оленухи. Трудно было что-то разглядеть сквозь густую свалывшуюся шерсть. Наверное, поэтому Эйнар раньше и не заметил беды. На одном из сосков темнела отметина от укуса, и там началось воспаление.

— Ее укусила лиса, — сообщила девочка брату. — Посмотри сюда.

Эйнар нагнулся посмотреть и негромко присвистнул.

— Ой, будь я... Я ведь даже не подозревал! — Он хлопнул оленуху по боку. — Прости, девочка. Я принесу тряпок и обмою.

— В прошлом году, когда Анни порезала руку, папа купил лекарство, — напомнила ему ласси, выпрямляясь и глядя оленуху куда ласковее. — Там в коричневом горшочке на буфете еще есть немного.

Эйнар кивнул и побежал за тряпками и снадобьем. Ласси осталась рядом с оленухой, поглаживая ее по носу.

— Прости, мы не знали, — мягко сказала она. — Я позабочусь, чтобы с этих пор никакие лисы тебя больше не трогали.

И она сдержала обещание. Да и как лисы могли не послушать ее, если она в ответ выслушивала их горести?

Вскоре по округе пошла молва, будто младшая дочка Ярла Оскарсона имеет подход к животным. Ей можно было доверить успокоить самую вредную лошадь или вразумить самого тупого барана, а лисы и волки обходили двор Ярла по большой дуге. Когда такие пересуды достигали

ушей Фриды, та фыркала и отворачивалась. Но Ярл сиял от гордости за младшую дочь и про себя думал: какая жалость, что у жены так и не нашлось для нее имени, ведь девочка постепенно превращалась в весьма привлекательную молодую женщину.

Глава 5

В шестнадцатую зиму ласси в доме оставались только она, Ханс Петер и Эйнар. Остальные все переженились или, в случае Торста и Аскеля, отправились на заработки в Христианию. Несмотря на погоду, то было счастливое время. Они по-прежнему мерзли, и пищи едва хватало, но кормить приходилось меньше ртов.

С практической точки зрения ласси могла понять холодность матери по отношению к детям и ее мрачную радость при проходах их в большой мир. Хорошо иметь больше места в кровати и больше одеял, в которые можно закутаться. Приятно вставать из-за стола с полным животом и знать, что и завтра после ужина живот будет полон.

Слава юной девушки, знающей подход к животным, продолжала распространяться, и это также приносило семье небольшой доход. Люди давали полдюжины яиц с одной курицы, чтобы ласси сказала им, чем хворает другая, и пару уток за помощь в обучении новой собаки. Ласси нравилось слушать зверей и птиц, хотя она никому, кроме Ханса Петера, никогда до конца не объясняла, как у нее получается докапываться до истины.

К шестнадцати годам ласси уже полагалось бы гулять с одним из живущих по соседству парней, но звери интересовали ее гораздо больше, чем молодые люди. Она не хотела прожить жизнь так, как ее мать: озлобленной и одинокой, с девятью детьми на побегушках. Ласси любила малышей и понимала, что когда-нибудь ей захочется одного или двух собственных. Но сначала она мечтала посмотреть мир. Ей хотелось путешествовать, знакомиться с новыми людьми и разгадать тайну печали в глазах Ханса Петера.

Однажды летним днем (хотя он вряд ли заслуживал такого названия) ласси как раз размышляла об этом, вытаскивая ведро с водой из колодца. Она уже принесла обратно сыр, оставленный Ярлом в качестве подношения троллям. С тех пор как белый олень даровал ей имя, она взяла за правило забирать еду, как только отец уходил рубить дрова. Затем она маскировала добычу: нарезала сыр ломтиками или взбивала сливки в масло, чтобы он не заметил. Фрида восприняла это как проявление здравого смысла в младшем ребенке, а Ярл пребывал в уверенности, что тролли умиротворены.

Чтобы разбить корку льда на поверхности воды, ведро приходилось бросать в колодец с силой. Но было достаточно тепло и без парки, вполне

хватало двух свитеров и варежек. Ласси даже подумывала сходить после обеда поискать морошку.

Вдруг она услышала странный плач и подскочила. Половина воды выплеснулась из ведра обратно в колодец. Ласси резко обернулась, пропуская веревку между пальцев.

— Прости, девочка, — пророкотал дружелюбный голос. — Не знал, что ты замечталась.

Ласси подняла голову выше и уперлась взглядом в улыбающиеся глаза и бородатое лицо свекра Йорунн, Рольфа Симонсона. Это был громадный, похожий на медведя дядька с непривычно темными волосами и светлыми веселыми глазами. В руках у него было драное одеяло, которое извивалось и скулило. Так вот откуда доносился услышанный ею плач!

— Припас для тебя кое-что, — проворчал Рольф, протягивая ей сверток. — Нынче утром нашел и говорю Нильсу: младшей сестричке Йорунн понравится такая штука. Отнесу-ка ей. — Он добродушно хохотнул.

Ласси вытаращилась на гостя. Зачем, во имя всех святых, он принес ей младенца? Брыкающийся, плачущий сверток не мог быть ничем другим!

— Подойди же и возьми его, девочка, он не укусит... ну, попытается, конечно, но зубки у малыша не шибко острые. — Он снова махнул свертком в ее сторону.

— Что это?

— Щенок-сирота. — Рольф Симонсон рассмеялся. — Я подумал, ты ухватишься за возможность получить собственную собаку!

Юная ласси обмякла и прислонилась спиной к колодцу.

— Мне показалось, это младенец, — пролепетала она.

Свекор Йорунн взревел от хохота, отчего щенок запищал и забился еще сильнее.

— Младенец?! Думала, я выкрал младшенького у твоей сестрицы? Младенец!

Смех и хохот выманили из дома Фриду и даже Ханса Петера, и теперь они стояли во дворе и переводили взгляд с ласси на Рольфа Симонсона. Ханс Петер улыбался своей призрачной полуулыбкой, а Фрида придала лицу самое приветливое выражение.

— Сосед Симонсон, — пропела она, — не заглянете ли на кружечку эля?

— Непременно, матушка Фрида, — отозвался гость. — Но сначала ваша младшенькая должна забрать у меня этого щенка, пока я его не уронил.

И правда, малыш, по-прежнему невидимый в складках одеяла, отчаянно рвался на волю. Еще немного — и он вывернулся бы из ручищ фермера и упал бы на каменистую землю двора. Ласси вовремя перехватила сверток.

Как раз в этот миг из одеяла высунулась крохотная меховая голова, и щенок пискнул на девушку. Глаза у него еще не открылись, и он был темно-серый с черными отметинами. Он снова пискнул и вонзил игольно-острые молочные зубки ей в палец.

— Ай, прекрати!

Ласси отняла у него палец и постучала им щенка по носу. Не отрывая взгляда от маленького существа, она последовала за Рольфом Симонсоном и матерью в дом. Замыкал шествие Ханс Петер.

— Ему всего несколько дней, — прикинул брат.

Они с ласси присели на корточки у огня, чтобы как следует разглядеть щенка.

— Даже меньше того, — вступил в беседу Рольф Симонсон. — Я наткнулся на него сегодня утром, когда пошел в хлев. Мать, верно, прокралась из лесу, пристроилась в высокой траве у меня за сараем да и принесла его. Потом убрела отдыхать в другое место и позабыла про малыша.

— Поблагодари соседа Симонсона за собаку, — рявкнула Фрида на младшую дочь.

Она зачерпнула гостью кружку эля из бочки в углу и поставила на гладко выскобленный стол.

Ласси вскочила на ноги, красная от смущения:

— Спасибо вам большое, сосед Симонсон. Вы очень добры, что подумали обо мне.

— Да на здоровье, детка, — ответил он, отмахиваясь от ее благодарностей, и припал к кружке с элем. Осушив ее наполовину, он сказал: — У девочки с твоим талантом по части зверей должен быть собственный зверь! — Рассмеялся и сделал еще глоток.

Ласси было понятно, что мать недовольна прибавлением в доме. Только собаки не хватало! Но если отдать пса на сторону, свекор Йорунн узнает, поэтому Фриде волей-неволей придется разрешить дочери оставить щенка. Ласси была на седьмом небе.

— Хм, — кашлянул Ханс Петер, привлекая ее внимание к собаке. — Ласси...

Она опустилась обратно к очагу и взяла щенка на руки. Тот сразу принялся шумно сосать ее палец.

— Ласси... — Ханс Петер дернул ее за рукав.

— Что такое? — раздраженно зыркнула на брата девушка.

Она как раз собиралась пойти раздобыть немного оленьего молока для щенка и прикидывала, как бы сделать ему соску из старой кожаной перчатки.

Ханс Петер подождал, пока мать и Рольф Симонсон увлекутся сплетнями, наклонился к сестре и прошептал ей на ухо:

— Посмотри-ка хорошенько на этого... щенка.

Ласси взгляделась в крохотное существо. Его мягкая шерстка торчала во все стороны, и он по-прежнему деловито сосал ей палец. Перышко хвоста вертелось практически по кругу. Она подняла глаза на брата, вскинув брови в немом вопросе.

Он еще больше понизил голос:

— Неужто не видишь?

Ласси помотала головой, озадаченная.

— Может, мать у него и собака, хотя я в этом сомневаюсь, но если так, то отец — точно нет.

Щенок отпустил палец девушки и повернул голову с плотно закрытыми глазками к Хансу Петеру. Он зарычал, а скорее, пронзительно пискнул и ударил лапой по ладони мужчины.

— Ох... — Теперь и ласси увидела это.

Ханс Петер не ошибся: может, один из родителей щенка и был собакой, но вряд ли. Судя по всему, она держала в ладонях чистокровного волка.

Девушка посмотрела на брата, а затем на поглощенных беседой мать и соседа. Она взяла щенка на руки и встала. Все повернулись к ней. Мать досадливо поморщилась, раздраженная тем, что ее отвлекли от любимого занятия. Рольф Симонсон весело подмигнул. Ханс Петер озабоченно хмыкнул и тоже поднялся.

Ласси откашлялась:

— Сосед Симонсон, если не возражаете, я назову щенка Ролло — в вашу честь.

Здоровяк отсалютовал ей кружкой эля:

— За юного Ролло, моего тезку!

Фрида фыркнула, а Ханс Петер открыл рот, словно хотел что-то сказать. Ласси окинула обоих дерзким взглядом и отвернулась.

— Я разрежу ту старую кожаную перчатку, у которой нет пары, — объявила она. — Ролло нужно немедленно покормить.

Вот так младшая дочка Ярла Оскарсона обзавелась собственным

волком, и молва о ее подходе к животным росла так же быстро, как и Ролло.

Глава 6

Как ни любила юная ласси разговаривать с животными, в глубине души она всегда чувствовала, что однажды волшебный дар доведет ее до беды. Одно утешение: день этот наступил лишь посреди суровых месяцев ее семнадцатой зимы.

К тому времени Ролло превратился в рослого молодого зверя, широкогрудого, длинноногого и покрытого густым мягким мехом. Весь серый, он прятал в подбрюшье белое пятно, которое показывал только ласси и иногда Хансу Петеру, если уж очень хотел, чтобы почесали. На макушке и плечах у него чернели резкие отметины.

— Погляди на красавца. — Ханс Петер стоял у колоды для рубки дров и наблюдал за волком.

Ролло непринужденно развалился на краю двора возле торчащей из снега травяной кочки. В траве обитало семейство мышей, и Ролло об этом прекрасно знал. Как ни ругалась хозяйка, он твердо решил изловить хотя бы одну. В конце концов, они находились в его владениях.

— Ролло, — предостерегающе произнесла ласси.

Она сидела на поленнице и читала письмо от их сестры Катлы. Та вышла замуж за рыбака и перебралась к морю. Неуклюже сложив письмо руками в варежках, ласси убрала листок в карман и плотнее закуталась в старую латаную парку.

— Брр. Скорее бы мама закончила со свечками!

— Ну почему ты чихаешь, когда она делает свечи?

— Это из-за добавок. — Девушка сморщила нос. — Она кладет туда травы и засушенные цветы. Лучше бы простые свечи делала.

Краем глаза она заметила Ролло и привстала.

— Высмотрел-таки одну! Вот негодник!

Она указала на волка, чья небрежная поза обрела некоторое напряжение. Одно ухо с черным кончиком встало торчком.

Упитанная серая мышь вынырнула из-под кочки и понюхала воздух дрожащим носом. Ролло сохранял неподвижность. Мышь шмыгнула на дюйм вперед. Ролло не моргнул. Мышь помедлила, поводила усиками и пробежала по левой передней лапе Ролло. Он не шелохнулся.

Когда толстая маленькая мышка оказалась в полшаге от Ролло, волк взвился в воздух и опустился на мышь обеими передними лапами. Вывалив язык, он припал к земле, влажным черным носом обнюхивая добычу.

Ханс Петер захохотал и стал хлопать себя по бедрам, а мягкосердечная ласси бросилась к своему любимцу.

— Ну же, Ролло, довольно, — сердито сказала она. — Ты напугал бедняжку. Отпусти ее.

Ролло поднял на хозяйку умоляющие глаза.

— На меня это не действует, волчонок, — произнесла она самым грозным тоном. — Еды у тебя с лихвой. Мышь тебе ни к чему.

— Да ведь они вредители, — напомнил ей Ролло. — Вот проберутся в дом, погрызут одежду и съедят *нашу* еду.

— Но эта-то не в доме. Она снаружи. И тут ее место. — Ласси уперла руки в боки и топнула ногой. — Ролло!

Испустив глубочайший вздох, волк разжал лапы, и мышка, пошатываясь, побрела прочь. Нос у нее дрожал так сильно, что выглядел как размытое пятнышко, а сама мышка каждые несколько шагов останавливалась и покачивалась, словно вот-вот свалится в обморок. Преисполнившись жалости, девушка наклонилась и аккуратно подхватила бедняжку, а затем поставила прямо перед входом в норку, где обитало ее семейство.

Снова вздохнув, Ролло поднялся, отряхнул свою густую шубу и беззаботно направился к поленнице, намереваясь обнюхать складываемую Хансом Петером растопку.

— Много дерева, — заметил он.

— Он говорит, много дерева, — перевела Ласси.

Ханс Петер выставил палку в сторону волка:

— Это ты рассказал ласси про надвигающуюся бурю?

Ролло ответил коротким взвизгом, что означало «да». Им с ласси удалось выработать кое-какие знаки для Ханса Петера — так он хотя бы до некоторой степени мог понимать волка. По мнению Ярла, дочка с питомцем весьма умно придумали. Он и сам довольно часто беседовал с волком и старался понять его ответы. Однако Фриде все это казалось противоестественным, так что при ней Ханс Петер и ласси старательно обращались с Ролло как с обычным псом. Ролло был понятлив и разыгрывал перед Фридой роль тупой гавкалки. Он грыз старые тапки и скулил под дверью, когда снаружи раздавался шум, хотя тапки не нравились ему на вкус и он прекрасно знал, что за окном только ветер.

— Очень много дерева, притом снаружи, — сказал Ролло, и ласси перевела. — Вряд ли вам понадобится такая куча, но часть стоило бы занести внутрь, чтобы под рукой было.

— Понял. — Ханс Петер взглянул на поленницу. — Он знает, какой

высоты будет снег? Или как долго продлится вьюга?

— Высоко и долго, — перевела ласси ответы на оба вопроса. — Но насколько высоко и как долго, точно сказать не может. Впрочем, Ролло думает, что буря будет не такой страшной, как в его первую зиму.

— Что ж, и то хлеб, — проворчал Ханс Петер.

Он переложил дрова на перевязь из холстины, чтоб удобнее было заносить в дом.

Спустя полгода с тех пор, как Рольф Симонсон принес ласси щенка, на долину обрушился ураган. Десять дней семья жалась к очагу, не выходя из дома, и молилась о том, чтобы метель прекратилась. Когда все кончилось, сугробы лежали выше крыши. Только через неделю им удалось прокопать туннель через двор и проведать оленей. Ярл зарабатывал на жизнь рубкой деревьев в глубокой чаще, но прошло больше месяца, прежде чем он осмелился вернуться к работе. Пришлось зарезать трех оленей, чтобы свести концы с концами. Старожилы не припоминали бури ужаснее, и даже Фрида мелко крестилась и бормотала про троллей, пока прокапывали дорогу к хлеву.

Услышав совет Ролло, ласси поспешила нагрузить холщовую перевязь дровами. Однако не забросила ее на спину, как сделал брат, а просто поволокла по утопанному снегу к двери. Перед входом оба постучали башмаками о порог, чтобы сбить снег, а Ролло изящно отряхнул лапы и лишь потом ступил на Фридин чисто выметенный пол.

Они вошли как нельзя вовремя: последние свечи остывали на столе, а травы были убраны. Ласси чихнула три раза подряд и поспешила заняться ужином.

Когда начали падать первые снежинки, они как раз садились есть. И вдруг дверь дома с грохотом распахнулась, впустив громадное белое мохнатое существо. Фрида завизжала, а ласси перепрыгнула через скамейку спиной вперед. Ролло взметнулся со своего места у огня и встал между людьми и чудовищем, вздыбив шерсть и рыча.

Мохнатая фигура загоготала и откинула высокий воротник, закрывавший лицо. Это оказался Аскеладден, прямо из города. Он снова расхохотался при виде их лиц, а затем отряхнулся. Снег осыпался с его парки и капюшона, обнажив серый мех.

— Ты весь пол снегом засыпал, — попеняла брату быстро оправившаяся ласси.

— Тогда возьми веник и подмети, пока не растаяло, — велела ей мать. — Входи и садись, сынок, тушеного мяса вот поешь. Эйнар сейчас у Нильса, помогает ему крышу латать, так что у нас много лишней еды. —

Она засуетилась вокруг любимого третьего сына. — Как славно, что ты нас навестил. Я по тебе скучала.

— Я не просто так приехал, — сообщил Аскеладден, сбрасывая облепленную снегом верхнюю одежду и оставляя ее на полу, чтобы ласси ею занялась. — Я приехал охотиться.

— Охотиться? Здесь? — Ярл покачал головой. — В наших краях разве что песцов бить, да их у вас и под городом полно.

— Какие там песцы, — возразил Аскеладден со своей обаятельной улыбкой. — Исбьорн.^[3] Гигантский белый исбьорн! Существо, по сравнению с которым белый олень — ничтожная дичь.

— Исбьорн? Да ведь в наших местах полярные медведи не водятся, — удивилась ласси, подметая рассыпанный по полу снег.

Она послала выразительный взгляд Хансу Петеру, но тот на нее не смотрел. Глаза его были прикованы к Аскелю, лицо посерело.

— Но медведь есть, — возразил Аскель. — Его видели несколько охотников. Громадный зверь, и при этом белее снега. — С сияющим видом Аскель широко развел руки, показывая примерные размеры хищника. — Королевский меховщик в Христиании предлагает пятьсот золотых крон тому, кто привезет ему шкуру.

Глаза его сверкнули ярче при воспоминании о деньгах. И Фридины глаза тоже.

— Король хочет парку из шкуры белого медведя, — добавил Аскель. — И я намерен добыть ее для него. Подумайте, ведь если я окажусь человеком, одолевшим могучего медведя, возможно, сам король захочет посмотреть на меня!

— Удача будет с тобой, сын, — сказала Фрида, обхватив одной рукой широкие плечи Аскеля и стиснув их. — Эта охота принесет тебе состояние. Костями чувствую! — Она поцеловала его в щеку.

— Ханс Петер, тебе нехорошо? — Ласси подошла к любимому брату и положила ему руку на плечо.

Вид у него был совсем больной. Ложка с куском морковки выпала у него из пальцев на стол рядом с миской, руки безвольно легли на колени.

— Не ходи на этого исбьорна, — произнес Ханс Петер странным глухим голосом. — Это не простой зверь.

— Откуда тебе вообще что-то знать про этого зверя? — В голосе Аскеля сквозила издевка. — Никто из вас никогда и не слышал о нем, пока я не рассказал.

— Медведи сюда не заходят, — гнул свое Ханс Петер. — Ни белые, ни бурые. Для исбьорна забрести так далеко на юг... — Он не закончил

фразу. — Не ходи на этого медведя, Аскеладден. — Дрожь пронзила Ханса Петера, и ласси крепче сжала пальцы на его плече. — Я знаю об избьорнах больше, чем мне бы хотелось. Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Что за чушь? — визгливо перебила его Фрида. — Что ты знаешь о медведях, ты, который день за днем отирается у моего очага? Взрослый мужик должен не сиднем сидеть, а пробивать себе дорогу в мире! — Она погрозила Хансу Петеру пальцем. — Аскеладден сделает себе состояние, и я не позволю твоей зависти испортить ему все.

— Ладно тебе, жена, — начал Ярл и потянулся через стол погладить ее по руке, но она стряхнула его ладонь. Дровосек поморщился. — Ханс Петер делает свою долю работы по хозяйству и занимается резьбой. И давай не забывать, что некогда он ходил по северным морям на торговом корабле.

Фрида отвернулась от мужа и старшего сына, явно давая понять, что ей этого недостаточно. В душе у ласси закипал медленный гнев. Мать отвергала младшую дочь с самого рождения, и она привыкла, что ею пренебрегают и считают ее никчемной. Но Ханс Петер — это нечто другое. Девушку взбесило бессердечие Фриды. Разве можно так нападать на собственного первенца! Да, Аскеладден везучий третий сын, но что он сделал в своей жизни? Поймал несколько лис, пристрелил пару диких оленей, хороводился с глупыми хуторскими девчонками — вот и все.

— Если хочешь просидеть всю жизнь у огня, как старуха, это твое дело, братец, — высокомерно произнес Аскеладден. — Но я выбираю иной путь, тот, что приведет меня к богатству и славе.

— Это прирожденное право третьего сына! — поддакнула Фрида.

— Прекрасно, когда твой взгляд устремлен к хрустальным башням и золотым тронам, — тихо проговорил Ханс Петер. — Но сначала неплохо бы посмотреть, что обитает внутри этих башен, что сидит на этих тронах. Каждый дворец нуждается в основании, Аскеладден. Убедись, что твой дворец стоит не на человеческих костях.

С этими словами он поднялся на ноги, двигаясь медленно, с трудом, словно древний старик. Остальные домочадцы в ошеломлении наблюдали, как он добрался до лестницы и исчез в темноте наверху.

— Он спятил, — негромко сказал Аскеладден спустя мгновение.

— Ему больно, — яростно отозвалась ласси. — Ему больно, а вам и дела нет.

Она все еще стояла, стиснув кулаки. Ролло замер рядом, прижавшись к ее бедру, не зная, как утешить обожаемую хозяйку.

— Пика, пика, — мягко отозвался Ярл. — Мне-то не все равно. Но мы

ничего не можем поделаться. — Он печально улыбнулся младшей из своих детей. Затем обернулся к Аскелю, и улыбка погасла. — Я никогда не слышал от твоего брата безумных речей...

— До сих пор!

Ярл резко вскинул руку, призывая Аскеладдена к молчанию:

— Я *никогда* не слышал от твоего брата безумных речей. Советы его всегда дельны, и он знает о мире гораздо больше, чем я могу надеяться узнать. Ты должен прислушаться к его словам.

— Ярл, не говори ерунды! — Фрида стукнула по столу костлявым кулаком. — Ханс Петер ни на что не годен, а мой Аскеладден — сильный и храбрый мужчина. Он прекрасный охотник, и если он говорит, что одолеет исбьорна, то так тому и быть!

— Спасибо, матушка! — надменно вставил Аскеладден. — Я думаю, сейчас мне следует поспать. Отдохну, пока вьюга не утихнет, а затем отправлюсь выслеживать медведя.

— Отличный план, сынок, — сказала Фрида. — Вот, поешь еще мяса и хлеба с сыром. Тебе надо подкрепиться. А завтра перед уходом я соберу тебе мешок да положу побольше сушеного мяса и сыра с хлебом.

— Ты об этом пожалеешь, — сказала ласси.

Она обращалась к Аскелю, но не знала, услышал ли он. Взгляд ее был прикован к маленькому окошку возле двери. Когда Аскель вошел, ставня распахнулась, и ласси еще не закрыла ее. Натянутая на раму пропитанная жиром оленья шкура и в ясный-то день еле пропускала свет, но теперь девушке казалось, будто она видит сквозь нее вьющийся снаружи снег. В вихре снежинок ей чудились неясные формы громадного исбьорна и шаркающая фигура тролля.

— Ты об этом пожалеешь, — повторила она почти шепотом. — Мы все пожалеем.

Глава 7

Буря бушевала всюду, но, когда небо прояснилось, чистый снег лег на землю нетронутым манящим ковром. Аскеладден испытал лыжи и нашел, что морозец сделал снег идеальным для похода. Он нагрузил заплечный мешок едой, болтами для арбалета и ножами, привязал сам арбалет снаружи и весело помахал матери на прощание. С тех пор прошло уже три дня, и даже Фрида начала волноваться.

Ханс Петер сидел у огня и ни с кем не разговаривал, даже с ласси, когда она заставляла его поесть хоть немного. Ел он неохотно и за все это время не вырезал из дерева ни единой вещицы. Ролло сидел рядом, положив голову Хансу Петеру на колени. Молчание старшего сына действовало на всю семью и еще больше усиливало повисшую в воздухе отчужденность.

Ярл, как обычно, уходил на работу, скользя на лыжах меж деревьев, и в конце каждого дня привозил доверху нагруженные дровами сани. Ласси и Фрида доили оленей и делали сыр, а еще ласси нашла беличью кладовку с орехами, смолола их и добавила в еду. Но все это происходило в молчании. Фрида не отличалась болтливостью, но обладала острым языком и обожала раздавать указания мужу и детям. Однако за эти три дня она и трех слов не вымолвила. Ласси не пела, Ханс Петер не рассказывал историй, а Ярл не делился происшедшим за день.

А потом налетела новая буря.

Ветер завывал вокруг маленькой хижины, а хозяева даже скотину запереть не успели. Ярл попытался выйти, но снег превратился в ледяные иглы. Дровосек едва сумел сделать два шага от двери, как вьюга загнала его обратно в дом. Кожа вокруг глаз, единственная открытая часть тела, оказалась иссечена до крови.

— Кур забрать в дом не получится, — тяжело дыша, сказал он, пока ласси помогала ему снять обледеневшую верхнюю одежду. — Того и гляди, всех потеряем. Но олени справятся: хлев крепкий, и у них есть вода и корм.

— Я позаботилась о курах, — вставила ласси, надеясь подбодрить отца. Ей не приходилось видеть его в таком унынии. — Они достаточно надежно укрыты.

— Ты хорошая девочка, — отозвался Ярл и рассеянно погладил ее по голове, хотя она уступала ему в росте всего на ладонь.

— А кто позаботится о безопасности моего «ясеневого мальчика»? —

требовательно спросила Фрида. — Где ему укрыться от бури?

— Не знаю, жена, — ответил Ярл, тяжело опускаясь в кресло у стола. — Нам остается только молиться.

— Разве он не везучий третий сын? — заговорил Ханс Петер впервые с тех пор, как объявил свое пророчество Аскеладдену. — Разве он не «ясеневый паренек», как ты сама его называешь? Наверняка он полетит верхом на этом ветре в некий сказочный дворец и вернется завтра с победой, принцессой и сундуком золота в придачу. — Эти слова звучали бы оскорбительно, не будь его голос начисто лишен эмоций.

— Так все и случится, — заявила Фрида, бросив на старшего сына вызывающий взгляд. — Он самый лучший и самый умный из всех моих детей, мой везучий третий сын, и он вернется с победой, как ты и говоришь.

Юная ласси промолчала. Хорошо бы мать оказалась права... не насчет золота и принцессы, хотя это, наверное, пригодилось бы. Нет, ей хотелось, чтобы ее брат вернулся невредимым. Она не любила его и вполнину так сильно, как Ханса Петера, но все-таки он приходился ей братом, а для ласси невыносима была мысль о потере хотя бы одного члена семьи.

Погруженные в такие горькие мысли, все подпрыгнули, когда Ролло вскочил на ноги и метнулся к двери. Он остановился перед ней, вздыбив шерсть, и его рык прорезал тишину самым неприятным образом. Ханс Петер тоже поднялся, вытащил свой острый строгальный нож и встал между дверью и младшей сестрой.

— Ролло, что там?

Ласси было уже все равно, что мать услышит, как она разговаривает с волком. Все ее тело покрылось мурашками, и ей показалось, будто она различает за маленьким окошком у двери движущуюся фигуру. Настоящую, не из снега и ветра.

Рычание Ролло изменило тон, и волк напряженно шагнул вперед в тот самый миг, когда дверь распахнулась. Покрытая мехом белая громадина с трудом протиснулась в дверной проем, отодвинув волка в сторону, словно щенка. Фрида засмеялась и начала что-то говорить, очевидно решив, что ее ненаглядный Аскеладден вернулся домой.

Но это был не Аскеладден, закутанный в меха и облепленный снегом. Это вообще не был человек. Это был исбрьорн, громадный белый полярный медведь Севера. Он стоял посреди их дома и смотрел прямо на ласси.

— Ролло, не смей, — прошипела она.

Волк, скорее оглушенный, нежели раненый, уже оправился и готов был броситься на медведя. Неважно, что существо превосходило его весом

больше чем на тонну. Там, где дело касалось безопасности хозяйки, Ролло не знал страха.

— Ролло, я сказала, поди сюда, — настойчиво повторила ласси, похлопав себя по бедру.

Ролло с ворчанием, чтобы медведь не решил, будто он боится, отступил к ласси и занял позицию рядом с ней. Никто из людей не шевелился. Фрида застыла на месте с поварешкой в одной руке и горшком тушеного мяса в другой. Ярл замер у стола, положив одну руку на хлебный нож, а другую стиснув в кулак. Ханс Петер все еще стоял в защитной позе перед ласси и матерью, выставив вперед короткий строгальный нож. Но рука у него дрожала так сильно, что казалось, он вот-вот выронит нож, а лицо сделалось синевато-белым, словно замерзшее коровье молоко.

— Что тебе надо? — пронзительным голосом спросила ласси. — Уходи!

Медведь покачивался из стороны в сторону, моргая черными глазками. Ветер вдувал сквозь открытую дверь снег, завивавшийся поземкой вокруг массивных лап зверя, и ласси увидела, что медведь действительно блее снега. Его сияющий мех напомнил ей звездный и лунный свет и шкуру белого оленя, подарившего ей имя.

— Уходи! — Она махнула на него рукой, прогоняя.

— Ты меня понимаешь?

Голос у избьорна оказался низкий, рокочущий. Зверь слегка запинался, словно не привык говорить.

Фрида придушенно пискнула, а Ярл, услышавший лишь угрожающее ворчание, схватил со стола нож.

— Да, — коротко ответила ласси.

Медведь прикрыл глаза и продвинулся в дом чуть дальше. Он почти притиснулся к столу, Ханс Петер и Ярл могли бы достать его ножами, но, похоже, избьорна это не волновало. Его черные глаза открылись.

— Пойдем со мной, — пророкотал медведь.

— Что-о?! — У ласси волосы на голове зашевелились.

— Ты. Идем со мной.

— Что он говорит? — еле слышно прошелестел Ханс Петер.

— Что он *говорит*? — Голос Фриды прозвучал гораздо резче, но ненамного громче. — Это же медведь! Убейте его!

— Он хочет, чтобы я пошла с ним. — У ласси дрожал голос, но она не трудилась шептать. По тону медведя она поняла, что это самец, а по глазам — что он никому не причинит вреда. — Почему? — Вопрос предназначался медведю.

Исбьорн покачался из стороны в сторону. Из его горла вырвался низкий стон.

— Не могу сказать. — Он нахмурился и снова застонал. — Но. Ты нужна. Идем сейчас.

— Он говорит, ему нужно, чтобы я пошла с ним, — объяснила изумленная девушка.

— Нет. — Белый как полотно Ханс Петер замахнулся на медведя ножом, не столько угрожая, сколько вынуждая зверя уйти. — Нет. Оставь ее в покое.

Медведь помотал головой:

— Ты нужна. Пожалуйста. Идем со мной.

— Зачем я тебе нужна? — спросила ласси. — И куда ты меня зовешь?

— Жить со мной во дворце. Всего год. — Каждое последующее слово медведь выдавливал из своей широкой пасти со все большим и большим усилием.

— Он хочет, чтобы я жила с ним во дворце один год, — доложила ласси пораженному семейству.

— Нет. — Ханс Петер со стуком уронил нож на пол. Он резко повернулся, схватил ласси за плечи и легонько встряхнул. — Не делай этого. Пожалуйста, не делай этого. Ты не знаешь, какое зло существует в мире.

— Чтобы ты жила во дворце? — Фрида перевела глаза с младшей дочери на медведя и обратно, и взгляд ее сделался скорее заинтересованным, нежели испуганным. Она облизнула губы. — Так это заколдованный медведь? Как король Вальдемон в старых легендах?

— Не мели ерунды, женщина, — прорычал Ярл. Он-то ножа не выронил. — Убирайся отсюда, — приказал он зверю, размахивая ножом куда более грозно, чем Ханс Петер.

— Тебе не будет... вреда, — проговорил медведь.

Ярл шагнул вперед, услышав только рев.

— Погоди-ка, муженек, — вмешалась Фрида. — Возможно, это та удача, которую принес Аскеладден.

— Чтобы исбьорн забрал мое младшее дитя — хороша «удача»! — возразил Ярл. — И Аскель, я уверен, тут ни при чем.

— Это тот медведь, на которого он охотился, точно, — сказал Ханс Петер. — И как я и думал, это не принесло никому из нас ничего хорошего.

— Он хочет забрать пику во дворец. — Фрида уперла руки в боки: она собралась стоять до конца.

— Мама, — натянуто произнес Ханс Петер, — ты не знаешь, о чем

говоришь. Это не настоящий зверь — ты сама сказала, что это заколдованный медведь. Ты ведь не хочешь, чтобы и ласси попала под эти чары?

Ласси мягко сняла руки брата со своих плеч и снова встала так, чтобы видеть глаза зверя. Тот пристально глядел на нее, и в глубине его черных глаз таилась та же боль, какую она видела в синих глазах Ханса Петера.

— Ты не причинишь мне вреда?

— Нет! — Ханс Петер обеими руками обхватил ее ладонь. — Нет!

— Ох, да будь же ты мужчиной! — расвирипела Фрида. — Твоей сестре выпала возможность, о которой большинство людей могут только мечтать, возможность...

— ...погрузиться в ужас, которого ты и вообразить не можешь! — с мукой в голосе выкрикнул Ханс Петер.

— ...жить во дворце, — закончила Фрида.

Даже исбьорн застыл при этом заявлении, и все, как один, посмотрели на мать ласси. Она уставилась за спину белому медведю, за дверь, устремив взгляд куда-то гораздо дальше освещавших темноту снежных вихрей.

— Во дворце, — повторила она.

— Господин исбьорн, — нарушила молчание ласси. — Хорошо, я поживу во дворце в течение года, но как же моя семья? Если вы так богаты, не уделите ли им немножко?

— Доченька... — Голос Ярла переполняла боль. — Нет.

— Сестренка, пожалуйста, не делай этого! — взмолился Ханс Петер. Он повернулся к медведю: — Почему ты пришел сюда? Это *она* тебя послала?

Медведь раскачивался взад-вперед, обводя взглядом членов семьи.

— Этот Аскеладден, он охотится на меня?

— Да.

— Везучий третий брат? — В голосе медведя появились недобрые нотки.

— Наверное, — осторожно ответила ласси. — Но до сих пор он не сделал ничего толкового.

Она покосилась на мать, не расстроилась ли та, но Фрида продолжала таращиться на дверь.

Медведь кивнул:

— Аскель найдет медведя. Другого медведя. Славу и богатство для твоей семьи. — Он замычал, как олень. — Ты пойдешь?

Ласси заколебалась, но всего на миг. Кровь ее пела, а сердце стучало

так, словно хотело выскочить из груди.

— Аскель найдет другого медведя, — перевела она. — Он прославится, и все вы станете богаты.

— Оно того не стоит, — сказал Ханс Петер.

— Наверняка не стоит, — поддержал его Ярл.

— Ты идешь? — Во взгляде медведя появилась тревога. — Все хорошо. Ты в безопасности. Семья богата. Идешь?

— Дай мне собрать вещи, — сказала девушка.

Ханс Петер сдавленно застонал и накрыл ее ладонь своей.

Ласси обернулась и взглянула брату в глаза:

— Я иду. Думаю, я должна идти. Но я вернусь, и тебе незачем беспокоиться обо мне. — Она встала на цыпочки и поцеловала его в щеку.

Он закрыл глаза и крепко ее обнял. Его седые волосы на фоне очага засветились нимбом, а по щекам потекли слезы.

— Я принесу свою белую парку и сапоги. Они тебе понадобятся.

— Это безумие, — прошептал Ярл, падая в кресло. — Безумие.

— Нет, папа. — Ласси подошла и обняла отца за плечи. — Нет, это правильно. Я чувствую это в глубине души.

Он поднял руку и стиснул лежащую у него на плече ладошку. Пальцы у него были ледяные.

— Ох, бедная моя тростиночка. Если кто и подходит для подобного приключения, так это ты.

Ролло протрусил вперед и прислонился к ногам девушки.

— Я буду охранять тебя, — сказал он, вызываясь глядя на медведя.

Ласси нервно хихикнула.

— И со мной пойдет Ролло, для охраны, — сказала она отцу.

— Нет, — подал голос медведь. — Без волка.

Ласси прищурилась и положила руку на голову Ролло.

— Да. С волком. Если Ролло не идет, то и я не иду.

Медведь начал раскачиваться взад-вперед, издавая низкое ворчание. Не угрожающее, а скорее задумчивое. Затем он глубоко вздохнул и нехотя согласился:

— Волк идет.

И тогда ласси пошла складывать свои немудреные пожитки. Расческу. Фигурку оленя, вырезанную Хансом Петером. Несколько потрепанных одежек, унаследованных от сестер. Вот и все. Она завязала их в узел из шали и напялила штаны, некогда принадлежавшие Торсту, а потом Эйнару, в результате чего они настолько истрепались понизу, что несколько дюймов пришлось отрезать. Надела оба своих шерстяных свитера и варежки.

Ханс Петер закутал ее в свою парку, снова натянул белые сапоги поверх ее изношенных коричневых башмаков. Отец подал ей завернутые в салфетку лефсе и сыр. Брат положил все в кожаный ранец, с которым ходил в моря, и ласси продела руки в лямки. Она поцеловала брата и отца, а затем мать — та еле кивнула ей на прощание.

— Садись мне на спину, — велел исбьорн.

Ханс Петер без лишних слов поднял сестру на широкую медвежью спину.

Исбьорн в сопровождении наступающего ему на пятки Ролло сорвался в метель, как на крыльях. Ласси крепко держалась за его мягкий белый мех и молилась.

Глава 8

Как только ласси приноровилась наконец к странным раскачивающимся движениям несущегося во весь опор медведя, зверь остановился. Они оказались на вершине крутого утеса, нависающего над расселиной с ручейком, где ласси вызволила из беды белого оленя. Снегопад поредел, и луна посмела высунуться из-за туч, отчего черная лента воды сделалась различимее. Возле вдающегося в поток камня стоял Аскеладден.

Он оттянул высокий воротник парки, и дыхание вырывалось у него изо рта облачком пара. Даже с такой высоты ласси видела, что брат сердит: его лицо покраснелось не только от холода и он колотил одним кулаком в рукавице по другому. Внезапно он яростно пнул камень и выругался.

— Слезай, — велел медведь.

Ласси соскользнула с его спины, и Ролло тут же оказался рядом. Девушку пронзил страх. Что, если все это было вранье? Что, если медведь собирается съесть и ее, и Ролло, и Аскеладдена? Или он передумал и просто оставит ее здесь? По крайней мере, в белой меховой парке она не замерзнет.

— Жди тут.

Размашистой поступью исьборн прошел чуть дальше по краю расселины, вскинул голову и принюхался. Он издал странный звук наподобие глухого вздоха, от которого у ласси защекотало в ушах. Ветер подхватил этот звук, и спустя несколько мгновений к югу от того места, где они стояли, донесся ответный вздох.

Заколдованный медведь поднялся на задние лапы. «Он вдвое выше Ханса Петера!» — поняла вдруг ласси. Зверь выставил черные когти, оскалил длинные белые зубы и зарычал. Но Аскеладден так увлеченно ругался внизу в расселине, что и не заметил его. Тогда медведь разинул пасть и испустил рык, от которого по всей округе с ветвей посыпался снег.

Ласси с отвисшей челюстью плюхнулась на заметенный снегом пень. Скакать верхом на медведе было захватывающе, и она мечтала о дворце, в котором будет жить. Но теперь до нее внезапно дошло, что она зависит от милости очень большого и очень дикого зверя, неважно, заколдованного или нет.

Сидя в сугробе с прижавшимся к ней Ролло, она больше не видела, что творится на дне расселины, но слышала крик Аскеладдена. Донесся звон

тетивы, и арбалетный болт ударил в дерево чуть левее медвежьей головы. Медведь упал на все четыре лапы и побежал, держась края расселины, но в противоположную от ласси сторону.

— Идем, — сказала она Ролло, отпихивая его, чтобы подняться на ноги.

— Он велел ждать здесь, — возразил волк.

— Ты что, всерьез намерен принимать приказы от медведя?

И ласси двинулась вперед, не оставив своему питомцу иного выбора, кроме как последовать за ней. Она держалась ближе к деревьям, чтобы брат ее не заметил. В белой парке и сапогах он мог принять ее за медвежонка и дать по ней пробный выстрел. И в самом деле, прикоснувшись к шкуре заколдованного исбьорна, ласси убедилась, что парка Ханса Петера сделана из того же меха. Девушка вновь спросила себя, откуда брат взял эту парку и что означает вышивка на ней.

Следы медведя немного отклонялись от кромки утеса, и ласси мысленно похвалила его за сообразительность. Откуда знать, насколько прочна земля под слоем снега и есть ли она там вообще? Только очень легкому и осторожному человеку можно ходить по толстым ледяным козырькам, выступающим над скалами. Для существа размером с заколдованного медведя это могло оказаться смертельно.

Деревья вдоль верхушки утеса расступились, и ласси резко остановилась всего в нескольких шагах от исбьорна. Нет, от двух исбьорнов. Второй уступал первому в размерах и белизне, но все равно был великолепен. Медведи замерли нос к носу, в глубине их глоток перекачивалось рычание.

Меньший медведь заскулил и попятился. Большой наступал, в его ворчании появились повелительные нотки. Ласси немного приоткрыла капюшон с одной стороны, пытаясь расслышать, о чем они говорят.

— Нет, пожалуйста, брат, — взмолился меньший исбьорн.

— Я не брат тебе, — сердито произнес заколдованный медведь. — Не медли.

— Пожалуйста, повелитель, — заскулил другой медведь.

Большой из исбьорнов, тот, который пришел за ласси, смягчился и проникся жалостью к другому.

— Прости меня. У меня нет выбора. Теперь иди, прошу, и твой дух вознесется к звездам в награду за твою жертву.

Другой медведь испустил странный, словно заупокойный крик. Он продолжал пятиться, но явно не мог вырваться из-под взгляда заколдованного исбьорна.

Затем меньший медведь развернулся кругом и побежал к краю расселины. Ласси вскрикнула, зная, что снег там висит в воздухе и не выдержит его веса. Однако медведь остановился, немного не дойдя до опасной черты, и встал на задние лапы. Он зарычал, почти как заколдованный медведь перед этим. И как и в тот раз, раздался звон, а затем удар, когда арбалетный болт нашел цель.

Но на этот раз он попал не в дерево. Он вонзился другому избьорну глубоко в сердце, и зверь навзничь рухнул в снег.

— Нет! — Ласси бросилась вперед, но заколдованный медведь заступил ей дорогу.

— Забирайся на спину, — проворчал он.

— Мы должны ему помочь.

— Он мертв. Полезай, — отозвался медведь, по-прежнему загораживая путь. Когда она заколебалась, он повернул голову и оскалил зубы. — Ты хотела богатства для семьи. Вот.

Ласси опустила голову. Она слышала, как ее брат Аскеладден карабкается по склону расселины к своей добыче. Он отвезет шкуру в Христианию, и из нее сделают шубу для короля. И Аскеладден станет богат и знаменит, в точности как они с Фридой всегда мечтали.

В точности как попросила ласси.

— Будь мудрее в своих желаниях, — сказал медведь, угадав ее мысли.

Подавленная, ласси забралась ему на спину, и избьорн пустился бежать прочь от расселины. Он бежал все быстрее и быстрее, и ласси посматривала на землю справа, где рядом с ними несли Ролло. Ей с трудом верилось, что медведь, громадное неуклюжее животное, способен мчаться так быстро. И что у ее собственного любимого волка хватает сил не отставать.

Холодный ветер выжимал слезы из глаз и задувал их под капюшон, отчего у ласси промокли волосы на висках. Черные деревья слились в непрерывную мутную полосу, и тут она увидела, что Ролло отстают.

— Подожди, стой! — закричала она и заколотила кулачком по медвежьему плечу. — Ролло. Ему не угнаться!

Медведь остановился, немного проскользив по снегу, и недовольно фыркнул:

— Надо еще быстрее.

Целую минуту они ждали, пока Ролло их догонит, а он, добежав, с хрипом рухнул на бок в снег.

— Тебе придется нести и его тоже, — сказала ласси медведю.

— Не могу. Не удержится, — возразил избьорн. — Оставим.

— Ни за что. Я сказала тебе: или Ролло идет со мной, или я не иду. — Она упрямо сложила руки на груди, хотя медведь и не мог ее видеть. — Пойдешь медленнее.

Медведь вздохнул, всколыхнувшись всем телом, и Ласси едва не соскользнула с его спины на снег. Ролло поднялся на ноги, стараясь показать, что готов бежать дальше, но бока у него все еще ходили ходуном из-за сбившегося дыхания.

Исборн повернул голову и оказался нос к носу с волком. Ласси оцепенела, вспомнив, что точно так же он смотрел на другого медведя, того, кого принесли в жертву ради нее и благополучия ее семьи.

Но на сей раз исборн не стал разговаривать. Черные глаза уставились в золотые, и в глубине глотки медведя зародился негромкий певучий звук. Уши у Ролло встали торчком, шерсть поднялась дыбом. Затем медведь отвел взгляд, а волк встряхнулся, вывесив язык, и задышал совершенно свободно.

— Я могу бежать всю ночь, — заявил Ролло. — Замечательно себя чувствую. — Он потянулся и по-кошачьи выгнул спину.

— Хорошо. В путь.

И исборн снова помчался, покрывая заснеженную местность еще быстрее, чем прежде. Ласси припала к его спине, вцепившись обеими руками в мех и стиснув коленями его грудную клетку. Она лишь раз глянула на Ролло, который бежал рядом с медведем так же легко, как если бы гонялся за кроликом по двору. После этого она уже не осмеливалась смотреть. Ветер так и норовил оторвать ее от медвежьей спины, стоило чуть приподнять голову. Ласси зарылась лицом в теплый мех и намертво вцепилась в него, а медведь бежал вверх и вниз по холмам, петлял между деревьями, а однажды гигантским прыжком перемахнул реку.

Они неслись все быстрее, холмы превращались в горы, и медведь мчался по крутым каменным склонам, словно по равнине, да и Ролло не отставал. Солнце село и снова встало, и они вошли в лес, такой густой, что ласси не могла отличить ночь ото дня, но медведь не сбавил шага, и волк тоже. Девушка спала несколько часов, а то и несколько дней, пока не почувствовала, что медведь замедляет ход.

Когда скорость упала настолько, что ласси смогла поднять голову и оглядеться, она даже не поняла, где они оказались. Острые пики и горы ее родного края, темные от деревьев, исчезли. Вместо этого перед ними раскинулась белая равнина, покрытая глубоким снегом. К западу вздымался высокий утес, и на его вершине ласси разглядела нечто сверкающее, зеленовато-белое, похожее на корону на голове великана.

— Теперь это твой дом, — сказал исбьорн.

— Идем! — прокричал Ролло и бросился через снежную равнину, повизгивая, словно щенок.

Медведь испустил рев, который вполне мог сойти за смех, и двинулся следом. Ласси снова вжалась лицом в мех, а ветер вцепился ей в плечи.

«Что ж, по крайней мере, Ролло доволен, — подумала она. — А семья разбогатеет. Только это и важно». Она не хотела признаваться самой себе, но новизна приключения — заколдованный медведь, жизнь во дворце — иссякла.

Девушку обуял ужас.

Часть 2
ХОЗЯЙКА ЛЕДЯНОГО ДВОРЦА

Глава 9

Путь до утеса, на котором стоял дворец, занял больше времени, чем думала ласси. Они шли уже неведомо сколько дней. Когда достигли подножия утеса, спускалась ночь. Белая равнина была настолько плоской и лишенной приметных деталей, что ласси недооценила ее размеры. Ролло обогнал медведя и, дыша чуть тяжелее обычного, остановился у начала крутой тропинки, обвивавшей холм.

— За мной, — велел медведь Ролло.

Теперь он обращался с волком гораздо теплее. Похоже, долгая гонка через равнину сдружила их.

Пока медведь поднимался по тропе, ласси выпрямилась и стала осматриваться. Тропа была достаточно широкой для медведя и гладкой, как зеркало. Девушка даже разглядела в ней свое отражение. К ее изумлению, утес оказался вовсе не каменным, а ледяным — всюду, кроме тропы, гладкий зеленый лед покрывала белая снежная крупа. Пик имел на удивление правильную форму, тропа поражала гладкостью. У ласси закралось подозрение, уж не рукотворные ли они. Но чьих это рук дело? У кого хватило могущества создать гору из льда?

Последний вопрос она произнесла вслух, и медведь ответил ей:

— У нее.

Тропа вилась вокруг холма, и теперь девушка видела, что белая снежная равнина простирается во все стороны до самого горизонта.

— Она настолько могущественна.

— Кто?

Но медведь не отозвался.

Когда они добрались до вершины, совсем стемнело и взошла луна. Дворец оказался ненамного уже утеса: вокруг его основания шла лишь узкая тропка. Ласси ахнула, увидев, что и сам дворец выстроен из зеленого льда, хотя массивные двери кованого золота были украшены алмазами и рубинами величиной с гусиное яйцо.

Исбьорн шагнул к дверям и рыкнул. Створки распахнулись. Они вошли в просторный зал, увешанный шелковыми знаменами со странной эмблемой: жемчужно-белый медведь на синем фоне, по одну сторону от него золотое солнце, а по другую — серебряная луна. Под ногами у медведя помещался вызывающий беспокойство символ, похожий на пилу или зазубренный нож, вышитый черным.

Ласси с удовольствием обнаружила, что, хотя дворец и сделан из льда, внутри его наполняет приятное тепло. Она соскользнула с медвежьей спины, откинула капюшон и, медленно поворачиваясь, принялась рассматривать все вокруг. Потолок зала поддерживали стройные ледяные колонны, сплошь покрытые угловатыми знаками. Ласси внимательно посмотрела на них и подошла потрогать. Ледяная колонна на ощупь оказалась гладкой и твердой, но теплой и вовсе не мокрой. Девушка взгляделась в резьбу на колонне.

— Ой, а эти значки мне знакомы, — обрадовалась она. — Здесь говорится что-то про китов, множество китов, выходящих на берег. — Она оглянулась на медведя. — Эти знаки похожи на картинки, которые вырезает мой брат Ханс Петер. Он учил меня смыслу некоторых из них.

Она провела рукой по резным фигуркам, и ее кольнула тоска по дому. Долго еще ей не увидать Ханса Петера...

— Твой... брат? — Медведь подошел к ней и прищурился на резные знаки. — Ты умеешь их читать?

— Да. — Она выставила вперед рукав парки. — А вот эти не могу. Пыталась, но, по-моему, в них никакого смысла. Хотя они вроде похожи, тебе не кажется?

Медведь, прищурившись, разглядывал ее парку, изучая красную с голубым вышивку, идущую полосами вокруг рукавов и по подолу. Внезапно его глаза расширились, он встал на дыбы и зарычал. Ласси вжалась в колонну, а Ролло тут же закрыл ее собой.

— Где ты это взяла? — Голос медведя переполняло чувство, которое девушка приняла за ярость, но в равной степени это мог быть и страх. — Где?!

— Это парка моего брата, — ответила ласси слегка дрогнувшим голосом. — Ханса Петера. Ты его видел. Он дал ее мне. Ты был при этом.

Он опустил на все четыре лапы, все еще подрагивая от возбуждения.

— Да. Помню. — Подавшись вперед, медведь прищурился еще сильнее. — А он где это взял?

— Не знаю, — почти прошептала ласси. — Когда я была маленькая, он ходил в море, а вернувшись, привез ее с собой. С ним что-то случилось, что-то, что опечалило его.

Медведь издал странный лающий звук, и ласси скользнула в сторону, надеясь спрятаться за колонной. Но тут она поняла, что он смеется. Это был глухой, горький смех, но все-таки смех.

— Опечалило? — Голос его звучал насмешливо. — Пусть бы это было мое единственное несчастье.

— А в чем твое несчастье? — спросила она застенчиво, все еще наполовину прячась за колонной.

Исбьорн остановился и начал раскачиваться, как делал у нее в доме.

— Не могу сказать, — выдавил он наконец. Вот только что слова выходили из него легко, легче, чем когда-либо раньше, — и вдруг речь снова сделалась затрудненной. — Не могу сказать!

Слова превратились в гневный рев. Медведь резко развернулся и умчался, исчезнув за дверью в дальней стене зала.

— Ладно, — сказала ласси, ошарашенная странным поведением медведя. — Похоже, мы остались вдвоем, Ролло. Давай-ка исследуем местность.

В ледяном дворце оказалось очень тепло. Ласси сняла парку и белые сапоги и взяла их в руки. Вместе с Ролло она обошла большой зал, любуясь резьбой и огромным камином в дальнем конце. Весь камин — и полка и очаг — состоял из льда, и тем не менее огонь, ярко пылавший внутри, не растапливал это сооружение. Перед очагом лежал роскошный ковер и стояло кресло, обитое тканью, которую ласси приняла за бархат, хотя никогда в жизни не видела его и не щупала. Усевшись в кресло, девушка обнаружила, что оно как раз подходит ей по размеру. Нашлась даже обитая гобеленом подставочка для ног, наклоненная под идеально правильным углом. И кресло, и подставка для ног тоже были вырезаны из льда, не считая, конечно, обивки и набивки.

— Это определенно не для нашего исбьорна, — сказала ласси, протягивая ноги к огню.

— Нет, это для вас, госпожа, — раздался голос из-за спинки кресла.

С перепугу ласси рванулась вперед и упала на колени на коврик перед камином. Ролло припал к полу, вздыбив шерсть и оскалившись.

— Вот те на! — произнес голос, и из-за кресла вышло существо, доходившее ласси едва ли до плеча.

Это был не человек. И не животное — по крайней мере, девушка никогда таких не видела. Верхняя часть тела принадлежала мужчине: у существа имелась голая мускулистая грудь, две человеческие руки и вполне человеческого вида лицо. Борода и вьющиеся волосы были одинакового красновато-коричневого оттенка. Но из волос торчали два тонких рога, а золотые глаза пересекались горизонтальными зрачками — как у козы. А от пояса начинался самый настоящий козел, с красновато-бурой шерстью того же цвета, что борода и волосы, и с раздвоенными копытцами. Единственной одеждой существа была повязанная на шее шелковая лента, сотканная из красных и синих нитей, образующих узор, очень похожий на

вышивку на рукавах парки Ханса Петера.

— Кто ты? — ахнула ласси.

— Я Эразм, — ответил незнакомец. — Ой. — Он наморщил лоб. — Вы спросили, кем я являюсь? Я фавн. — Он произнес это так, словно это было самой естественной вещью на свете.

Для ласси, однако, это было даже менее естественно, чем заколдованный исборн. Волшебные существа вроде белых оленей или медведей, живущих во дворцах, населяли чуть ли не каждую услышанную у очага сказку.

Полулюди-полукозлы в их число не входили.

— Помочь вам подняться, госпожа? — Фавн заботливо склонился над ней.

Сидеть на ковре, разинув рот, было довольно глупо, поэтому ласси отмахнулась от предложения Эразма и встала самостоятельно. Она похлопала Ролло по голове — этот сигнал означал у них «отбой тревоги», — и он перестал рычать. Однако продолжал стоять между хозяйкой и незнакомцем.

— Я здесь, чтобы служить вам, пока вы живете с нами, госпожа, — продолжил фавн, когда ласси встала и повернулась к нему.

Он доходил ей только до плеча, но по морщинкам вокруг глаз девушка поняла, что фавн гораздо старше ее, хотя в его волосах и бороде не было седины.

— Не желаете ли, чтобы я проводил вас в ваши покои? Или хотите прежде поесть?

— Э-э...

Ласси оглядела себя. За время путешествия одежда на ней промокла и заскорузла от грязи. Девушка очень устала, но в то же время была голодна как волк. Съесть лефсе и сыр, уложенные отцом, она просто не успела.

— Давайте я провожу вас в ваши покои, — ласково сказал Эразм. — Вы умоетесь и переоденетесь, а потом я принесу вам в гостиную поднос с закусками.

— Это было бы замечательно, — отозвалась ласси, мысленно удивившись: «У меня есть собственная гостиная?»

Она последовала за фавном по длинному коридору, выходившему из большого зала. Ролло трусил по пятам. Они поднялись по плавно изогнутой лестнице, миновали еще один коридор и наконец остановились перед красивой дверью резной бронзы.

— Вот ваши покои, госпожа, — произнес Эразм и толкнул дверь. — Должен сказать, это большое облегчение, что вы меня понимаете.

Разинув рот, ласси в изумлении огляделась. Комната за дверью оказалась больше, чем вся ее родная хижина. Толстые, голубые с зеленью ковры покрывали замороженный пол; массивный камин, в котором ревел огонь, занимал целую стену, и повсюду были расставлены обитые атласом кресла и кушетки. Стены большей частью были покрыты гобеленами, но напротив двери помещались панели льда столь тонкого, что сквозь них виднелось ночное небо снаружи, лишь еле заметно отливавшее зеленью.

— Ой, эта комната слишком хороша для меня, — сказала она фавну. — Не найдется ли чего-нибудь попроще?

— Нет, госпожа. — Он покачал головой. — Только квартиры слуг, а вы не служанка.

Он прошел по комнате направо и распахнул очередную резную деревянную дверь. Взору гостьи предстала спальня. Размерами она почти не уступала гостиной, и в ней тоже имелся камин, где ласси могла бы встать во весь рост, не пылай там пламя, а на постели с комфортом поместились бы десять человек. По углам высеченного изо льда ложа поднимались изящные столбики, они поддерживали полог из белого шелка. В изножье кровати лежала шкура громадного исбьорна, а другая шкура, бурого медведя поменьше, служила каминным ковриком.

Эразм прошел и через эту комнату и вошел в следующую, более скромную, где обнаружилось несколько шкафов. Вместо камина одну стену в ней занимало громадное зеркало, рядом стоял маленький столик, заставленный стеклянными горшочками и бутылочками.

— Ваша гардеробная, госпожа. — Фавн открыл один из шкафов резного льда и вытащил одеяние из плотного атласа персикового оттенка. — Тут кое-какие наряды, но, боюсь, их придется перешивать.

— Я могу носить собственную одежду или нет? — напряглась ласси, защищая свой драный свитер, поношенные штаны и стоптанные башмаки.

— Разумеется, госпожа, но вы пробудете у нас некоторое время, и, если вам захочется надеть что-нибудь другое, пользуйтесь на здоровье всем, что найдете здесь. — Он обвел рукой платяные шкафы.

— Спасибо, — успокоилась ласси и тоже принялась разглядывать наряд у него в руках. — По-моему, я никогда не видела такой высокой женщины.

Подол платья, поднятого фавном высоко над головой, задевал ковер. Судя по виду одеяния, его шили для дамы на целый фут выше ласси, а ведь она и сама была довольно высокой. Вдобавок прежняя хозяйка наряда имела весьма впечатляющий бюст.

— Это не женское платье, — сказал фавн, убирая вещь на место.

— Оно принадлежало другому фавну? А женщины-фавны... очень высокие?

— Нет, эта одежда и не для женщин моего народа, — печально ответил он. — Большинство наших дев меньше, чем я, но прошло много лет с того дня, как я видел их в последний раз.

— Тебе не разрешается покидать дворец?

— Ой, нет, конечно! — Фавн покачал кудрявой головой. — Я не выходил наружу с тех пор, как прибыл в эти стены.

— Ты заколдован, как и медведь?

— Дверь возле зеркала ведет в вашу умывальную, госпожа, — ответил на это Эразм. — Теперь я вас оставлю. Когда будете готовы, потяните за шнурок возле любого из каминов, и я принесу вам ужин. — И он потопал прочь по толстым коврам, приглушающим стук копыт.

— Странно все это, — заметила ласси, когда фавн ушел.

Ролло, который стоял возле столика, с интересом обнюхивая его содержимое, обернулся к хозяйке.

— Мы — гости гигантского исбьорна, который живет во дворце из льда, — только и сказал он.

— Сдается мне, ты прав, — согласилась ласси.

Она вошла в дверь возле зеркала, чтобы посмотреть, что такое «умывальная». Это оказалась маленькая комнатка с изящно украшенной раковиной, большой ванной и ночным горшком. Вся обстановка была выточена из зеленоватого льда. Ночной горшок был высотой со стул и наполовину заполнен водой.

Ролло и ласси какое-то время глазели на него.

— Может, это не ночной горшок, — выдвинул догадку волк. — Наверное, это поилка для меня.

— Но выглядит как горшок, — возразила ласси.

— А это для чего? — Ролло носом указал на золотую ручку в виде сосновой шишки, помещавшуюся с обратной стороны загадочного сооружения.

Ласси попыталась ее повертеть — ничего не произошло. Потянула — с тем же исходом. Однако, когда она нажала на нее, вода в горшке завертелась и ушла в дырку вниз.

— Порази-и-тельно, — протянула она. — Только посмотри! Все... отходы уносит прочь.

— По-моему, все-таки это моя поилка.

— Так, мне нужен горшок, — заявила ласси, — поэтому я собираюсь его испытать. Иди и полежи у камина.

— У которого?

— Неважно, просто выйди. — Она легонько подпихнула волка под хвост и закрыла за ним дверь умывальной.

Разобравшись со странным горшком, ласси обнаружила, что ручки в виде желудей помогают наполнить водой раковину и даже ванну. На полке над ванной стояли хрустальные горшочки с нежными притираниями, от них пахло цветами. На стене рядом висели мягкие белые полотенца.

Ласси со вздохом скинула одежду и скользнула в роскошно теплую ванну. Впервые в жизни она мылась первой. Она едва не заснула, так ее разморило. Однако Ролло непрестанно скребся в дверь, напоминая хозяйке, что тоже весь день не ел, а идея полного погружения в горячую воду противоестественна сама по себе. С очередным вздохом ласси всего через каких-то полчаса вылезла из ванны, вытерлась и надела длинный халат из отделанного мехом шелка. Халат волочился за ней по полу и сползал с плеч, если слишком сильно размахивать руками.

Они с Ролло сели за ужин, поданный Эразмом в гостиной. Ласси огляделась и улыбнулась:

— Может, я и привыкну жить во дворце. Особенно теперь, когда я знаю, что моя семья тоже скоро разбогатеет.

Она расправила на коленях белоснежную салфетку и отломил кусочек самого белого хлеба, какой ей доводилось видеть.

Ролло поднял глаза от блюда с мясом, поданного лично ему.

— Мы проживем здесь всего один год, — напомнил он хозяйке. — И во всем этом есть нечто неправильное.

— Знаю, но позволь мне хотя бы в первый вечер насладиться происходящим, — отозвалась она.

— Ладно, только не забывай об осторожности. — И он продолжил набивать брюхо.

— Всего один вечер, — прошептала ласси. — Затем я докопаюсь до сути этих чар. Всех этих чар.

Глава 10

На следующее утро, едва покончив с завтраком, ласси спустилась в зал с колоннами. Они с Ролло принялись изучать ближайшую к золотым дверям колонну.

— Человек. Олень. Корабль. Что-то. Корабль. Что-то. Человек.

— Никакого смысла, — проворчал волк. — Ни в одной из этих надписей.

— Знаю, Ролло. — Ласси уперла руки в бедра и вздохнула. — Беда в том, что Ханс Петер ни разу не потрудился вырезать такие понятия, как «бегать», или «плыть на корабле», или «охотиться». Он вырезал только «олень», или «человек», или «корабль». Поэтому я вижу, что есть человек и олень и у них есть корабль, но понятия не имею, чем они заняты. — Ласси прижалась лбом к гладкому льду. Она занималась расшифровкой резьбы уже несколько часов. — Дура!

— Вам нехорошо, госпожа?

Ласси подпрыгнула и резко обернулась. За спиной у нее стоял Эразм, и лицо у него было странное.

— Нет-нет, со мной все в порядке, спасибо. Просто... Я... — Она показала на колонну.

— Просто вы что? — Во взгляде фавна читалось опасение.

До ласси дошло, что она еле знакома с этим странным созданием. Вчера вечером он показался ей печальным и достойным жалости, когда говорил о годах, проведенных безвылазно в ледяном дворце. Но вдруг он притворился? Можно ли ему доверять?

Она решила, что нужно быть поосторожней.

— Я заблудилась, — соврала она. — Я... искала исбьорна.

Эразм моргнул, словно не зная, стоит ли ей верить, и ласси одарила его широкой невинной улыбкой. Взгляд фавна утратил опасливость.

— Мой господин послал меня, чтобы я привел вас к обеду, — сообщил он. — Не соблаговолите ли последовать за мной?

Ласси пошла за ним по широкому коридору. По всей длине коридора в стенах были устроены ниши. В одной нише красовалась на подставке соломенная корзина. В другой лежала пара вязальных спиц с наполовину связанной варежкой, рядом аккуратно пристроился клубок пряжи.

— Эразм!

— Да, госпожа?

— Почему тут выставлены клубки пряжи, корзинки и старые тряпичные куклы?

Опасливое выражение снова появилось в глазах фавна.

— Не могу сказать, госпожа.

Исбьорн ждал их в длинной узкой комнате, в которой стоял длинный узкий стол. Ласси насчитала две дюжины стульев, хотя золотую тарелку и сияющий серебряный прибор поставили только для одного человека. Исбьорн сидел возле этого места, поджидая ее.

Чувствуя, как по спине сбегает холодная струйка, ласси уселась на приготовленный для нее стул. Спокойствие громадного медведя ее нервировало. Каким бы добрым он ни казался, она не забывала, что он все-таки зверь, — хищник, достаточно большой, чтобы проглотить их с Ролло одним махом.

— Хорошо ли ты спала? — В гроыхающем голосе звучала искренняя заинтересованность.

— Э-э, да, спасибо.

— Вот и славно.

— Ага.

Эразм взял с сервировочного столика несколько блюд, накрытых серебряными куполообразными крышками, и расставил их полукругом возле лассиной тарелки. Одну за другой он снимал крышки, показывая тонко приправленную рыбу, жареную курицу, мягкие рогалики белого хлеба, фрукты в меду и маринованные овощи. Большинство этих яств дочь дровосека никогда не видела, а знакомые — рыба, курица, картошка — не встречались ей приготовленными подобным образом. Рот ее наполнился слюной, а в животе заурчало.

С рокочущим смехом исбьорн посоветовал гостье приступить к еде.

— Но я завтракала всего несколько часов назад. И там было столько всего... фрукты, и сладкие рогалики, и овсянка... — Ласси осеклась. — Я никогда в жизни не видела столько еды.

Медведь заморгал:

— Но... неужели там, где ты живешь, все так плохо?

— Зима длилась долго, — уклончиво ответила ласси, не желая давать повод усомниться в способности Ярла прокормить семью. — Всем пришлось затянуть пояса. Но моя семья не голодала.

Медведь снова моргнул и сказал:

— Ну разумеется.

— А ты не собираешься есть? — Ласси положила себе на тарелку кусочек сочной рыбы, а потом большой кусок курицы.

— Нет.

Что-то в тоне хозяина подсказало ей, что больше не стоит задавать подобные вопросы. Девушка очистила рыбу от костей и хотела предложить ее Ролло, но тут увидела, как Эразм снимает крышку с блюда с сырым мясом и ставит его на коврик у очага рядом с волком.

— Спасибо, Эразм.

Фавн поклонился и вышел.

Ласси наелась так, что боялась, как бы ей не сделалось дурно. Пошатываясь, она вышла из столовой и только на полдороге к собственным покоям вспомнила, что так и не спросила избьорна о выставке странных предметов. Но медведь куда-то ушел, возможно чтобы пообедать в одиночестве.

Пока она ела, он много говорил. Сообщил, например, что дворцом теперь правит она, но не велел спускаться в комнаты к слугам, поскольку это может их потревожить. Расспрашивал о семье, о том, где живут ее братья и сестры и какие они. Ласси отвечала как могла и одновременно старалась не опозориться, лакомясь странными кушаньями при помощи почти таких же странных серебряных приборов.

Она хотела вернуться в большой зал и еще немного поразглядывать колонны, но при мысли о том, что придется спускаться по лестнице, застонала вслух. Вместо этого они с Ролло вернулись к себе в покои и упали на кровать.

Когда они проснулись, пришла пора ужинать. Снова явился Эразм, дабы сопроводить их в столовую. На сей раз он выбрал путь, где попадалось меньше ниш с клубками и вязальными спицами. Золотые двери тоже остались далеко в стороне, и ни одной резной колонны они не увидели. Ласси с удивлением поняла, что ее любопытство встревожило фавна. Но рассказал ли он избьорну? И расстроился ли тот?

Она нехотя поковыряла расставленный перед ней роскошный ужин, не успев еще проголодаться после обеда, и вместо еды принялась расспрашивать медведя. Родился ли он здесь, в ледяном дворце? Известно ли ему содержание резьбы на колоннах? Почему в коридорах выставлены бывшие в употреблении предметы обихода?

На это медведь отвечал:

— Ты уже пробовала бифштекс? Пахнет восхитительно. Морковки не хочешь? Как насчет земляники? Уверен, на десерт у тебя сегодня вечером земляничный пирог.

— А ты не хочешь кусочек?

Ласси оставила попытки извлечь из собеседника какие-либо сведения.

Она догадалась, что чары не позволяют ему ничего говорить.

— Да, мог бы попробовать немножко, — отозвался медведь.

А затем неожиданно перевел беседу на катание на лыжах. Он был уверен, что ласси умеет ходить на лыжах, но интересовался, насколько она искусна в прыжках и других приемах.

Брат Эйнар научил ласси прыгать на лыжах совсем недавно, поскольку до получения имени она боялась отходить слишком далеко от хижины. Увлеченная беседой о собственной персоне, девушка съела больше, чем намеревалась. После ужина, надеясь порастрясти пищу в желудке, она снова попыталась дойти до зала с колоннами, но заблудилась.

— Говорил я тебе, не суй нос в чужие дела, — проворчал Ролло.

— Говорил, — закатила глаза ласси. — Лучше бы помог мне! Можешь учуять столовую, или зал, или наши комнаты?

— Нет. — Ролло помотал головой и чихнул. — Лед не очень сильно пахнет. Да и мясной запах затрудняет поиски.

— Какой мясной запах? — Вряд ли собственный ужин был способен сбить волка с толку.

— Ну, этот, который здесь повсюду.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь.

Ласси толкнула дверь, которая, по ее предположению, должна была выходить на лестницу, ведущую в большой зал с колоннами.

Вместо этого они очутились в длинной комнате с высоким потолком, очень слабо освещенной лунными лучами, проникающими сквозь окна. Ласси шагнула вперед, пытаясь разгадать природу высоких силуэтов, занимавших все пространство, и ударилась обо что-то большим пальцем ноги. Сгорая от любопытства, но не желая при этом набивать лишние шишки, она вернулась в коридор и взяла лампу. Подняла ее над головой, и поток золотого света озарил...

Ролло от удивления сел на хвост.

— Ткацкие станки?

— Ткацкие станки, — согласилась девушка.

Комната в четыре с лишним раза больше их домика — и вся заставлена ткацкими станками. Они были всех форм и размеров, изготовленные из самых разных материалов. Изящно вырезанный из китовой кости станок стоял рядом с обшарпанным сосновым, в котором осталась заправлена простая серая холстина. Еще в одном станке, из очень грубо обточенного дерева и с грузилами из камней, мерцал гобелен захватывающей дух красоты. Рядом с ним аккуратно выстроились на куске черного бархата несколько станочков для плетения поясов.

— Это очень странно, — произнесла ласси немного погодя.

— Да. Странно. Теперь мы можем уйти?

Она перевела взгляд на Ролло и с удивлением увидела, что шерсть у волка стоит дыбом и он пятится к двери.

— Что с тобой?

— От них пахнет смертью. И еще больше тем мясом.

— Ладно.

Ласси принялась, но в воздухе витал лишь еле уловимый запах мебельной мастики и шерсти. Однако, зная, что нюх у Ролло куда тоньше, а чувство опасности лучше, чем у нее, она позволила волку увести себя отсюда. Дальше по коридору они нашли дверь, выходящую на правильную лестницу, и добрались до зала с колоннами.

— Крысы, — сказала ласси.

Она все еще держала в руках лампу, взятую в коридоре наверху, и ее огонек служил единственным источником света в зале. Все факелы на ночь были погашены, и громадное помещение погрузилось во тьму. Поднося фонарь к самой колонне и пригибаясь, ласси умудрялась разобрать несколько знаков зараз. Однако вскоре от напряжения у нее заболела голова, и она не стала сопротивляться, когда Ролло ухватил ее за подол свитера и потащил вверх по лестнице в их покои.

Женское тщеславие все-таки победило, и ласси надела одну из лежавших в шкафу шелковых ночных сорочек. Сорочка оказалась слишком длинной и все время соскальзывала с плеч, но, поскольку некому было на нее смотреть, ласси решила, что это не важно.

Только ей начал сниться Ханс Петер, сидящий в слезах на вершине горы из белых медвежьих шкур, как она подскочила, разбуженная каким-то звуком. Звуком открываемой двери в спальню.

— Кто там? Эразм?

Ей никто не ответил. Ласси потянулась за свечой на тумбочке, но не нашла ее. Она пошарила внутри тумбочки, где вечером совершенно точно лежали и свечи и спички, но там оказалось пусто.

К кровати приближались мягкие шаги.

Ласси натянула одеяло до подбородка.

— Ролло?

Волк не отозвался, и девушка вспомнила, что тот отправился спать у камина в гостиной. Кто бы к ней ни пришел, ему не миновать Ролло. Оставалось лишь надеяться, что волк сумеет за себя постоять.

Невидимый гость откинул покрывала на другой стороне кровати и лег. Послышался вздох, матрас зашевелился, пока вошедший устраивался, а

потом наступила тишина.

Ласси застыла в смятении. Непроглядный мрак не позволял разглядеть хотя бы контуры того, кто лежал рядом.

— Эй! Ты кто?

Никакого ответа.

— Ты кто? — произнесла она чуть громче.

Непрошенный гость всхрипнул и натянул одеяло на голову. Почти сразу из-под одеяла донеслось тихое посапывание.

Неужели избьорн приволок во дворец еще одного человека? Компанию для нее? Какова бы ни была причина, девушка решила, что она не станет с этим мириться. Она вылезла из кровати и направилась к двери в гостиную.

Дверь оказалась заперта. Или подперта. Задвижка вообще не поворачивалась. Ласси постучала в дверь и позвала Ролло, но тот не отозвался. Она ощупью добралась до камина и потянула за шнурок звонка, но и тут не получила никакого отклика. Она двинулась к двери в умывальную, прикидывая, что можно выстлать ванну полотенцами и поспать там, но та тоже не открывалась. И в комнате, обычно полной свечей и ламп, нельзя было найти ни одной.

В итоге ласси стащила с кровати верхнее одеяло и свернулась калачиком на диване у камина. Огонь уже погас, и в спальне было темно и зябко. Несмотря на сумятицу мыслей в голове, девушка вскоре заснула.

Наутро ее разбудил Эразм, поставивший поднос с завтраком на столик возле дивана. Ласси возмущенно уставилась на фавна:

— Ночью у меня в комнате кто-то был!

Она заметила на тумбочке у кровати спичечный коробок, прямо рядышком со свечой, которой ночью совершенно точно не было.

Эразм лишь улыбнулся странной натянутой улыбкой и сообщил, что обед подадут в полдень.

Вошел Ролло, потянулся и принялся клянчить сладкий рогалик. Он понятия не имел о ночном посетителе и только озадаченно взглянул на хозяйку, когда та поинтересовалась, где его черти носили.

Незванный гость исчез.

Глава 11

Ласси была самым решительным образом настроена выяснить, почему заколдованный медведь и существо под названием фавн обитают во дворце изо льда и зачем им потребовалась ее скромная персона. К несчастью, эти двое, похоже, были столь же решительно настроены ее отвлекать.

В зале с колоннами стояло удобное, человеческих размеров кресло, но девушке никогда не удавалось провести там больше минуты. Тут же откуда-то выскакивали Эразм или медведь и заводили беседу. При этом они не возражали, если она обследовала остальную часть дворца, и на некоторое время ласси переключила внимание туда.

Один зал переходил в другой, за которым открывались все новые и новые комнаты. Все покои вдоль коридора, где находились апартаменты ласси, походили друг на друга. Все интерьеры были выдержаны в своей цветовой гамме, но везде имелись гостиная, спальня, гардеробная и умывальная. Однако лишь ее покои были жилыми. В других каминах огонь не горел, а шкафы не ломились от странно больших по размеру нарядов.

Другие коридоры приводили ласси в залы, заставленные музыкальными инструментами или непонятными научными приборами, а еще больше комнат занимали предметы домашнего обихода. Она снова отыскала зал с ткацкими станками и обнаружила рядом с ним зал, заполненный маслобойками. В других комнатах хранились стиральные доски и утюги, наковальни и молоты, вязальные спицы и колесные прялки. Целый этаж был отведен под одни лишь книги, причем в каждой комнате помещались тома на одном языке. Ласси умела читать только по-норвежски, поэтому ей было доступно весьма ограниченное число книг.

По крайней мере дважды в день она встречалась с исбьорном. Он обедал и ужинал с ней в длинной столовой. То есть она ела, а он сидел на полу возле стола и разговаривал с ней. Говорил он довольно невнятно, но расспрашивал о ее дневных занятиях и просил рассказывать истории из ее детства.

Поначалу она решила, что речь идет о сказках у очага, которыми тешил детей Ярл. Медведь проявил вежливый интерес, но в итоге выяснилось, что его интересуют реальные события. Он хотел знать, каково это — вставать каждое утро в жуткую холодину и собирать яйца. Просил рассказать о том, как они едва не зарезали беломордую оленуху из-за вовремя не обнаруженного лисьего укуса. Исбьорн с жадностью впитывал

сведения о повседневной жизни в хижине дровосека. Ласси повиновалась, но подобный интерес вызывал у нее глубокое недоумение.

Любой вопрос о привычках или собственной истории медведя встречал каменное молчание. Раз или два у медведя делался такой вид, словно он вот-вот что-то скажет, но потом он качал головой и уходил, оставляя ласси в одиночестве. Девушка не давила на исбрьорна, понимая, что он просто не может рассказать, какова природа наложенных на него чар. Придется выяснять самой.

Так же самостоятельно придется разбираться и с незнакомцем, который еженощно являлся к ней в покои. Начиная со второй ночи во дворце он делил с ней постель постоянно. Первые два раза, когда незваный гость забирался в кровать, ласси тут же вылезала и ложилась на диване. Однако при третьей попытке она проснулась оттого, что незнакомец поднял ее на руки. Не говоря ни слова, нахал отнес ее обратно в кровать и засунул под одеяло. Затем вернулся на свою сторону, забрался под покрывало и уснул, повернувшись к ней спиной.

Ласси сдалась. На диване спалось плохо, все тело затекало. А когда она предложила Эразму переселить ее или ночного гостя в другие покои, фавн в ответ спросил, понравился ли ей заварной крем.

Так что ласси спала в одной кровати с незнакомым мужчиной.

Его пол она выяснила на третью ночь, после того как он отнес ее обратно в кровать. Девушка осмелилась протянуть руку и коснуться загадочного посетителя. Она провела пальцами по его лицу: у него оказались высокие скулы и правильной формы нос. Волосы у него были прямые и очень густые. И длинные — они задевали ворот его ночной рубашки (ее наличие стало большим облегчением для ласси). Подбородок был слегка колючий. Дыхание его оставалось ровным, даже когда она, словно слепая, водила ладонями по его лицу и плечам, но кто знает, спал он на самом деле или притворялся.

Ролло, похоже, сомневался в самом существовании незнакомца, а Эразм и исбрьорн оставались глухи к любому упоминанию о нем. Ласси предоставили самой себе. Можно было бы принять всю эту историю за повторяющийся сон, но каждое утро она просыпалась и видела вмятину на соседней подушке, а однажды нашла одинокий темный волос, запутавшийся в кружевах по краю наволочки.

Когда мужчина появлялся, волка в спальне никогда не оказывалось. И он лишь озадаченно смотрел на хозяйку, когда та спрашивала, почему он не попытался остановить незваного гостя. Ролло ни разу не видел и не слышал, чтобы кто-то входил. Он признавал, что кровать наутро пахнет

мужчиной, но понятия не имел, как этот человек прошел мимо него.

Другой заботой, занимавшей время ласси, стала одежда. Шить она не любила, и мысль о переделке этих смехотворно разукрашенных нарядов приводила ее в содрогание. Но после двух недель сидения на шелковых подушках и обедов на тонком фарфоре ей стало неловко оставаться одетой в расплывающийся свитер и залатанную юбку.

Кроме соседа по кровати, облаченного в ночную рубашку, она единственная во дворце вообще носила одежду и справедливо полагала, что всех остальных ее наряд не волнует. Но впервые в жизни ласси испытала укол тщеславия. Привлекательная юная девушка, она всю жизнь носила чиненые-перечиненые обноски восьми старших детей. Да, эти наряды тоже не вчера вышли из рук мастерицы, но выглядели так, словно их надевали лишь однажды, а к изысканной ткани дочь дровосека стеснялась прикасаться загрубевшими от работы руками.

Неделю ласси провела за распарыванием швов и отрезанием лишней материи с помощью длинных острых ножниц. Проведя дерзкую операцию впервые, она едва не потеряла сознание. На средства от продажи одного такого наряда ее семья могла бы жить год. А здесь в ее распоряжении оказались дюжины подобных платьев, и она резала их, как хотела, и подгибала подолы неровными стежками.

Нередко корсажи и юбки были украшены жемчугом или драгоценным кружевом. Их ласси снимала, прежде чем распороть швы. Тут она работала осторожно и убирала кружево и гроздь жемчужин в ароматную деревянную коробочку в спальне. Девушка не пришивала украшения обратно, предпочитая более простую одежду, но на них у нее имелись собственные планы.

Когда год подойдет к концу, она вернется домой. Медведь обещал ее родным богатство — она видела жертву, призванную его обеспечить. Но ласси хотелось уверенности. Она знала Аскеладдена: тот был слишком ленив и любил повеселиться. Она без труда могла представить, как за несколько лет он спустит все состояние, а от славы не останется и следа. Но если удастся припрятать и унести с собой жемчуг и другие драгоценности с этих платьев, она сможет продать их и помочь родным.

Опасаясь, что ей ничего не разрешат забрать при отъезде, ласси разрезала уродское платье из красно-коричневого шелка и смастерила себе пояс с десятью висячими кармашками. В каждый она сложила жемчужины, мотки золотой канители и даже несколько рубинов, снятых с декольте грандиозного бального платья. Затем зашила карманы наглухо. Этот пояс она носила днем и ночью, снимая только на время купания, чтобы

независимо от превратностей судьбы гарантировать себе небольшое богатство.

Покончив с этим и исследовав — верхние этажи дворца, ласси отправилась ниже. Она ни разу не видела ни кухни, где готовились подаваемые ей роскошные яства, ни комнат слуг, о которых говорил Эразм. Поначалу она гадала, уж не готовят ли еду с помощью колдовства и не является ли Эразм единственным слугой во дворце, но со временем фавн стал чувствовать себя свободнее в ее обществе и начал упоминать о других слугах.

— Кто они? Тоже фавны?

Но Эразм не отвечал. Ласси припомнила печальный взгляд фавна в ее первый день во дворце, когда он сказал, что уже много лет не видел женщин своего народа. Другие слуги явно принадлежали к иному племени и людьми, вне всякого сомнения, не были. Иначе зачем их прятать?

Любопытство переполняло девушку. Кто же они? Исбьорны? Драконы? Иные существа вроде фавна, о существовании которых она и не подозревала?

Но Эразм твердо стоял на том, что в служебных помещениях госпоже делать нечего. Ласси возражала, мол, какая госпожа из дочери бедного дровосека, однако он упрямо качал рогатой головой:

— Вы — госпожа. Может, вы и не родились в прекрасном дворце, но живете в нем сейчас. В кухне вам не место.

— Я умею печь лефсе, — соблазняла его девушка. — И фруктовые кексы. Я бывала во множестве кухонь.

Тут она слегка кривила душой: помимо собственной, единственная кухня, куда когда-либо ступала ее нога, принадлежала ее сестре Йорунн.

— Сожалею, госпожа, — твердо, но ласково отвечал фавн. — Кухня не место для вас.

Поэтому у ласси не оставалось иного выбора, кроме как проследить за ним. Ролло идти отказался, заявив, что негоже красться за существом, которое не собираешься есть, и остался на своем любимом коврике у камина в гостиной.

Ласси выждала, пока Эразм уберет поднос с ее завтраком, сосчитала до десяти, а затем выскользнула в коридор следом за ним. Идти за кем-то по коридорам дворца было нетрудно, поскольку через каждые несколько шагов в стенах имелись ниши с выставленными в них молотками или вязальными крючками. Если Эразм останавливался или начинал оборачиваться, ласси ныряла в нишу, считала до пяти, а затем выскальзывала снова.

Таким манером она спустилась следом за фавном на шесть лестничных пролетов в недра ледяной горы. Тут было холоднее, но не больше, чем в обычном погребе. Залы освещались факелами, вставленными в ледяные держатели в виде человеческих кулаков. Ласси поняла, что по ее звонку Эразму приходилось проделывать изрядный путь.

Твердо решив вызывать беднягу пореже и избавить его от лишней беготни, ласси завернула за угол и резко остановилась. Открывшаяся перед ней огромная арка вела в кухню размером с большой зал с колоннами, располагавшийся тремя этажами выше, но не это заставило девушку прирасти к полу от изумления.

Похоже, Эразму в его работе все-таки помогали другие слуги. Но причина, по которой ласси их раньше не видела, сделалась ясна, как только глаза ее приспособились к увиденному: козлоногий мажордом оказался самым человекоподобным из всех. Ласси не совладала с собой и заорала.

Кухня разом превратилась в хаос, ее обитатели заквакали, зарычали, зашипели, закричали. С полдюжины причудливых созданий метнулись к двери и там замерли, не зная, что делать дальше. Но тут вперед выступил Эразм и всех успокоил.

Бросив на ласси укоризненный взгляд, он обратился к остальным и торжественно сообщил:

— Это наша новая госпожа. — Затем он повернулся к девушке: — Госпожа, позвольте представить вам персонал.

Он хлопнул в ладоши, и все выстроились рядком.

Эразм начал с того конца, где стояли на хвостах три оранжевые ящерицы, вибрируя языками и мягко перебирая в воздухе всеми четырьмя лапками.

— Повара Зах, Цзц и Сстх, — произнес он, указав на каждого по очереди, и добавил, уловив в глазах ласси вопрос: — Они огненные саламандры.

— Ой, ну конечно, — отозвалась ласси и улыбнулась ящерицам, старательно притворяясь, будто не визжала только что при виде того, как они кувыркаются в пламени. — Вы чудесно готовите, — добавила она совершенно искренне.

Три саламандры побагровели от смущения. Целиком.

— Поварята Гарт, Капп и Ниллип. Гарт — минотавр, Капп — брауни, а Ниллип — пикси.

Гарт и Капп поклонились, а Ниллип, вроде бы девочка, сделала воздушный реверанс, поскольку парила смутах в трех над полом. Именно из-за Гарта ласси и заорала. Он был добрых семи футов ростом, и его тело,

напоминающее кирпичную стену, покрывала такая густая шерсть, что и не понять, одежда это или его собственная... шкура. Венчала эту живую гору голова огромного быка со здоровенными черными рогами и бронзовым кольцом в носу. Капп и Ниллип были не такие страшные. Капп был ростом фута три и выглядел как сделанный из коры человечек, а Ниллип, ростом меньше фута, обладала крыльями как у бабочки.

— Здравствуйте, — пролепетала ласси.

— Моя госпожа, — пробормотали все трое.

— Горничная Фиона, — продолжал Эразм, подходя к высокой женщине, которую ласси прежде не заметила.

Белую кожу красавицы оттеняли длинные темно-каштановые локоны, волнами спадавшие до пояса. Ее большие темные глаза вспыхнули, когда она присела перед госпожой, а рука стиснула воротник мехового плаща, закрывавшего ее до пят.

— Приятно познакомиться, — произнесла ласси, удивляясь, как она могла не заметить еще одно человеческое существо.

— Фиона — селки и не может говорить.

Напоследок Эразм повернулся к уродливой серолицей женщине со сложенными за спиной громадными перепончатыми крыльями. Костюм ее составляли длинное черное платье и безупречно белый передник.

— А это мадам Грей, домоправительница, горгулья.

— Как поживаете?

Ласси понятия не имела, что такое селки или горгулья, но они выглядели достаточно приятно. Правда, у селки Фионы вид был довольно мрачный, но она хотя бы не казалась опасной, как минотавр.

— Приятно служить вам, госпожа, — отозвалась горгулья. Голос ее звучал так, словно терлись друг о друга два камня. — Если что понадобится, только скажите.

— Да, спасибо, вы делаете... замечательную работу, — запинаясь, выдавила ласси.

У нее никогда прежде не было слуг, и теперь, когда первый шок от того, кем они оказались, прошел, она не знала, как себя вести. Однако девушка достаточно оправилась от смущения и смогла заметить, что у всех на шее повязаны вышитые ленты, как у Эразма.

— Наверное, вам нужно вернуться наверх, госпожа, — предложил Эразм.

С благодарностью принимая его совет, ласси улыбнулась и кивнула. Оказавшись снова в большом зале с огромным камином и уютным креслом, она немного посидела и подумала. Это колдовство отличалось от обычного,

знакомого ей по волшебным сказкам.

Во-первых, имелся исбьорн, живущий в ледяном дворце. Но она впервые спросила себя почему. Почему исбьорн живет во дворце изо льда? Почему он вообще живет во дворце? И зачем ему она, причем всего на год? Ласси подозревала, что он пришел к ней из-за ее способности понимать зверей, но, похоже, не хотел — или не мог — рассказать о своей беде.

Теперь слуги. Фавн, саламандры, горгулья и... прочие создания. Откуда они взялись и почему они здесь? На подобные вопросы Эразм тоже не отвечал. Стоило попытаться расспросить остальных, но девушку терзало предчувствие, что они проявят такую же уклончивость.

Все сводилось к медведю. Слуги здесь из-за него. Ласси здесь из-за него. Возможно, даже сам дворец из-за него. Но почему? Что в нем такого особенного? И что — для медведя — такого ужасного в жизни во дворце и обихаживании слугами? Что в этом такого ужасного в принципе?

— Суть дела в том, кто или что их заколдовало, — произнесла ласси вслух. — Если я выясню это, то смогу узнать как и почему.

— С кем ты разговариваешь? — Исбьорн вперевалку подошел к камину.

— Сама с собой. — Ласси покраснела.

— О. Я помешал?

— Э-э. Нет. Думаю, сама с собой я могу поговорить в любое время. — Она покраснела еще больше.

Он уселся возле кресла, явно преодолевая неловкость.

— Эразм рассказал мне о твоём знакомстве с остальными слугами, — произнес он через некоторое время.

— А, ну да, они все очень милые. — Затем, не зная, что бы еще такое сказать, она спросила: — А почему селки не говорят? И что такое селки?

Медведь утробно хохотнул:

— Селки — тюлень, способный превращаться в женщину. Фиона умеет говорить и часто это делает, но ей приказано не разговаривать с тобой.

— Это почему же? — обиделась ласси.

Женщина-тюлень походила на человека больше всех во дворце, и девушка уже прикидывала, как бы им наладить общение, чтобы подружиться.

— Когда селки говорит с человеком, ее голос околдовывает. Не успеешь и глазом моргнуть, как ты сама станешь усердно прислуживать ей, — объяснил медведь.

Ласси пожалала плечами:

— В этом не больше смысла, чем в ее прислуживании мне. Я всего лишь дочь дровосека.

— Да, но из тебя получается куда более добрая госпожа, чем из селки. Поверь.

— Да ну? — Ласси изогнула бровь.

Исбьорн рокочуще рассмеялся:

— Ее племя развлекается, своим пением заманивая моряков вместе с кораблями на скалы.

Ласси содрогнулась.

— Ой, понимаю. — Ей расхотелось добиваться Фиониной дружбы. — А тот, кто заколдовал тебя, и тот, кто привел сюда слуг, — одно лицо? — выпалила она, надеясь застать его врасплох.

Медведь отпрянул, замахал в воздухе огромной лапицей.

— Что?

— Тот, кто заколдовал тебя, и тот, кто привел сюда слуг, — одно лицо? — повторила она на одном дыхании.

— Да! — Это слово прозвучало так, словно его выжали из глотки.

Они немного посидели в молчании.

— Ты счастлива здесь? — почти выкрикнул исбьорн.

— Что? — Вопрос, заданный столь напористо, оказался совершенно неожиданным.

Медведь не стал повторять слова скороговоркой, как поступила она, а произнес с расстановкой:

— Ты здесь счастлива? Тебе здесь нравится?

— Ну да. Тут красиво, и я никогда не пробовала такой чудесной еды. — Она указала на свой неуклюже перешитый наряд из расшитого золотом персикового шелка. — И никогда не носила такой прекрасной одежды.

— Скучаешь по семье?

Ласси застыла, разглаживая ладонью шелковую юбку. Первые несколько дней она боялась заболеть от тоски по Хансу Петеру и отцу. Девушка неустанно твердила себе, что с ними все в порядке, что они в безопасности, что они богаты, как и обещал исбьорн. А затем ее захватило возбуждение от исследования ледяного дворца и переделки красивых нарядов. Хотя она по-прежнему скучала по родне и их домику, острая боль сменилась тупым нытьем, а его ласси в основном игнорировала.

— Скучаешь? — надавил медведь.

— Д-да. — Она целый день не думала о Хансе Петере. Из-за чувства вины к глазам подступили слезы. — Больше всего по моему брату Хансу

Петеру.

— Прости, — вздохнул медведь. — Я посмотрю, нельзя ли что-нибудь устроить.

— Что устроить?

На миг у нее в груди затрепетала надежда. Он привезет Ханса Петера сюда и тот останется с ней здесь до конца года?

— Попробую наладить доставку писем от тебя к ним, а от них к тебе, — пояснил медведь.

— А-а...

Ласси почувствовала, как гаснет восторг, но утешила себя тем, что письма лучше, чем вовсе никакой связи. Она прожила в ледяном дворце уже месяц. Осталось всего одиннадцать.

Медведь заковылял прочь.

— Увидимся за ужином, — бросил он через плечо.

В дурном настроении ласси поднялась на ноги и, побродив по залу, подошла поворошить дрова в камине кочергой с серебряной ручкой, висевшей на каминной полке. Тыкая в полустгоревшие поленья, девушка опиралась свободной рукой о полку. На ощупь полка была как ее платье: скользкая и чуть холодная. Что-то в собственной позе расшевелило ее память, и на миг у ласси возникло странное ощущение, словно она находится одновременно в медвежьем дворце и дома, в хижине.

Державшие кочергу пальцы онемели, и ласси со стуком выронила тяжелый предмет. Она отпрянула от камина, опасаясь в приступе головокружения подпалить юбку. Девушка почти упала в кресло, а когда в голове прояснилось, потерла лицо и подняла взгляд на камин.

Ледяная каминная полка на ощупь была точно такая же, как в домике. Ласси встала и подошла ближе, прищурившись на зеленовато-белые узоры. Тут были изображены такие же угловатые символы, как те, что украшали опорные колонны в большом зале и шли полосами по краям белой парки.

— Это не просто похоже на резьбу на нашей каминной полке, — принялась рассуждать вслух ласси. Нос ее почти касался каминной полки, и дыхание слегка туманило воздух. — Это точная копия каминной полки в нашем доме. Или, скорее, полка в нашем доме — копия здешней.

Два года назад Ханс Петер заявил, что «хочет перемен», и занялся каминной полкой в домике. Он работал несколько дней, прилаживая новые дощечки и переделывая старые, а под конец вырезал те странные символы, которые так завораживали его младшую сестру, с тех пор как он вернулся с морей.

«Они что-нибудь означают?» — спросила тогда юная ласси, водя

пальцем по свежевырезанным знакам.

«Это история», — ответил ей Ханс Петер, смешивая масло, чтобы втереть в дерево.

«Что за история?»

«Чудесная история, — угрюмо отозвался он. — Чудесная история о принцессе прекраснее зари, что живет в роскошном дворце и мечтает о любви красивого юноши».

«Глупость какая», — фыркнула ласси. Она тогда вступила в тот возраст, когда насмехалась над всем хоть отдаленно девчоночьим.

«На самом деле история ужасная. — Голос брата звучал мрачно, как никогда. — Потому что это все вранье». И больше он ни разу не говорил ни о резьбе, ни о странной истории.

— Спорим, я могу изложить ее целиком, — произнесла ласси теперь, прищурившись на знаки и переходя к дальнему левому краю полки. — «Любовь». — Она обвела знакомый знак пальцем. — «Лжец», «человек», «грусть», «один», «башня». — Она прищурилась сильнее и внезапно догадалась, что начинать надо с правой стороны камина. — Символы идут задом наперед, — с удовлетворением произнесла ласси, увидев знаки «давным-давно», «принцесса» и «красивая». — Это язык, обратный язык. И я могу на нем читать!

Она победно хлопнула ладонями по льду. Но тут ее посетила новая мысль, и руки гирями повисли по бокам.

«Я могу это прочесть, потому что меня научил Ханс Петер. Он тоже умеет читать на этом языке. Он знает эту историю. Он был здесь».

Глава 12

Стоило ласси расшифровать историю на каминной полке, и странный язык начал открываться ей. Некоторые нюансы оставались ей недоступны, да и слова она знала не все, но суть рассказов уловить получалось. Она прочла две из колонн и затейливые резные ленты над золотой дверью. Там встречалась масса упоминаний о прекрасной принцессе и ее бесконечном поиске любви, но сказки казались скорее зловещими, нежели романтическими. С точки зрения ласси, это выглядело так, будто принцесса приказывала каждому мужчине, на которого натыкалась, любить ее. Время шло к ужину, когда она обернулась и увидела Эразма и Ролло, стоящих у нее за спиной с озадаченным видом.

— Привет, — сказала она, смущенно отдергивая руки от косяка, по которому водила пальцами.

— Что ты делаешь? — Ролло склонил голову набок. — Ты пропустила обед и чай.

По мнению волка, не было греха страшнее, чем пропустить кормежку.

— Значит, ты должен был сходить поискать меня, — парировала ласси.

— У камина было слишком тепло, — отозвался он и сладко потянулся. — А потом пришел Эразм забрать нетронутый поднос с чаем, и я подумал, не спуститься ли мне вместе с ним в кухню — вдруг ты до сих пор там. Но тебя там не оказалось, поэтому мы пришли искать тебя сюда.

— Я беспокоился, не пребываете ли вы до сих пор, э-э, в потрясении от сегодняшней встречи, — покраснел Эразм. — Но затем Ролло заверил меня, что с вами все будет в порядке, поскольку с ним все в порядке, и уговорил саламандр дать ему пирожное. — При этих словах румянец потускнел и фавн улыбнулся.

— Прошу прощения за доставленное неудобство, — потупилась ласси. — За все неудобства, которые я тебе причинила. — Теперь, когда Ролло упомянул о пропущенном обеде и нетронутым подносе, в животе у нее громко заурчало. — Ой!

— Вы наверняка умираете с голоду, — рассмеялся в ответ фавн. — Ужин готов, если не возражаете.

— Да, пожалуйста! — Она жестом велела Эразму отвести их в столовую. — Я так хочу пить, что готова лизать стены!

— Стены на вкус ужасные, — предупредил ее Ролло. — Я попробовал в первый же день. Лед на вкус как тухлое мясо. — Он передернулся и всем

своим видом выразил отвращение.

— Что? — Ласси резко остановилась и дотронулась до ближайшей колонны. — Правда?

Она едва не лизнула колонну, не сходя с места, чтобы проверить правоту Ролло. Лед, который не тает и не холодный, — это явно не обычный лед, но почему он должен быть на вкус как тухлое мясо?

— Пожалуйста, госпожа, ужин стынет, — произнес бледный Эразм. — А тебе не следует лизать стены, — сурово выговорил он волку. — Они... ты должен понимать, что это не... не тот лед, к какому ты привык.

— Да-да, разумеется.

Невинно улыбаясь, ласси твердо решила лизнуть стену в спальне, как только останется одна.

В столовой, рядом с креслом ласси, уже ждал белый медведь. Девушка вежливо приветствовала его и заняла свое место. Эразм подал ей роскошный по обыкновению ужин: прозрачный суп, приправленный странными травами, обжаренные с медом овощи, рыбу в обсыпке из лесных орехов, вымоченную в вишневом сиропе. Затем последовал пропитанный сливками и сбрызнутый карамелью торт.

— Пожалуйста, поблагодари саламандр, — вздохнула она, когда покончила с едой, откинулась на спинку кресла и отложила салфетку. — Они фантастические повара.

— Я передам им, госпожа. Они будут тронуты.

Ролло у камина перекатился на бок и вывалил язык. Ему досталась изрядная порция мяса и кусочек торта, который ласси уронила в его миску. Медведь также получил кусок торта, но в остальном поддерживал ничего не значащую беседу, пока Ролло и ласси ели. Он спросил девушку, видела ли она картины в длинной галерее и как они ей понравились (не особенно, сплошь изуверские батальные сцены) и читала ли она книги в библиотеке (да, и они восхитительны).

— Значит, тебе здесь нравится? — В голосе медведя прозвучала тоска.

— Да, конечно! — Она перегнулась через подлокотник кресла и погладила избьорна по громадной лапе. — И не волнуйся, я разберусь с этим колдовством.

— Нет! — Он отпрянул, сверкнув зубами и когтями.

Ласси вжалась в кресло, и избьорн расслабился. Чуть-чуть.

— Будь осторожна. — Голос его звучал резко. — Лучше бы тебе просто подождать.

— Чего подождать?

— Пока год не закончится.

— И тогда ты расскажешь мне, откуда взялся этот дворец?

— Да, — торжественно кивнул он.

— Кто вырезал каминную полку в большом зале?

При столь неожиданной смене темы медведь моргнул:

— Не знаю.

— Стало быть, дворец построил не ты. А кто?

Молчание. Медведь медленно покачал головой, словно ее бесконечные вопросы его разочаровывали.

Тем не менее ласси продолжала напирать:

— Ты можешь прочесть резьбу на колоннах?

— Иногда.

— То есть?

— Медвежьи глаза не годятся для чтения, — с явной неохотой пояснил он. — Поздно уже. Спокойной ночи.

Он неуклюже поднялся и, тяжело ступая, покинул столовую.

— Подожди, пожалуйста! Хочешь, я тебе их прочитаю? — Она побежала за ним. Может, соединенными усилиями им удастся расшифровать все символы. — Исбьорн, хочешь?

Но он просто ушел вперевалку, и большая дверь закрылась за ним.

— Люди слишком шумные, — заметил Ролло, следуя за хозяйкой в отведенные им покои.

— Ой, замолчи, — отмахнулась ласси, напряженно размышляя. — Если бы ты знал, что вырезано на этих колоннах, тоже сгорал бы от любопытства.

— Не хочу знать. Я не хочу знать, почему стены пахнут тухлятиной. Это только приведет к чему-то плохому.

— Ролло! — Ласси возмутило полное отсутствие любопытства у волка. — Разве тебе не хочется узнать, почему мы тут оказались?

— Хочется, но я предпочту подождать, когда наступит подходящее время.

Они продолжали идти в молчании. В молчании Ролло наблюдал, как ласси снимает платье и надевает ночную рубашку. В молчании она расчесывала свои рыжевато-золотистые волосы и умывалась. В молчании волк сидел возле ее кресла, пока она читала главу из книги — историю первых королей Норвегии.

Наконец, когда она забиралась в кровать, Ролло заскулил.

— Что такое? — Ласси недовольно взглянула на него. — Тебе надо выйти? Дверь не заперта.

— Нет, мне не надо выйти, — сварливым тоном ответил волк.

— Тогда что?

— Меня одолевает любопытство, — признался он с раздражением.

— Насчет чего?

— Насчет того, что говорится на колоннах, — рявкнул Ролло, словно она не понимала очевидного. — Нельзя дразнить волка, заявляя, будто прочла что-то интересное, а потом не делиться этим!

— Ну и кто у нас теперь сует нос куда не надо? — Ласси лукаво взглянула на него.

— Просто расскажи, — взмолился смущенный Ролло.

— Ладно. Насколько я могу судить, это история о принцессе, которая жила во дворце и мечтала найти красивого мужчину, который ее полюбит. Но мужчина или мужчины, которых она находила, оскорбляли ее, и ей было очень грустно. Или, может быть, горько. — Ласси подтянула колени к подбородку и обхватила их руками.

Ролло в ответ хмыкнул:

— Это не так уж интересно. Люди все время так поступают.

— Кто сказал, что это были люди? — подняла бровь Ласси.

— А кто тогда?

— Не знаю, кем была эта принцесса. Там просто говорится, что она принцесса. Но все прочие символы для обозначения людей имеют пометку внизу, которая, как объяснял мне Ханс Петер, означает, ну, людей. Там сказано, что она искала красивого мужчину, человека. Совершенно ясно. Но на колоннах вырезаны истории о воинах, принцах и дамах, и там другие нижние пометки, которые, по-моему, обозначают других существ. Вроде Эразма и остальных слуг.

— Про что истории-то?

— Ну, одна про то, как прекрасная принцесса увидела в лесу неких дев. Не уверена, но, кажется, не человеческих. Принцесса что-то им говорит, и они с визгом убегают. Кроме одной, которая насмехается над принцессой. Жестокую деву убивают одним ударом, и ее жених нападает на принцессу. Однако она проявляет к нему милосердие и забирает к себе во дворец, чтобы он мог постичь истинные добродетель и красоту.

— Жуть какая.

— Да? — Ласси удивленно взглянула на Ролло.

Ролло кивнул:

— Прежде всего, почему девы убежали, когда появилась принцесса? Чем она их так напугала?

— Об этом я не подумала.

— По мне, она вовсе не такая красавица, если все ее любимые

предают ее, а прочие самки при ее появлении удирают с визгом.

— А может, это так же, как я сегодня, когда увидела слуг. Понимаешь, они все очень странные, но, когда первое потрясение проходит, оказывается, что все они совершенно неотразимые каждый в своем роде.

— Возможно, — отозвался Ролло с сомнением. — Но тогда и следующий поступок принцессы кажется мне не слишком красивым.

— Забрать жениха жить к себе?

— Преподать ему урок, судя по твоим словам. Его любовь только что умерла, а эта странная принцесса-неважно-кто забирает его из дома к себе во дворец, чтобы он стал ее рабом.

— Я вовсе не говорила, что он сделался ее рабом, просто...

В дверях спальни раздался грохот. Ролло вскочил на ноги, а ласси взвизгнула, но тут же увидела, что это Эразм. Фавн в ужасе таращился на нее, а у его раздвоенных копыт валялись погнутый поднос и разбитая кружка. Горячий шоколад впитывался в ковер.

— Эразм, что с тобой? — Ласси выпрыгнула из постели и поспешила к фавну.

— Кто... где... как... откуда ты знаешь эту историю? — хватая ртом воздух, спросил он.

Девушку неприятно поразила мысль, что Эразм подслушивал.

— А что такое?

— Я... н-неважно, — заикаясь, отозвался он. — Просто... знакомо прозвучало.

— Я прочла ее на одной из колонн в большом зале, — смягчившись, ответила ласси.

Эразм посерел от потрясения.

— Ты умеешь читать на... на языке тр... колонн? — Он уставился на нее со смесью благоговения и страха.

— Да, меня брат научил, — ответила она, ошарашенная его реакцией.

— Твой брат? — У фавна был откровенно изумленный вид.

— Мой самый старший брат, Ханс Петер, — пояснила она, хотя это казалось глупым, поскольку фавн не знал ее братьев по именам и вообще есть ли они у нее.

— Ханс Петер Ярлсон? — Голос фавна упал до еле слышного шепота.

Ласси схватила Эразма за хрупкие плечи:

— Откуда ты его знаешь?

Эразм выскользнул из ее хватки.

— Произошла ужасная ошибка. Она так разгневается. — Лицо его побелело и застыло от страха.

— Кто разгневаается?

Фавн вздрогнул.

— Надеюсь, ты никогда не узнаешь, — безрадостным голосом произнес он. — Я пришлю Фиону прибраться. — И он порскнул прочь.

Спустя несколько минут вошла Фиона. К тому времени ласси сложила осколки разбитой кружки на поднос и поставила его на боковой столик.

Селки мокрыми полотенцами стерла пятно с ковра и унесла поднос с разбитым фарфором, не проронив ни слова. Ласси хотела отпустить несколько замечаний, но мрачное лицо Фионы заставило ее отказаться от этого намерения.

Когда в ту ночь пришел ее сосед по кровати, ласси еще не спала. Раздраженная, она выпрыгнула из постели, как только он в нее улегся. Она споткнулась о тапочки, ударилась локтем о диван и в ярости заорала.

— Я не в настроении терпеть тебя, — заявила ласси сквозь стиснутые зубы. — Один из нас будет спать на диване.

Она подождала, но ответа не получила. Разумеется.

— Хорошо, тогда это буду я, — рявкнула она, сдернула с постели белую медвежью шкуру, закуталась в нее и улеглась.

Ее гость даже не подождал, пока она устроится поудобнее. Он вылез из кровати, подхватил девушку на руки и опустил на кровать с ее стороны. Она попыталась вскочить, но он пригвоздил ее к месту. Когда она наконец расслабилась, он отпустил ее и перешел на свой край.

— Если это часть заклития, то очень глупая часть, — с досадой произнесла ласси.

Но она устала и к тому же хотела обдумать все открытия дня, а потому осталась в кровати. Ее сосед глубоко вздохнул, напомнив ей Ролло, и уснул.

Ласси бодрствовала почти до рассвета, размышляя о принцессах, от которых люди разбегаются с воплями, и о выражении лица Эразма, когда он услышал историю.

И о том, что Ханс Петер совершенно определенно гостил в ледяном дворце.

Глава 13

Наутро ласси, раздраженная донельзя, нагнулась, чтобы взбить подушку своего соседа. Раздражение испарилось, когда она высмотрела на наволочке темный волос. Она пощупала его, но он ничем не отличался от ее собственных волос. Ласси намотала его на палец и положила получившееся колечко в деревянную коробочку с запасом кружева и жемчужин.

Весь тот день Эразм не показывался. Вместо него за обедом и ужином прислуживала Фиона, она же принесла девушке ее вечернюю чашку какао. На следующий день все повторилось: никакого Эразма, зато мрачная селки. Исбьорн игнорировал вопросы ласси о резьбе на ледяных колоннах и о том, где Эразм. Ласси чувствовала себя так, словно ее за что-то наказывают, но понятия не имела за что. Какая разница, сколько вопросов она задает? Особенно если на них никто не отвечает.

Минула почти неделя, прежде чем она снова увидела фавна. Проходя через большой зал, ласси наткнулась на него, почти прилипшего носом к одной из колонн. Заложив руку за спину, он раскачивался взад-вперед на своих черных копытцах, и ласси нарочно шаркнула тапочками по ковру, чтобы обнаружить свое присутствие.

— Ой! — Фавн резко обернулся. — Госпожа!

— Где ты был?

— Н-нигде.

— Ладно, я рада, что ты вернулся и разговариваешь со мной, — сказала ласси. — Прости, если расстроила тебя тогда.

— Это не ваша вина, госпожа, — сказал фавн, бочком отодвигаясь от колонны.

Сообразив, что он не в состоянии прочесть написанное, ласси указала на другую колонну.

— Вон та, — тихо сказала она.

Эразм скосил глаза на колонну и облизнул губы. Он оглянулся через плечо, затем посмотрел через плечо ласси, но в поле зрения больше никого не было видно. Ролло ушел на утреннюю прогулку.

Ласси подошла к нужной колонне, и, немного поколебавшись, Эразм к ней присоединился. Его копытца громко цокали по ледяному полу. Девушка прочла историю вслух, указывая пальцем на каждый символ.

— Не знаю, что означает этот знак, но, судя по символу над ним, речь

идет о юных особах женского пола, — сказала она.

— О фавнах, — выдохнул Эразм. — Это, должно быть, знак для фавна на... этом языке.

— Тогда ты знаешь, что это такое? — Она указала на значок под символом, означавшим принцессу. — Я знаю, что это, — она обвела символ «принцесса», — означает «принцесса».

— Могу догадаться.

— Что это?

Фавн помедлил, лицо его побелело.

— Троль. — Он выдохнул слово в неподвижный воздух, не глядя на ласси, но таращась на символ, которого касался ее палец, так, словно лед сочился ядом.

Ласси не знала, что и сказать.

— Я думала, тролли все уродливые, — сказала она наконец. — Но наверное, даже у троллей принцессы красивые.

Фавн лишь вздрогнул.

Тут ласси кое-что сообразила, и душа у нее ушла в пятки.

— Дворец выстроен магией троллей, да? И именно колдовство троллей удерживает здесь избьорна?

Снова дрожь.

— Я наговорил слишком много. — В голосе Эразма прозвучал настоящий страх. — Мне надо идти. — И он поцокал прочь.

— Нет, подожди! Пожалуйста! Расскажи еще!

Но как бы быстро ни бежала ласси, фавн оказался проворнее и только мотал головой на бегу, не оглядываясь.

Он домчался до двери, ведущей вниз, в кухню, и начал спускаться по лестнице, но потом остановился и полуобернулся. Ласси тоже остановилась в нескольких шагах от него, протянув руку то ли в извинении, то ли в мольбе — она сама толком не знала.

— Имя девушки-фавна, — внезапно произнес Эразм сдавленным голосом, — той, что бросила вызов принцессе троллей и умерла за свой острый язык.

Ласси пришлось тоже облизать губы, иначе бы она не сумела произнести ни слова.

— Да?

— Ее звали Нарелла. На нашем языке это означает «яркая». — И он поспешил по темной лестнице вниз, в царство слуг.

— Нарелла, — повторила девушка.

Красивое имя. Ласси, так долго обходившаяся без собственного имени,

испытывала естественную зависть к красивым женским именам. Но она тут же вспомнила об имени, подаренном ей белым оленем, — оно представлялось ей прекраснейшим из имен. Да и гибель этой девушки-фавна, Нареллы, не оставляла места для зависти.

— Белый олень, — выдохнула ласси. — Белый олень, — повторила она громче.

И отвесила сама себе оплеуху, чувствуя себя полной дурой.

Столько лет прошло и столько всего случилось с тех пор, что она позабыла, какой была ее первая просьба к оленю: исцеление для Ханса Петера. А олень, разглядев вышивку на белой парке, отпрянул и сказал, что Ханс Петер проклят троллями.

— Я должна была давным-давно сопоставить эти вещи, — пробормотала про себя ласси.

К тягостному ощущению собственной глупости добавился страх.

Подавленная, она вернулась к себе в покои. Ролло возлежал на любимом месте перед камином. Благодаря толстым кускам мяса и сладостям, которыми его тут кормили, волк заметно раздался в области брюха и едва пошевелился при виде хозяйки. Ласси села в кресло у огня и положила ноги в тапочках на меховой бок Ролло.

— Нарелла, — сказала она.

— Будь здорова, — откликнулся он.

Она раздраженно потерла ноги о его мех.

— Я только что разговаривала с Эразмом. Помнишь историю о том, как девушки резвились, а потом их обнаружила принцесса и они разбежались? Ту, которая не убежала, дерзкую, звали Нареллой. Она была фавном. — Ласси набрала побольше воздуха. — А ее жениха звали Эразмом. Наш Эразм и есть тот, кому преподают урок милости и красоты.

Ролло выкатился у нее из-под ног и сел.

— Это он тебе рассказал?

— Нет. И да. Я застала его за разглядыванием колонн и показала ему правильную, а он сообщил, что неизвестный мне значок под символом девы означает фавна. Потом я спросила его про значок под символом принцессы.

— И что он означает? — Ролло наставил уши вперед и подался к ласси, прижавшись грудью к ее коленям.

— Тролля. — Ее снова пробрала дрожь при этом слове.

Но Ролло задрожал гораздо сильнее. Он вздыбил шерсть и оскалил белые зубы.

— Значит, этот тухлый запах — запах тролля, — сказал он и

направился в спальню.

Ласси последовала за ним и увидела, как Ролло прошел сквозь комнату в гардеробную. Там он остановился посреди ковра и посмотрел на девушку.

— Что ты делаешь? — Ласси встала в дверях, положив ладонь на косяк.

Она чувствовала себя усталой, вымотанной и больной. Магия троллей.

— Надень свои старые вещи. — Голос волка звучал натянуто. — Мы уходим.

— Мы не можем уйти.

— О том, чтобы жить в логове троллей, речи не шло. — Каждая мышца в теле Ролло напряглась.

— Ролло, я дала слово, что пробуду здесь один год. Прошло всего два месяца.

— А медведь обещал, что тебе не причинят вреда.

— Но мне и не причинили. Мы в полной безопасности.

— Это не безопасность. Как тут может быть безопасно? Тролли! Тролли!!! — От волнения он принялся кружить по комнате. — Эразм здесь в ловушке, исбьорн здесь в ловушке, Эразмову невесту убили — нам надо выбираться!

— Я не могу. Я дала слово!

Ласси вцепилась в скользкий косяк. Страх Ролло подпитывал ее собственный, и ноги сделались ватными. Еще немного — и она упадет в обморок. Дом троллей!

— Нас обманули! Обещание, данное лжецу, не считается, — возразил Ролло.

— Но он не лгал. Он ничего не сказал. Он не мог, ведь он здесь в ловушке! Мы должны помочь ему!

— Почему? Кто он тебе?

— Никто... Нет! Он мой друг, и твой тоже, — сказала она. — Я не оставлю исбьорна страдать здесь под гнетом колдовства. И если я сумею помочь ему, то и Хансу Петеру помогу.

Однако ласси ощутила в груди странное шевеление и внезапно поняла, что не оставила бы исбьорна, даже не будь Ханса Петера.

Ролло заскулил и принялся скрести лапами дверь гардероба, в котором хозяйка хранила старую одежду.

— Мне это не нравится. По-моему, нам надо бежать.

Внимание девушки переключилось на гардероб. Все прочее потускнело. Гардероб. Ее старая одежда. Слова белого оленя. Парка Ханса Петера.

— Тролльский язык, — выпалила она.

Ролло перестал скулить.

— Что?

— Вышивка на парке Ханса Петера представляет собой надпись на тролльском языке, — пояснила ласси, подлетела к гардеробу и рывком распахнула двери.

Вытащив белую парку, она плюхнулась на пол вместе с ней. Красные и синие полосы вышивки злорадно тарацились на нее, завитки и пики прямо на глазах обретали смысл. Символы здесь были более угловатые и зловещие, чем на резных узорах, а читать вышивку оказалось труднее, чем резьбу. Ласси оглянулась через плечо, уверенная, что за ней наблюдают, но это был всего лишь Ролло. Он метался взад-вперед и скулил.

Синие ленты, вышитые белым, рассказывали историю о любви и утрате и странном месте «по ту сторону луны». Красные ленты, также вышитые белым, рассказывали ту же историю о любви и утрате, но эта история сочилась предательством и гневом. Ласси впервые заметила, что синие ленты перекрывают красные, загораживая некоторые символы, и что вышиты они разными руками. Синие ленты отличались мелкими и искусными стежками; на красных стежки были крупнее, грубее и при этом дышали подлинной мощью.

— Что там говорится? — Ролло прижался к ней, поддевая парку носом.

— Вышивка говорит, что носивший парку жил здесь, в ледяном дворце, — с трудом произнесла ласси. — Нет, он... должен... жить здесь. Год и один день, с девушкой как с... невестой... которая никогда не видит его лица.

— Как избьорн, — перебил ее Ролло. — Только ты не годишься ему в невесты: порода не та.

— К тому же я видела его лицо, — заметила она машинально, продолжая читать. — Это говорят красные части. В них сказано, что он будет предан и тогда ему придется отправиться к принцессе и... любить ее вечно, — торопливо закончила она.

— Принцессу троллей?

— Да. Опять эта ужасная принцесса троллей. Я с тобой согласна: ее нельзя назвать хорошим человеком.

— Она вообще не человек — она тролль, — поправил ее волк, как будто это решало дело.

Для ласси — решало. Эта бедная, непонятая принцесса, которая, если верить историям, просто искала любви, на самом деле оказалась ужасной

тварью, заманивающей невинных в ловушку при помощи магии. Она поработила Ханса Петера, но он каким-то образом сумел сбежать. Или нет?

— На Хансе Петере по-прежнему лежит проклятие тролля, — сказала ласси. — Вот почему он до сих пор так несчастен. И вот почему у него волосы седеют, хотя он еще молод.

— Ты не дашь нам уйти, пока не разрушишь эти чары, да? — простонал волк. — Мы никогда не попадем домой!

— Почему ты уверен в моем поражении?

— Потому что это тролль. Ты не можешь сражаться с троллем. Я не могу сражаться с троллем. Никто не может сразиться с троллем и остаться в живых. — Он вздрогнул и отряхнулся. — Посмотри на резьбу по всему дворцу. Она рассказывает только о существах, убитых или поработанных этим троллем.

— Ну, наверное, они не знали, с чем имеют дело. Но мы-то знаем, — обиженно возразила ласси.

Если Ролло не верит ей, то кто поверит?

— О-хо-хо, — протянул волк. — Затем сменил тему. — А что говорится в синей части?

— Ах да. — Ласси, нахмурясь, склонилась над вышивкой. — Она не такая внятная, как красная. Здесь говорится: «любить тебя всегда, скучать по тебе всегда», а затем что-то про «бежать днем и ночью, покинуть место солнца и луны, льда и снега». «Никогда не оглядывайся, никогда не забывай».

Глава 14

Ласси увлеклась разбором записанной на парке истории и не заметила, как пролетело время. В точности как при расшифровке колонн в большом зале, она проработала все время обеда и чаепития, корпя над знаками. Вконец раздосадованная путаницей синих и красных лент, она взяла маленькие швейные ножницы и аккуратно перекусила нитки, которыми синие ленты крепились к парке. Осторожно приподнимая высвобожденные участки синих лент, она без труда разобрала жуткое содержание красных.

— Здесь что-то странное, — сказала она Ролло. — Я не до конца понимаю. Что-то о том, чтобы поймать его без цепей, сделать его прекрасным и ужасным, тогда как прежде он был только прекрасным. Не могу сообразить.

От дверей раздалось ворчание. Ласси в испуге выронила парку и неуклюже вскочила. Ролло зарычал и вздыбил шерсть, но затем расслабился, увидев, кто пришел.

— С тобой все в порядке? — В дверях стоял на всех четырех лапах исбьорн.

— Да. Просто ты напугал меня, — пропищала ласси.

— Я стучал, — извиняющимся тоном произнес он. — Но ты не отвечала, и я заволновался.

— Ой, да, извини, я была... занята.

Она торопливо запихала парку обратно в шкаф. Белый медведь всегда чувствовал себя неуютно при любых разговорах о колдовстве, поэтому она не видела смысла рассказывать ему о последних открытиях.

— У меня для тебя кое-что есть. — Мощный рокочущий голос исбьорна звучал застенчиво.

— Что?

— Мне пришлось оставить это в гостиной. — Он развернулся. — Пожалуйста, пойдем посмотрим.

Она прошла за ним в гостиную, Ролло не отставал. Исбьорн подошел к маленькому столику у камина и сел. Длинным черным когтем он указал на тоненькую книжицу на столе.

Ласси подошла и взяла ее. На кожаной обложке виднелись еле заметные вмятины от зубов, оставленные исбьорном, пока он нес книжку во рту. В остальном это была самая обычная книжка, переплетенная в коричневую кожу без всяких надписей. Ласси открыла подарок, но листы

внутри тоже оказались пустыми. Всего страниц было примерно десять.

— Дневник? — Она подумала, как это мило с его стороны, но довольно странно.

Медведь рассмеялся:

— Не совсем. Тебе лучше не записывать в нее секреты. У твоей родни есть такая же. Что ты напишешь, они увидят. Они напишут — увидишь ты.

Ласси уставилась на книжку, потом на исбьорна.

— Чудо какое! — Она положила книжку и обвила руками могучую шею медведя. — Спасибо тебе! Но откуда они узнают, как ею пользоваться? Как ты им ее доставил? Ты видел их? Как они?

Под градом ее вопросов исбьорн снова рассмеялся:

— Нет, сам я их не видел. Я послал к ним гонца с наказом. Они должны были получить книжку сегодня утром. — Он умолк, наморщив лоб. — В записке я строго-настрого запретил им рассказывать о ней кому бы то ни было. И ты не должна говорить никому из слуг. Тебе не полагается подобная вещь, но я... Мне не хотелось, чтобы ты слишком тосковала по дому.

— Понимаю. — Ласси снова обняла его. — Спасибо тебе, тысячу раз спасибо! — Она перенесла книжечку на письменный стол и достала перо и чернила. — Вот и напишу Хансу Петеру прямо сейчас!

— Я так и думал, — отозвался исбьорн, и в голосе его прозвучала печаль. — Я увижу тебя за ужином?

— Разумеется, — откликнулась она, сосредоточившись на книжке. — Как обычно.

Она не слышала, как он ушел.

«Дорогое мое семейство, — написала она в книжечке, — это я, пика. Надеюсь, все вы в добром здравии».

И тут она поняла, что не знает, о чем писать дальше. «Я живу во дворце изо льда»? «Каждую ночь в моей постели спит незнакомый мужчина»? «Мне прислуживают лакеи, но они не люди»? «Дворец построен троллем»? Все эти фразы тревожили и в то же время не отражали истинного положения дел.

Не зная, как поступить, ласси закрыла книжку и положила на нее правую ладонь. Сосчитала до десяти и снова открыла. Написанные слова исчезли. Она пролистала остальные страницы, но больше ничего не появилось.

— Ну, — сказала она Ролло, — и что теперь?

— Мне это не нравится, — припечатал волк. — Лишний кусок тролльской магии.

— Разумеется, это магия троллей, — огрызнулась девушка, — но если она позволит мне разговаривать с Хансом Петером, тогда я не... Ой!

На открытой странице перед ней возникло слово.

«Ласси?»

«Ханс Петер?» — быстро нацарапала она.

«Ты здорова?»

«Да! А ты? А папа? А остальные?»

Слова появлялись на странице так быстро, как брат успевал их писать.

«Очень хорошо! Аскель завалил исьборна и продал шкуру королевскому меховщику в Христиании. Теперь король и слышать не желает о других охотниках. Аскель поставляет мясо к королевскому столу и меха для королевских одежд. Аскель с матерью живут в прекрасном доме в Христиании. И Эйнар с ними».

Ласси мрачно усмехнулась. Именно этого ее мать всегда и хотела.

«А ты? — написала она. — И папа?»

«Мы с отцом остались в хижине. Хотя ты бы ее не узнала. Крыша новая — подарок Аскеля. Но мы добавили еще комнату и новую обстановку благодаря папиной собственной удаче».

Ласси остановилась и прочитала написанное нетерпеливому Ролло. От последней части у нее захватило дух.

«Папиной удаче?»

«На следующий день после твоего отъезда в первом же срубленном им дереве оказался клад. Стальной сундук с золотыми монетами закопали рядом с деревом, когда оно было еще молоденьким побегом. Дерево оплело его корнями и скрывало, пока не пришел отец».

Ласси очень обрадовалась. Она понимала, что процветание исключительно благодаря Аскеладдену уязвляло отцовскую гордость. Теперь он мог похвастаться (хотя ни за что не стал бы) собственным богатством.

«Ой, я так рада», — написала она.

«Сама-то как?» — спросил Ханс Петер.

«Осмелюсь высказать догадку, что ты знаешь, какова моя жизнь. Я живу в ледяном дворце».

«Этого я и боялся».

«Ты же был здесь, да?»

«Моя трусость навлекла проклятие на всех нас. Прости, сестренка».

«Что ты имеешь в виду? Что с тобой произошло?»

Долгое время ничего не появлялось, и ласси уже начала бояться, что брат ушел и оставил книгу, не в силах отвечать дальше, — слишком горько

было у него на душе. Она в тоске мерила шагами комнату, каждые пять шагов возвращаясь взглянуть на книгу и мечтая, чтобы появились новые слова. Когда это наконец произошло, она рванулась к столу так быстро, что споткнулась о кресло. Пришлось с минуту прыгать на одной ноге и ругаться, прежде чем слезы высохли и она смогла читать.

«Не могу сказать. Даже спустя все эти годы и на таком расстоянии — не могу. Ее власть слишком велика. Прости, сестра, но тебе придется плутать во мраке так же, как моей Тове».

— Тове? — Ласси моргнула и взглянула на Ролло. — Кто такая Това?

— Не знаю, — отозвался волк, в нетерпении скребя хозяйку лапой по ноге. — Спроси его.

«Она была красивая, — писал дрожащей рукой Ханс Петер. — И добрая. Тебе бы она понравилась. Теперь ее нет. Я слышу, меня зовет Рольф Симонсон. Скажу папе, чтобы написал тебе сегодня вечером, когда вернется».

И отец написал, радостно умоляя дочку рассказать ему о благополучной жизни во дворце и делясь домашними событиями. Найденное золото позволило Ярлу послать достойное приданое своим замужним дочерям.

«Это чудесно, папа, — написала ласси. — Я так рада за всех за вас».

Было поздно, и она уже переделалась в ночную сорочку. За ужином девушка рассказала избьорну о своей беседе с Хансом Петером, умолчав о загадочной Тове и о проклятии. Медведя ее восторг от подарка порадовал, но он снова предупредил, чтобы она не упоминала о нем ни при ком другом. Каждый раз, когда заходила Фиона с переменной блюд, он переводил разговор на другое.

Эразм по-прежнему не показывался.

В тот вечер ласси и Ярл переписывались еще некоторое время, причем каждый отчаянно старался казаться веселым и притворялся, будто они болтают, сидя за столом. Ярл обещал посвятить в их тайну Йорунн, когда та приедет в следующий раз, и заставить ее тоже написать ласси.

В приподнятом настроении, но уставшая, ласси закрыла книжечку и забралась в большую кровать. Голова ее была так занята прокручиванием событий дня, что она едва заметила, как явился ночной сосед и забрался в постель рядом с ней. Когда же храп сообщил ей о его присутствии, она просто протянула руку и ткнула его так же, как поступила бы с одной из сестер. Он перевернулся на бок, и оба заснули.

Глава 15

Теперь, когда ласси разобрала тролльский язык — и узнала, что это он, собственно, и есть, — она уже не могла остановиться. В поисках нечитаной резьбы и вышивки она прочесала весь дворец, а затем переключилась на библиотеку. Найдя пустую книгу, девушка начала записывать то, что узнала о принцессе троллей, фавнах, Хансе Петере и себе самой.

Она разыскала норвежский словарь и принялась заносить на поля тролльские соответствия к норвежским словам. Это занятие заставило ее осознать, насколько скудны ее познания в тролльском языке. Но ласси решила, что такие слова, как «амбидекстр» и «пенультимат»,^[4] ей вряд ли пригодятся.

— Разве что я встречу второго с конца тролля и он будет одинаково ловко владеть обеими руками, — рассудила она вслух и хихикнула.

— Простите, госпожа?

Ласси подпрыгнула и захлопнула словарь. Она обернулась, чувствуя себя виноватой — ведь ее застали за порчей книги, — и увидела мадам Грей. Горгулья стояла в дверях библиотеки с перьевой метелкой для пыли в руке. Похоже, ее вовсе не волновало, что ласси писала в одной из книг, и девушка расслабилась.

— Здравствуйте, мадам Грей, — сказала она, но книгу все равно убрала за спину. — Как вы сегодня? — Ей очень хотелось, чтобы слуги наконец перестали к ней подкрадываться.

— Спасибо, госпожа, все прекрасно, — ответила домоправительница. Она неуверенно топталась в проеме. — Мне пойти в другую комнату, госпожа?

— Ни в коем случае, — всплеснула руками ласси. — Не хочу мешать исполнению ваших обязанностей.

До нее внезапно дошло, что она ни разу не разговаривала с остальными слугами, кроме Эразма.

Девушка отошла к креслу у окна и села. Ледяные пластины были куда прозрачнее, чем привычное ей желтоватое пузырчатое стекло. К сожалению, все окна выходили лишь на бескрайнее царство белого снега.

Обходя комнату, домоправительница напряженно сутулилась. Поначалу она вытирала пыль чисто формально, но юная госпожа сидела себе в кресле и, напевая, царапала что-то в книжке, и мадам Грей расслабилась. Уборка сделалась более тщательной, а плечи расправились.

И тут ласси нанесла удар:

— Мадам Грей, откуда вы?

— Пардон? — Метелка со стуком упала на боковой столик.

— Откуда вы прибыли? Готова спорить, вы родились не здесь, во дворце, — улыбнулась ей ласси.

— Нет, не здесь. — Домоправительница подняла метелку и крепко сжала ее, словно меч.

— Где же тогда? Уверена, мне не доводилось встречать никого... похожего на вас в Норвегии.

— Я родом к югу оттуда, — чопорно отозвалась мадам Грей.

— Откуда же? Из Дании?

— Нет.

— Из Пруссии?

— Нет.

— Из Италии?

Домоправительница вздохнула и посмотрела на свою хозяйку.

— Госпожа, если это покончит с расспросами, отвечу: я из Франции.

— Правда? — Ласси отложила словарь и подалась вперед. — А каково там? Ваших... соплеменников много во Франции?

Взгляд мадам Грей затуманился.

— Франция отличается от Норвегии, как репа от апельсинов, — мягко проговорила она. — Мой народ очень многочислен: французы понастроили великое множество церквей, а мы селимся на колокольнях.

Ласси в смятении представила, как во время молитвы за ней наблюдает семейство серых крылатых тварей.

— Неужели вам не хочется домой? — спросила она.

Выпрямив спину, мадам Грей ответила:

— Это не имеет значения, — и вернулась к работе.

Она быстро закончила вытирать пыль и удалилась, не прибавив ни слова.

Ласси гадала, каково это — быть родом из Франкрика (именно так она привыкла называть эту страну).

— Фра-анция, — произнесла она вслух, смакуя слово так, как это делала мадам Грей.

Интересно, насколько необычно родиться во Франции? Наверное, не больше, чем иметь серую кожу и перепончатые крылья.

— Думаю, подпасть под чары троллей еще необычнее, — позже сказала она Ролло.

Девушка снова сидела на полу посреди гардеробной, старательно

пришивая голубые ленты обратно на парку. Она чувствовала себя виноватой: испортила имущество любимого старшего брата!

— По крайней мере, мы пока не подпали, — мрачно отозвался Ролло.

— Откуда ты знаешь? — с любопытством спросила ласси.

Она не чувствовала себя проклятой, но кто знает, каковы должны быть ощущения? Волк, однако, говорил совершенно уверенно:

— Я пытался покинуть дворец. И проделал изрядный путь, прежде чем решил, что лучше вернуться. — Он зевнул, обнажив длинные белые зубы. — Но ничто не заставляло меня повернуть назад. Во всяком случае, я ничего такого не почувствовал. Поэтому, думаю, мы вольны уйти.

— Ты волен, — сухо ответила она. — А я дала слово и сдержу его.

— А я дал слово твоему брату, что останусь с тобой, — парировал волк. — Поэтому я не покину тебя, даже если ты заколдована. Но мне так не кажется. Ты не пахнешь как другие.

— Я ведь тут единственный человек, — пожала ласси плечами и вернулась к шитью.

— Нет, это потому, что ты не заколдована, — уперся Ролло. — Здесь все пахнут по-разному, это правда. Но поверх их собственного запаха всегда присутствует еще один. Тот самый запах тухлого мяса. — Он наморщил длинный нос. — А ты так не пахнешь.

— Но слуги пахнут?

— И избьорн тоже.

— Может, они просто не моются, — фыркнула ласси, но шутка получилась невеселая. Она верила Ролло и его острому нюху. — Стало быть, я не обязана оставаться.

— Только чтобы сдержать слово, — согласился Ролло. — А как ты знаешь, данное правило допускает самое широкое толкование.

— Данное правило допускает самое широкое толкование? — повторила ласси и удивленно воззрилась на волка. — Кто тебя такому научил?

— Ханс Петер сказал мне это перед нашим уходом, — признался Ролло. — Он велел использовать это выражение, если дело примет дурной оборот, чтобы помочь убедить тебя, что ты имеешь полное право уйти. А если ты все равно не пойдешь, я должен тебя укусить. — Ему явно было не по себе.

Оба замолкли, переваривая услышанное. Если Ханс Петер велел Ролло укусить их обожаемую ласси, значит он действительно ожидал чего-то ужасного.

— Ну что ж, он ведь был здесь прежде, — заметила ласси и

поморщилась. — Насколько худо ему приходилось, раз он вообще предложил такое. Сдается мне, его-то в шелка не кутали и роскошными яствами не потчевали.

При упоминании о еде у Ролло заурчало в брюхе.

— Я бегал по снежной равнине весь день, — сказал он с большим достоинством. — А сейчас пора ужинать.

— Совершенно верно.

И они присоединились к исбьорну в столовой. Ласси прочла рекомендованную медведем пьесу, и они ее детально обсудили. Девушке главная героиня показалась слишком истеричной, но исбьорн возразил, что при правильном исполнении роли получается очень трогательно. Ласси хотела полюбопытствовать, где он мог видеть этот спектакль, но исбьорн перевел разговор на поэзию, которую тоже очень любил. Знакомство дочери дровосека с этим жанром ограничивалось несколькими старыми легендами, исбьорн же посоветовал ей уделить внимание кое-кому из современных авторов. Она обещала почитать ему стихи одного из них за обедом на следующий день, и они пожелали друг другу спокойной ночи.

Раздевшись и забравшись в постель, ласси в последний раз проверила волшебную книжечку, но новых сообщений от родни не появилось. Она засунула сокровище под подушку вместе с дневником и составляемым ею словарем и уснула.

Сегодня ночной гость не храпел. Однако во сне ласси лягнула его и, наполовину проснувшись от этого, погладила по плечу в знак извинения. Он только засопел, а она перевернулась на бок и снова заснула.

Глава 16

И потекли похожие друг на друга дни. Ласси читала стихи и романы и обсуждала их с избьорном. Она вела дневник, пополняла словарь и методично обшаривала замок в поисках подсказок. Время от времени она захаживала в кухню и разговаривала с остальными слугами, а в покоях ей продолжала прислуживать угрюмая селки Фиона.

Ласси выяснила, что минотавр родом с маленького островка у побережья Греции, а Эразм — с другого греческого острова. А мадам Грей потому кажется вытесанной из камня, что на самом деле из него сделана, и порой она целыми днями просиживает на крыше дворца, не шевелясь и даже не дыша, и погода ее совершенно не волнует.

Но ничто из этого не помогало ласси понять, как слуги попали сюда. Правда, кто-то из саламандр раз обмолвился, что причиной падения Фионы послужило ее тщеславие. В отличие от истории возлюбленной Эразма, Нареллы, истории других не вызвали у троллей желания запечатлеть их на стенах дворца. Ни у троллей, ни у Ханса Петера.

— Я помню вашего брата, — заявил однажды один из саламандр. — Он был очень высокий.

Саламандры доходили ласси только до колена, поэтому она предположила, что для них все высокие, но в данном случае он был прав.

— Да, он высокий.

— Он что, жив? — Саламандра был явно изумлен.

— Да, конечно. — Ласси вздрогнула, представив иной вариант.

— Ой, как интересно!

Повар юркнул обратно в большой кухонный очаг, и вся троица оживленно зашипела между собой.

— Как интересно, — повторил он, снова выбираясь из огня.

— Что еще ты помнишь про моего брата? — И тут до нее кое-что дошло. Она-то думала, только Эразм знал, что Ханс Петер приходится ей братом. — Откуда ты знаешь, что мой брат здесь был?

Саламандры хитренько переглянулись.

— Нам фавн рассказал, — заявил второй, тоже выбираясь из очага. Ласси с трудом их различала, но это их, похоже, не беспокоило. — Но мы больше никому не сказали.

— Да, это небезопасно, — согласился первый. Он огляделся, но в кухне они были одни. — Эразм знал, что мы не проболтаемся.

— Вы очень добры. Так что еще вы помните? Что-нибудь... интересное?

— Он любил читать при любой возможности и вырезать. Изучал книги в библиотеке, а потом вырезал всякие штуки на каминной полке. Но не на колоннах.

— А кто покрыл резьбой колонны?

— Кое-что было там всегда, даже дольше нас, — сказал третий саламандра. У него голос был повыше и помягче, чем у остальных, и ласси подозревала, что это девочка. — А прочие знаки вырезало то или иное несчастное человеческое создание.

Двое других саламандр зашикали на нее, и все трое метнулись обратно в огонь. Больше они разговаривать не желали, и ласси отправилась к себе наверх.

Каждое утро после завтрака она писала отцу и Хансу Петеру, а те писали в ответ. В то утро, когда она открыла книжку, ее уже ждало сообщение, на сей раз от Йорунн.

«Дорогая сестрица, — говорилось в нем, — мне горько тебе об этом писать, но папа серьезно ранен».

Ласси ахнула и поднесла книжечку ближе к глазам, словно это могло помочь ей читать быстрее.

«Вчера он рубил дерево, и оно на него упало. Правая нога и рука просто в лепешку. Он работал недалеко от фермы Харальдсонов, их старший его и обнаружил. Здешний доктор мало что смог поделать, поэтому Ханс Петер повез отца в Христианию. У папы началась лихорадка. Я тоже хотела поехать, но мне совсем скоро рожать. Тордис уехала с ними на своих санях.

Я знаю, ты не можешь приехать, но я хотела тебе сказать, чтобы ты молилась за папу.

Со всей любовью, Йорунн».

Некоторое время юная ласси в полном оцепенении сидела за изящным письменным столиком. Вскоре пробудился от утренней дремы Ролло и подошел узнать новости. Когда он ткнулся мокрым носом в ее раскрытую ладонь, она вздрогнула и посмотрела на него.

— Кажется, папа умирает, — произнесла девушка еле слышным шепотом. Она сглотнула, подавилась, закашлялась и начала всхлипывать. — Папа умирает!

Она схватила книжечку и побежала по дворцу. Она пронеслась сквозь библиотеку, сквозь комнату, набитую прялками, сквозь комнату маслбоек, по большой галерее, заполненной инструментами, картинами и печатными

станками. На бегу она выкрикивала:

— Исбьорн! Исбьорн!

Глупо, конечно, было звать его так. Раньше отсутствие имени у белого медведя не казалось ей странным — в конце концов, свое она ему тоже не назвала, но теперь ее больно кольнуло, что он ведь и не спрашивал.

— Исбьорн! Исбьорн!

— Что такое? — Он несся ей навстречу по длинному коридору, где располагались неиспользуемые спальни.

Зареванная и запыхавшаяся, она протянула ему книжечку, не заботясь о том, как глупо выглядит.

— Папа умирает, — всхлинула она.

Исбьорн прищурился, глядя на неразборчивый почерк Йорунн, и сел. Посмотрел на картину, висящую на стене над ними, — там резвились некие существа с лошадиными ногами и человеческими телами, — а затем на ласси, на ее помятые и сбившиеся юбки синего бархата.

— Мне надо домой, — всхлинула она.

— Нельзя.

— Пожалуйста, — взмолилась девушка. Она вцепилась в мех на шее медведя и развернула его голову к себе. — Пожалуйста. Я вернусь. Мне бы только его повидать.

Он испустил один из свойственных ему печальных раскатистых стонов, так похожих на коровье мычание.

— Ты вернешься?

— Да, если ты по-прежнему будешь нуждаться во мне.

— Ты нужна мне, — отозвался он. — Я отвезу тебя к родне сегодня же, но ты должна обещать мне, что вернешься. Ты должна прожить здесь год.

— Да, конечно. — Она вытащила обшитый кружевами носовой платок и утерла лицо. — Спасибо тебе, огромное спасибо!

— Ты должна пообещать мне кое-что еще, — сказал медведь сурово.

— Все, что угодно!

— Обещай мне, что никому не расскажешь о тайнах дворца.

— Что? — Ласси перестала сморкаться и уставилась на него. Она и не думала, что ему известно о ее открытиях. — Ты имеешь в виду, про тр...

— Тсс! Не выдавай ни одной из наших тайн. Никому.

— Ладно. — Надежда скоро увидеться с родными придала ей силы. — Пойду собираться. — И она чуть ли не бегом отправилась к себе.

Ролло вошел несколько минут спустя.

— Где ты была? — спросил он, тяжело дыша.

— С исбьорном разговаривала. А ты где был?

С громким треском она оторвала юбку от лифа уродливого желтого платья. Затем разложила юбку на кровати и принялась складывать на нее платья и сорочки. В старый ранец новая одежда не влезла бы, а ласси не желала являться в Христианию замарашкой.

— Я тоже искал исбьорна, — надулся Ролло. — А вместо него нашел мадам Грей. Затем медведь проревел тем, кто в кухне, что мы отправляемся в Христианию, и я пришел тебе сказать.

— Я знаю. И пытаюсь сложить вещи. — Она добавила к куче несколько пар туфель.

— Вот, госпожа. — Мадам Грей вошла с большим кожаным ранцем в руках.

— Ой. — Ласси взглянула на только что уничтоженное платье. — Спасибо, мадам Грей.

Пока девушка переодевалась в старые штаны и белую парку, горгулья сложила ее вещи по-своему и упихала их в ранец.

Не прошло и часа, как они с исбьорном уже летели через снежную равнину, а Ролло несся по пятам. Солнце сверкало на снегу так ярко, что ласси надвинула капюшон парки на глаза и зарылась лицом в медвежий мех. Пока они мчались через бескрайние белые поля и углублялись в лес, она дремала. Зато потом, меньше напуганная и выбитая из колеи скачкой, нежели в прошлый раз, с интересом разглядывала местность, которую они пересекали. Исбьорн бежал через холмы и замерзшие фьорды. Ночь застала их на склоне горы. А когда ласси проснулась, горы остались далеко позади. Ласси не помнила этого по первому путешествию и села на медвежьей спине как можно прямее, чтобы смотреть по сторонам.

— Где мы? — Ей приходилось кричать, а то бы ее не услышали.

— В Норвегии, — отозвался исбьорн.

— В прошлый раз мы здесь не проезжали! — крикнула она.

— Мы направляемся на юго-запад, в Христианию, — был ответ.

Тут медведь опустил голову и побежал еще быстрее по подножиям холмов, лавируя между деревьями и валунами. Ролло мчался рядом, даже не запыхавшись. Ласси то и дело пригибалась, чтобы ее не сшибло веткой.

Таким образом они двигались до следующего дня, остановившись только раз, чтобы подкрепиться едой, припасенной для них саламандрами. К ночи второго дня путники добрались до окраин великого города Христиании, где исбьорну пришлось оставить ласси и Ролло.

— Полагаю, Христиания не место для белого медведя, — с деланным весельем сказала ласси.

Она тревожилась об отце, но ей так же больно было покидать

исбьорна.

— Нет, — сказал он. Чем дальше от ледяного дворца, тем медленнее и скупее делалась его речь. — Помни обещания.

— Помню: я пробуду с семьей всего пять дней, а затем встречу с тобой здесь, чтобы вернуться во дворец.

Визит получался ужасно коротким, но исбьорн настаивал, чтобы она не задерживалась ни на день.

— И?

— И не стану никому рассказывать ни о каких наших тайнах, — добавила она. Затем протянула руку и положила ладонь медведю на лоб. — Береги себя, — с трудом произнесла она. — Не показывайся никому на глаза.

— Не буду.

Она сморгнула неожиданную влагу с глаз и отвернулась.

— Идем, Ролло.

Они торопливо покинули уютившую их небольшую рожицу и вышли на дорогу в город.

— Мы вернемся через пять дней, — крикнула ласси, обернувшись.

Медведь в ответ зарычал, и ласси разглядела вспышку сияющей белизны, когда тот повернулся и прыжками двинулся вглубь леса.

«Всего пять дней, а затем вернемся домой... в смысле, в ледяной дворец», — сказала она себе.

— Ты знаешь, как добраться до дома Аскеладдена? — Когти Ролло цокали по твердой мощеной дороге.

— Нет, но, когда мы попадем в город, нам останется только спросить, — ответила ласси, поудобнее пристраивая на плечах здоровенный ранец. — Наверняка кто-нибудь да знает, где живет королевский охотник.

Ролло скептически фыркнул. Влияние исбьорна таяло, и он дышал все тяжелее, а голова свешивалась ниже.

— Еще топать и топать.

— Прекрати нытьё, — одернула его хозяйка. — Всего лишь через час мы будем сидеть перед теплым очагом с папой и Хансом Петером, как в старые добрые времена.

— Хотелось бы верить, — пробурчал волк.

Ласси не стала с ним спорить. Она тоже чувствовала себя странно. Как в старые добрые времена уже никогда не будет. Отец ранен, возможно, умирает. Она узнала кое-какие тайны Ханса Петера, и участь семьи резко переменилась.

И все из-за медведя.

Глава 17

Когда они отыскивали дом Аскеладдена, уже почти рассвело. Улицы Христиании собьют с толку любого, кто в жизни не видел деревни с населением больше пятидесяти человек. К тому же стояла глухая ночь, и не у кого было спросить дорогу.

Наконец они добрались до ворот самого дворца. Человеческий дворец, приземистый и сложенный из теплого желтого камня, выглядел дружелюбно даже в тусклом свете висящих снаружи факелов. Привратник отечески расспросил девушку, какое у нее дело, и она посетовала, что никак не найдет дом Аскеладдена Ярлсона.

— А, королевского охотника? Ты одна из его многочисленных сестер? — Человек по-доброму рассмеялся. — Чуть дальше по этой улице, вон тот большой серый каменный дом.

У ласси слегка закружилась голова. Аскель живет в большом сером каменном доме? «Чуть дальше по улице» от королевского дворца? Она глянула на Ролло, но тот и сам опешил.

— Спасибо, — поблагодарила она привратника, придя в себя.

Затем пошла к дому, уверенная, что тут какая-то ошибка. Дом был роскошный, с черепичной крышей, с богатыми занавесями на окнах. Перед крыльцом стояла изящная карета, запряженная парой гнедых, и державший поводья слуга с любопытством уставился на незнакомку.

Изобразив уверенность, ласси подняла руку и громко постучала в дверь. Не успела она разжать кулак, как дверь распахнулась.

В потоке яркого света стоял юноша. На нем была ночная рубашка, наполовину заправленная в зеленые штаны.

— Вы сиделка?

Она вытаращилась на него:

— Эйнар?

— Пика? — Второй по старшинству из братьев кинулся ее обнимать. — Не могу поверить, что ты здесь! Я думал, тот исьборн тебя съел!

Он крепко стиснул сестру, а затем нагнулся потрепать Ролло по бокам. Волк с достоинством вытерпел приветствие.

— Нет-нет, — просипела ласси задумчиво. — Со мной все хорошо! Как папа?

Эйнар отстранился, лицо его посуровело. Теперь он меньше был

похож на молодого мужчину и больше — на юношу, каким она его видела в последний раз.

— Плохо. Доктор еще у него. Аскель послал за личным врачом короля. — В голосе юноши зазвучало благоговение. — А теперь вызвал и частную сиделку. За нее-то я тебя и принял.

— Я слышала. — Она заставила себя рассмеяться. — Можно... Можно мне его увидеть?

— Конечно! Тордис здесь. И Ханс Петер. Остальным мы тоже отправили весточку, да не знаю, когда она до них дойдет.

Эйнар провел ее через прихожую с высоким потолком к широкой, изящно изогнутой лестнице полированного дерева. Тут он остановился.

— Ой! Мне же положено ждать у дверей сиделку.

— Все в порядке. Сюда-то я добралась.

— Как поднимешься по лестнице, первая комната направо.

Эйнар еще раз быстро сжал ее плечи и вернулся на свой пост.

Ласси двинулась вверх по лестнице, чувствуя, как сильно бьется сердце. Рядом неслышно ступал Ролло. Их шаги приглушал роскошный ковер с узором из роз, а верхнюю площадку лестницы украшал столик с вазой в восточном стиле. Ласси не знала, что ее тревожит больше: то, что Аскеладден живет в такой роскоши, или то, что за дверью рядом со столиком находится раненый отец.

Призвав еще больше мужества, чем ей требовалось прежде, девушка осторожно постучала в спальню. От ее стука дверь открылась, поскольку не была как следует закрыта. Внутри все оказалось так, как и ожидала ласси: мать, сестра Тордис, трое старших братьев — все собрались у постели, где лежал бледный и замотанный в еще более бледные бинты отец. Над ним склонился похожий на аиста мужчина в черном — доктор.

— Привет! — Ласси стиснула загривок Ролло в поисках поддержки.

Все взгляды, даже затуманенный взгляд отца, обратились к ней. На миг все застыли. А потом комната словно взорвалась.

— Ласси!

— Сестренка!

— Доченька!

— Как ты сюда попала?

— Тихо все! — Последнее высказывание принадлежало врачу. — Мастеру Оскарсону нужен покой!

Ханс Петер добрался до ласси первым и крепко обнял ее. Затем Тордис, за ней Торст. Аскель не полез обниматься, он стоял, сунув руки в карманы шикарных панталон.

— Все в порядке, доктор Олафсон. Это моя младшая сестра, — произнес он важным голосом.

Мать тоже не обняла ласси. Она стояла за спиной у Аскеладдена и теребила длинную шелковую бахромку новой шали.

— Дочка. — Ярл протянул здоровую руку.

Ласси медленно направилась к нему. Пока она шла, от тепла в комнате на лбу у нее выступил пот, и она скинула белую парку.

Правая сломанная рука у Ярла была обмотана бинтами. С правой ноги, тоже сломанной и запеленатой в невероятное количество слоев белого льна, откинули одеяло. Оба глаза опухли, а на правой щеке темнел громадный синяк. Девушка опустилась на колени рядом с постелью и взяла отца за здоровую руку.

— Папа, мне так жаль, — сказала она, глотая слезы.

— Ты не виновата, дочка, — отозвался он слабым голосом и еле заметно сжал ей ладонь.

Она замотала головой. Ее не покидало ужасное ощущение, что все это как-то связано с ее положением. Неспроста невезение в Норвегии называют «тролльским счастьем».

— Да, так... — Доктор откашлялся, чувствуя себя неловко. — Когда прибудет сиделка, я выдам ей лекарства от боли и от лихорадки. Она знает, что делать.

— Спасибо, доктор Олафсон, — произнес Аскеладден. Он шагнул вперед и пожал врачу руку. — Я провожу вас.

Ласси невольно уставилась вслед брату. Он был такой лощеный, такой вежливый, что делалось не по себе. Заметив выражение ее лица, Ханс Петер разразился лающим смехом.

— Как видишь, Аскель нашел свое место в жизни, — сухо заметил он.

— И хорошо, что нашел, — сурово одернула его мать. — Где бы был ваш бедный отец, не имей Аскеладден возможности позвать личного врача короля?

Ханс Петер склонил голову и промолчал. Мать повернулась к ласси.

— Ты нарушила слово? — Лицо у Фриды было чопорное, но в материнских глазах девушке почудился отблеск страха.

На миг смутившись, она моргнула, но потом решительно помотала головой:

— Нет, избьорн привез меня в город, чтобы я могла побыть с папой. Мне надо вернуться через несколько дней.

Фрида коротко кивнула:

— Смотри у меня.

И тут младшую дочь осенило. Фрида действительно боится. Боится, что, если ласси нарушила данное медведю слово, у них отберут новообретенное богатство.

— Так ненадолго, — прошептал Ярл.

Затем он соскользнул в сон.

Младшая дочь со страхом наблюдала за отцом, пока не увидела, как мерно поднимается и опускается его грудь в такт дыханию спящего. Тогда она отпустила отцовскую ладонь и накрыла ее одеялом.

— Врач дал ему лекарство для облегчения боли. — Тордис подошла и обняла ласси за плечи. — Говорит, от этого спят.

— Он поправится?

— Конечно поправится, — сипло отозвался Торст. Лицо у него было белое и напряженное, как и у всех остальных, но он нашел в себе силы улыбнуться. — Ему просто нужен отдых. Так доктор сказал.

Но Ханс Петер хмурился.

— Надо дать отцу поспать, — резко сказал он, подобрал свою парку и направился к двери.

Фрида и Торст последовали за ним, но Тордис и ласси остались с Ярлом. Спустя несколько минут вошла деловитая женщина с венком из седых кос на голове и в длинном переднике. Она улыбнулась двум девушкам, одновременно проверяя пульс у больного.

— Вы сиделка? — прошептала Тордис.

Женщина кивнула и приложила палец к губам. Переглянувшись, сестры выскользнули из комнаты.

Притихшие после увиденного, девушки спускались по широкой лестнице в молчании. Тордис привела ласси в гостиную, где собралось остальное семейство.

Ласси села на диван рядом с сестрой и приняла из рук слуги чашку чая и кусок хлеба с сыром. Она оглядела роскошно обставленную комнату, а затем своих родных. Тордис практически не изменилась. Тот же домотканый наряд, ярко окрашенный и замысловато скроенный. Ханс Петер в толстой и простой шерстяной одежде, как обычно, но не видать ни заплаток, ни обтрепанных рукавов. Аскель, Торст, Фрида и Эйнар одеты нарядно, по-городскому, хотя и несколько растрепаны.

— Отец поправится? — На сей раз пугающий вопрос задал Эйнар.

— Конечно поправится, — отозвался Аскеладден с деланой сердечностью.

Он отпил слишком большой глоток кофе и подавился. Торст постучал его по спине.

— Будет чудом, если ваш отец когда-нибудь снова сможет ходить, — сказала Фрида. — Руку он не потеряет, но пальцами пользоваться, похоже, не сможет. Хвала небесам, что Аскеладден способен нас обеспечить. Хотя бы один из моих детей не пустышка, — фыркнула она.

— У отца достаточно средств, чтобы позаботиться о себе самому, — напомнил Ханс Петер. Он все еще держал в руках белую парку. Большим пальцем он гладил синюю ленту, которая шла по рукаву вниз, и ласси стало любопытно, заметил ли он, что ее снимали, а потом пришили обратно. — Правда, ради нынешнего положения нам пришлось принести в жертву колдовству самую младшую из нас. Но уверен, это того стоило. — Голос его сочился ядом.

— Да, стоило. — Ласси вздернула подбородок и твердо произнесла: — Отец переживет это несчастье. Его лечат лучшие доктора, за ним ухаживает настоящая сиделка. У Аскеля с мамой уютный дом...

— Он и твой тоже, — перебил Аскель. — Когда вернешься насовсем, приходи сюда.

Она знала, чего стоило Аскелю проявить щедрость, поэтому улыбнулась брату и поблагодарила его.

— Откажись я уехать с избьорном, — продолжала она, — мы бы по-прежнему ютились в крохотной хижине с протекающей крышей. А когда с папой случилось бы несчастье, нам пришлось бы самим выхаживать его у очага в кухне. — Она завершила свою речь коротким кивком и отпила глоток остывшего чая.

— Ты думаешь, несчастье случилось бы с отцом, даже если бы избьорн никогда к нам не приходил? — озвучил Ханс Петер ее собственные страхи. — Пойду посплю. — Он твердым шагом вышел из комнаты.

Ласси поспешила за ним и у подножия лестницы поймала брата за рукав.

— Ханс Петер, — произнесла она, понизив голос, — если ты знаешь об этом заклятии что-то способное мне помочь, я бы очень хотела это услышать.

— Будь осторожна. Выжди свой год. Вернись домой, — сказал он.

Затем стряхнул ее руку и понесся наверх через две ступени.

Она последовала за ним не так быстро, позволив Тордис нагнать ее. Наверху ласси обнаружила спальню, приготовленную для нее одним из многочисленных Аскелевых слуг. Она невольно отметила, что комната гораздо меньше ее спальни дома... то есть в ледяном дворце. Тут не было отдельной умывальной, только горшок и тазик с кувшином горячей воды рядом. Она наскоро помылась, надела чистую сорочку и забралась в

постель.

Ласси убеждала себя, что не может заснуть, потому что кровать уже, чем она привыкла, простыни грубее, а мебель отбрасывает не такие тени.

Она отказывалась признаться самой себе, что ждет, когда на кровати рядом с ней устроится знакомая тяжесть. Ждет мягкого дуновения знакомого дыхания на своей щеке. В конце концов она взяла в кровать Ролло, и теперь он храпел и брыкался рядом, не давая ей уснуть. На рассвете она сдалась, встала и оделась.

Глава 18

Три дня пролетели стремительно. Большую часть времени ласси проводила в отцовской комнате, держа Ярла за здоровую руку и разговаривая с ним. Она «придумывала» истории о существах под названием фавны, саламандры и селки, населяющих фантастический дворец изо льда. Пересказывала книги, прочитанные в дворцовой библиотеке. Наплела, будто взялась самостоятельно осваивать новый язык, но, когда отец спросил какой, торопливо ответила: «Французский». Незачем ему знать, что его младшенькая учит тролльский.

Ласси послала Эйнара в ближайшую книжную лавку купить пачку модных романов, и они с Тордис по очереди читали Ярлу. Сестры уходили, только когда сиделка меняла отцу повязки или купала его, но даже такая разлука была мучительна для ласси.

На следующий день после ее приезда Ханс Петер запряг оленей и вернулся в их старый домик. Все умоляли его остаться, но он отказывался. Отговаривался делами («Ха!» — фыркнула на это Фрида) и тем, что Йорунн с ума сойдет от беспокойства.

— Жаль, я не привезла свою книжечку, а то мы могли бы ей написать, — сказала ласси, глядя беломордую оленуху по носу, пока Ханс Петер грузил в фургон узелок со своей одеждой и большой тюк с едой. — Тогда ты мог бы остаться.

— Я бы все равно не остался, — раздраженно ответил он.

— Мне надо с тобой поговорить, — настойчиво сказала ласси.

Она твердила об этом последние полтора дня. Ей не терпелось поговорить с братом наедине и расспросить его про ледяной дворец и заклятие.

— Нет, не надо, — отрезал Ханс Петер. Затем вздохнул и опустил на козлы. — Ладно, дорогая моя маленькая ласси, слушай хорошенько. Ты права: я был там. Я видел великую снежную равнину и дворец изо льда. Я знаю фавна Эразма и саламандр, которые готовят такую вкусную еду. Но я также знаю хозяйку этого дома и знаю, насколько велика ее власть над теми, кто в нем обитает. Вот почему я говорю тебе: будь осторожна, выжди свой год и вернись домой.

— Но вдруг мне удастся...

— Будь осторожна. Выжди свой год. Вернись домой, — повторил он, подобрал вожжи и отпустил тормоз переднего левого колеса. — Можешь

пока оставить себе парку, но я бы хотел получить ее обратно, когда ты вернешься.

Ханс Петер тряхнул вожжами и свистнул, и ласси поспешила убраться с дороги. Олени сорвались с места. Доехав до конца улицы, брат быстро обернулся и помахал. Его волосы блеснули на солнце белизной, и от этого он показался глубоким стариком.

— Ну и ну! — Фрида спустилась по ступенькам и сердито уставилась вслед фургону. — Уехал, а? И даже до свидания матери не сказал. И брату, гостеприимством которого воспользовался, тоже.

От сварливого голоса матери у ласси заныли зубы.

— Ты же знаешь, Ханс Петер не любит прощаний. И Аскель тоже. Обоим было бы просто неловко.

Мать только фыркнула:

— Пойду внутрь. Зябко на улице.

Слишком скоро визит подошел к концу, и вот уже настало утро последнего дня. Вечером Аскель обещал отвезти ласси за город, чтобы она могла встретиться с избьорном в сумерках, но сейчас Ярл дремал, а остальные разошлись, поэтому девушка начала укладывать ранец. Хорошенькое голубое платье она снимать не торопилась, но достала штаны, свитер и парку, чтобы переодеться позже.

В дверь постучали.

— Пика? Это я. — Тордис просунула голову в комнату. — Не терпится ехать?

Ласси взяла щетку и улыбнулась сестре:

— Нет. Просто не хочу тратить последний час с папой на сборы.

— А задержаться никак?

Ласси состроила гримаску:

— Я обещала отправиться в обратный путь сегодня. Чем дольше я задержусь, тем дольше продлится год.

Тордис уставилась на нее:

— Что ты имеешь в виду?

— Я должна прожить с медведем год и один день. Поскольку я потратила пять дней здесь, мне придется задержаться во дворце избьорна на пять дней дольше.

— А там на самом деле... все... в порядке?

Ласси рассмеялась.

— Я живу во дворце с гигантским белым медведем, — напомнила она сестре. — Все настолько в порядке, насколько это возможно. — Она покачала головой, хихикая, и продолжила сборы. — И будет облегчением

убраться подальше от маменьки, — пробормотала она себе под нос.

— Знаешь, мама теперь гораздо счастливее, — сказала Тордис.

— Не сомневаюсь. Но счастье, похоже, лишь добавило ей любопытства, — отозвалась ласси. — Она всю неделю подглядывала да лезла с расспросами: «А что ты ешь? А сколько слуг в замке? А придворные у медведя есть?» — произнесла она высоким визгливым голосом, подражая Фриде.

Настала очередь Тордис смеяться.

— Точь-в-точь наша матушка. Но тебе вроде бы нечего скрывать, — заметила сестра.

Ласси опустила глаза, и сестра взглянула на нее пристальнее:

— Или есть?

— Н-нет.

Тордис обошла кровать и обняла младшую за плечи.

— Что тревожит тебя, сестренка?

— Ничего, — ответила ласси, складывая и перекладывая сорочку.

Даже для ее собственного уха это слово прозвучало откровенной ложью.

— Ничего?

— Просто... — Ласси внезапно замолчала.

— Просто что?

Два голоса сражались в голове у ласси. Один, принадлежащий белому медведю, предупреждал ее не выдавать никаких «тайн». Второй голос, ее собственный, едва не плакал от одиночества, когда сестра обняла ее. Ласси наслаждалась обществом исбьорна, но между ним и любым человеческим существом, особенно одной из сестер, лежала пропасть.

— Просто... — Она все еще колебалась, не зная, как начать. — Ладно, только маме с папой не говори, но каждую ночь кто-то ложится ко мне в постель, — выпалила она на одном дыхании.

— Кто-то ложится к тебе в постель? Кто? — Тордис свела брови на переносице.

— Не знаю, — пожала плечами ласси. — Ночью мне никак не удастся найти свечу. Кровать огромная, и... кто-то просто ложится на другую сторону и засыпает. А наутро — никого.

— Кто-то?

— Или что-то. Я не вижу...

Тордис в ужасе схватилась за горло:

— Оно хоть человеческое?

— Думаю, да.

— Откуда ты знаешь?

Ласси покраснела.

— Я оцупала ему голову, — прошептала она.

— Это мужчина? — Глаза Тордис сузились.

Ласси не пришлось говорить. Пылающие щеки сказали все.

— Незнакомый мужчина лежит рядом с тобой каждую ночь? Бедное дитя! — Тордис поцокала языком. — Знаешь, на самом деле вовсе не обязательно, что это мужчина, даже если на оцупь...

Ласси отстранилась, чтобы лучше видеть лицо Тордис.

— Я тебя не понимаю...

— Дворец-то заколдованный, — напомнила сестра. — Этот... мужчина... который делит с тобой постель, тоже наверняка заколдован. Например, ужасный тролль притворяется человеком, чтобы внушить тебе ложное чувство безопасности.

— Мне так не кажется.

Ласси говорила правду. Было нечто очень... постоянное и обыденное в ее ночном госте. По сравнению с минотавром в кухне он выглядел почти скучным.

— А если этот неведомо кто играет с тобой в некую игру? Постепенно убеждает тебя в своей невинности, пока ты вообще не забудешь о его присутствии?

— Но какой в этом прок?

— Живя в такой глухомани, как наша, всякого наслушаешься — жуткое дело, — сказала Тордис с мрачной уверенностью. — Ты не знаешь, на какие пакости способна эта тварь.

— Но я не чувствую угрозы, — возразила ласси.

Сестра только головой покачала:

— Неважно. Тебе надо взглянуть на это существо при ярком свете, чтобы убедиться, что это не какое-то ужасное чудовище.

— Но говорю же тебе: ночью даже свечи не найти, а камин гаснет.

Тордис пожевала губами, затем подошла к канделябру на комод. Ласси не зажигала у себя свечи, потому что они были сделаны матерью, с добавкой трав, от которых она чихала. Сестра вынула из кармана передника ножницы и отрезала у свечи верхушку. Она протянула ласси этот кусочек свечи вместе с коробком спичек, вынутым из другого кармана.

— Возьми это и посмотри на чудовище, с которым делишь постель, — посоветовала ей Тордис. — Наш священник говорит, что свеча, отлитая в христианском доме, способна развеять любой морок. Это единственный способ убедиться, что ты в безопасности.

— А если нет? — Ласси почувствовала, как по спине пополз холодок.

— Поступай, как сочтешь нужным: запирайся на ночь или беги из дворца и возвращайся домой. — Тордис сунула коробок и свечку в руки сестренке. — Носи их всегда при себе. Обещай мне.

— Хорошо, — сказала ласси, скорее чтобы успокоить Тордис, чем соглашаясь с ней.

На глазах у сестры она спрятала оба предмета за корсаж платья. От трав в свече у нее защекотало в носу и зачесалось там, где свечка соприкасалась с кожей. Девушка тайком вытерла руки об одну из сорочек, которую упаковывала.

— Я только схожу посмотрю, не проснулся ли папа. — Она бочком обошла кровать, начиная жалеть, что вообще раскрыла рот.

Последние драгоценные часы с отцом ласси провела в тревоге. Она не могла сосредоточиться на романе, который они торопились дочитать, да и кожа на груди чесалась все сильнее, по мере того как воск нагревался от тепла ее тела. Когда настала пора прощаться с родными, она была злая, уставшая и покрылась сыпью.

— Вернуться бы уже во дворец, там хоть ванну принять можно, — проворчала она Ролло, пока они ждали в маленькой рощице за городом.

Аскель и Торст привезли ее туда, но она заставила их тотчас уехать, понимая, что избьорн при братьях не покажется.

— Ты пришла, — сказал он, выходя из-за деревьев, словно вызванный ее мыслями.

Несмотря на сыпь и плохое настроение, у нее внутри все затрепетало от радости при виде медведя и по лицу расплзлась широченная улыбка.

— Конечно. Я же дала слово!

Ласси без приглашения вскарабкалась ему на спину и ударила его пятками по ребрам, словно коня:

— Поехали.

Она потерла грудь, мечтая, чтобы зуд прекратился.

Медведь пророкотал что-то, то ли смеясь, то ли жалуясь, и сорвался с места. Ролло помчался следом, вывалив язык от предвкушения. Они направлялись домой.

Глава 19

По возвращении во дворец жизнь вскоре снова вошла в колею. Ласси читала и упорно постигала тролльский язык. Они с избьорном вместе сидели за обеденным столом и разговаривали, а иногда она ездила на нем верхом, когда он бегал наперегонки с Ролло по снежной равнине. Всякий раз, заподозрив, что медведь или кто-то из слуг утратил бдительность, она выпаливала вопрос в надежде застать их врасплох и получить ответ.

Впрочем, ей не многого удалось добиться. И слуги, и избьорн привыкли к ее внезапным наскокам и хранили по поводу троллей или колдовства глухое молчание.

Но не все оставалось по-прежнему. Ласси понимала, как расстроила Эразма своими вопросами, но надеялась, что со временем страхи его поутихнут и он снова станет прислуживать ей. От Фионы радости было мало, да и Ролло тоже скучал по фавну.

— Мадам Грей... — обратилась она к домоправительнице, которая складывала льняные салфетки на конце длинного кухонного стола. — А где Эразм? Я уже месяц как вернулась, а до сих пор его не видела. Он все еще сердится на меня?

Крепкие гранитно-серые ладони домоправительницы сомкнулись на складываемой салфетке, смяв ее в крохотный шарик. Закрыв каменные глаза, она тяжело задышала носом. От этого ноздри у нее раздувались, превращая лицо горгульи из просто некрасивого в откровенно жуткое.

Ласси отпрянула.

— Мадам Грей?

Саламандры прекратили резвиться в кухонном очаге. Гарт бросил нож, который точил, и на цыпочках вышел из кухни, ругаясь себе под нос.

Мадам Грей разжала кулаки. Ногти ее проткнули тонкий лен салфетки. — Она разгладила ткань, обозрела дырки и бросила салфетку в огонь, где кто-то из саламандр одним дыханием превратил ее в пепел. Домоправительница пошевелила серыми крыльями — этого ласси никогда раньше не видела, они всегда были сложены на спине. Когда крылья снова поникли, мадам Грей взглянула на ласси и произнесла:

— Эразма здесь больше нет.

— А где он?

— Его здесь больше нет, — повторила мадам Грей. Она откашлялась, произведя такой звук, словно встряхнули бочку с камнями. — Наверное,

вам не следует проводить столько времени в кухне со слугами, госпожа. Это неприлично.

Понимая, что ее выгоняют, ласси встала и вышла из кухни. Наверху, в большом зале с колоннами развалился у огня Ролло. Девушка взглянула на резьбу на каминной полке, но глаз не цеплялся за знакомый до последней черточки узор. Почесав волка под ребрами мыском туфли, она направилась к себе в покои и проверила пустой дневник, не появилось ли там новостей. Но никто в тот день не писал. Ханс Петер вообще ни словом не обмолвился с тех пор, как она вернулась во дворец.

— Ладно, я заставлю его написать, — проворчала она.

Усевшись за изящный ледяной письменный столик, ласси взяла перо. Наверху страницы она написала сообщение для Йорунн, извинившись перед ней, поскольку дальнейшее предназначалось только для глаз Ханса Петера. Затем она передала слова мадам Грей, описала ее внезапное возбуждение, молчание саламандр и резкий уход минотавра.

«Я знаю, что фавн и остальные были здесь, когда здесь жил ты, — написала она. — Куда, по-твоему, мог подеваться Эразм? Вряд ли он вернулся домой. Но не убежал же? Я беспокоюсь за него».

Ласси поставила затейливую подпись и закрыла дневник. Чувствуя себя гораздо лучше, она направилась в гардеробную и сняла с вешалки зеленое платье, которое задумала перешить. Раньше одежда ее не особенно занимала, поскольку собственной у нее, по сути, и не было. Но теперь, обретя бесконечный источник красивых нарядов, она постепенно проникалась присушим ее полу тщеславием.

Девушка развернула платье перед Ролло.

— Его прежняя хозяйка была пугающе высокой, тебе не кажется?

Она подняла платье так, чтобы юбка не лежала лужицей на полу, при этом лиф оказался у ласси над головой.

— Пугающе высокой, — повторила девушка... и застыла. — Богатой. Тщеславной.

Она бросила платье, словно обожглась. Тяжелый от золотого шитья лиф приземлился Ролло на голову, и волк взвизгнул.

— Ты чего? — Волк хвостом вперед выбрался из-под платья и встряхнулся.

— Это тролльское платье. — Ласси взглянула на свое отражение в высоких зеркалах и увидела свой бледно-голубой утренний туалет в совершенно новом свете. — Это все тролльские наряды. — Она сердито уставилась на Ролло. — Они пахнут?

— Э-э... Ну... Они также пахнут цветами, из-за тех мешочков с

сушеными лепестками, что висят в шкафах, — заюлил волк и честно добавил: — С легким оттенком тухлого мяса.

— Проклятье!

Ласси содрала с себя голубое платье так поспешно, что порвала кружево на лифе. Она скинула сорочку, метнулась в умывальную и наполнила ванну самой горячей водой, какую могла терпеть. Девушка долго терла себя до красноты, а потом встала посреди гардеробной, завернутая в полотенце, и уставилась на дверцы шкафов. В конце концов она со вздохом влезла в старый растянутый свитер и латаную-перелатаную юбку.

— Ты пахнешь лучше, — сказал Ролло, утешительно тычась носом ей в ладонь. — Прежней собой.

— И то хорошо. Однако мне бы хотелось отыскать здесь одежду, не ношенную троллями. Неужели здесь не осталось вещей, раньше принадлежавших селки или фавну — да кому угодно!

Она принялась вытаскивать платья из шкафов, сваливая их в кучу посреди комнаты. Свои вещи: парку Ханса Петера, сапоги, второй свитер и юбку, штаны — она сложила в аккуратную кучку.

Одно из тролльских платьев зацепилось за что-то, когда она выдергивала его из шкафа, и порвалось. Выругавшись, ласси сунула руку внутрь и нащупала острый кусок льда, ничем не закрепленный. Она отодвинула его и обнаружила сверток, засунутый в тайник между шкафом и стеной.

Это оказался ранец, но не такой, какой ей давала мадам Грей. Внутри лежали льняная сорочка с длинными пышными рукавами с цветочным орнаментом, темная шерстяная юбка, красный жилет и пара потертых кожаных башмаков. Все вещи были выношены до мягкости, добротные, но недорогие. Больше всего ласси ужаснуло то, что они явно принадлежали девушке примерно ее размера. Куда же подевалась хозяйка одежды?

Под этой повседневной одеждой обнаружилось самое худшее. Завернутый в муслин, там лежал свадебный бюнад,^[5] ни разу не надёванный. Роскошный наряд, ничуть не похожий на тяжелые бархатные юбки и усыпанные жемчугом лифы тролльских платьев. Черную шерстяную юбку бюнада украшала по подолу широкая вышивка красными, синими, зелеными и желтыми полосами. На красном жилете спереди снизу доверху шли серебряные пуговицы, а белая рубашка была из тончайшей газовой ткани. Нашлась там даже пара серебряных сережек и круглая брошь со свисающими медальонами. Также имелись белые чулки и пара черных туфель с пряжками, слишком жестких — их явно никогда не

надевали.

Ласси села на пол посреди гардеробной и разрыдалась над этими туфлями. Какая-то другая девушка прибыла сюда, в этот холодный ледяной дворец, уже видя себя невестой. Но что случилось с ней? Она умерла? Пыталась бежать через снежную равнину? Или зачахла от тоски по родным? Или просто исчезла однажды, как Эразм?

Взяв в руки повседневный жилет, ласси заметила один-единственный длинный волос, приставший к его шерстяной спинке. Волос был светлый, почти белый, но, когда она поднесла его к свету, замерцал золотом.

Ласси старательно намотала волос на одну из пуговиц на свадебном бюнаде, чтобы не потерялся. Всхлипывания перешли в икоту, и Ролло начал слизывать слезы с ее лица.

— Это же просто одежда, — проворчал он в замешательстве.

— Как ты не понимаешь! Какую-то другую девушку привезли сюда, и она покинула это место без вещей. Это значит, что она... мертва... или еще что-то. — По щекам ласси хлынул новый поток слез. — Мне кажется... это Това, о которой писал Ханс Петер.

Ролло обнюхал одежду. Над бюнадом он только головой покачал: тот был слишком новый и не пах ничем, разве что шерстью и — еле уловимо — сотворившими его руками. Повседневную одежду он обнюхал более тщательно.

— Она была человеком, — доложил волк. — И редкостной чистюлей. Любила землянику и книги. И Ханса Петера. И она не умерла в этой одежде.

— Ты уверен?

Ролло снова обнюхал сорочку и кивнул:

— Они пахнут избьорном, но не нашим. И Хансом Петером. По крайней мере, этот предмет, — он ткнул носом в сорочку, — хотя и почти неощутимо.

Ласси схватила сорочку и обнюхала ее как следует сама, но ничего не учуяла. Ну, то есть она уловила аромат сушеных цветов из гардероба и кожи ранца, но это все. Ни земляники, ни книг, ни Ханса Петера.

— Твой нос не настолько чувствителен, — напомнил ей Ролло с еле заметным оттенком самодовольства.

— Это Товины вещи, — с уверенностью произнесла ласси. — Когда Ханс Петер жил здесь, с ним была красивая девушка по имени Това, и они очень любили друг друга.

— Даже я не в силах все это учуять, — заметил Ролло.

— Но я это чувствую, — настаивала ласси. — Думаю, это она вышила

синие узоры на парке Ханса Петера. Красная часть содержит какое-то заклятие, и Това изменила его. Интересно, что случилось с ней и с их исбьорном, — закончила она, смахнув со щеки последнюю слезу.

— Их исбьорном?

— Ты сказал, пахнет белым медведем, но не нашим.

— Да-а. — Но теперь голос Ролло звучал не так уверенно, как прежде. — На самом деле в этих запахах ужасная путаница. То нюхнешь — исбьорн, а в следующий миг — Ханс Петер. И привкус тролля тоже.

— Также? — Ласси снова поднесла сорочку к носу, но запах не давался ей. — Что это значит? — Руки у нее слегка дрожали. — Что тролли с ней сделали? Что им нужно от... — Она хотела сказать «меня», но в последний миг изменила слова, не в силах даже озвучить собственный страх. — От моего исбьорна?

— Не знаю, — откликнулся Ролло, — но, по-моему, нам следует прислушаться к совету Ханса Петера. Ждать, соблюдать осторожность и вернуться домой.

— Но разве ты не хочешь помочь?

— Вряд ли мы можем помочь, — возразил Ролло. — По-моему, мы только хуже делаем. А когда этот год кончится, наверное, Ханс Петер расскажет нам, что приключилось с ним. И с этой девушкой. — Он поддел носом бюнад. — По-моему, ей мама помогала шить, — добавил он, отвернулся и чихнул. — Тот, кто делал швы на этой юбке, любил розовую воду и свежевыкопанную картошку.

Ласси долго сидела в разоренной гардеробной и раздумывала над всем, что обнаружили они с Ролло. Когда пришло время ужина, она аккуратно сложила вещи Тovy обратно в ранец и убрала его в первый шкаф, к собственной одежде. Тролльские платья она оставила там, где бросила.

Увидев ее в старой одежде, исбьорн опешил. В свете люстры над обеденным столом вещи казались еще более поношенными, но он ничего не сказал. Он старался поддерживать беседу, но ласси отвечала односложно. Ей не давали покоя слова Ролло, что они только хуже делают, и в тот вечер она не пыталась выжать из медведя какие-либо сведения о колдовстве. Подавленная, она рано легла спать.

Когда в полночь молодой человек пришел лечь рядом с ней, она перекатилась ближе к нему, словно бы во сне. Решив, что он заснул, она обнюхала его. Таинственный сосед пах мылом. Ласси снова пожалела, что у нее нет чувствительного носа Ролло и что волк ни разу не проснулся, когда приходил ее гость. Но острого волчьего нюха ей не досталось, а

Ролло дрых в гостиной, так что она сдалась. Ночной гость не пах троллями или хотя бы картошкой.

Глава 20

На следующий день, когда ласси сидела в библиотеке, делая выписки, мадам Грей пришла вытирать пыль. Вспомнив, как в прошлый раз удалось подвести домоправительницу к добровольному рассказу о том, что та родом из Франкрика, девушка приготовилась задать новый вопрос. Вот только какой выбрать? Мольба к Хансу Петеру накануне была вознаграждена лишь коротким сообщением: «Будь осторожна. Не спрашивай». Ласси намекнула избьорну о найденной одежде, но тот понятия не имел, кому принадлежали вещи.

Поэтому она решила спросить о своем ночном посетителе. О странном госте, который пах мылом и льном, который храпел, но никогда ничего не говорил и о котором наверняка должны были знать слуги. Девушка открыла рот и...

— Госпожа?

Ласси захлопнула рот и снова открыла от удивления: мадам Грей заговорила первой!

— Да?

— Эразм мертв.

— Что?!

Ласси вскочила, уронив книги на пол. Локтем она задела чернильницу, стоявшую на столике рядом с креслом, и та упала на ковер. Чернила, словно черная кровь, затопили цветочный узор.

— Он говорил слишком много и теперь мертв, — сказала мадам Грей. Она выкрутила метелку обеими руками, рассыпая по испорченному ковра перья. Ее жуткое лицо перекопилось от горя. — Мне тоже полагается молчать, но Эразм был мне добрым другом. Вам не надо себя винить: ему самому следовало быть осторожнее. Но никто из вас прежде не понимал нас.

— Как *она* узнала?

Горгулья фыркнула и провела пальцами по ленте на шее.

— Простите, что расстроила вас, госпожа. Но я хотела, чтобы вы знали. — Ее перепончатые крылья жалобно хлопнули. — Я бы хотела оплакать его, но у моего народа нет слез. — И она вылетела из библиотеки, уронив искореженную перьевую метелку в расползающуюся чернильную лужу.

Ласси рухнула в кресло, глядя на то, как чернила впитываются в ковер.

Тролльский словарь лежал на краю лужи и уже подмок, но ей было все равно. Эразм мертв. Потому что она задавала ему вопросы. И он отвечал. Ему шестьсот лет. Было. Но теперь он мертв. Она забрала его.

— Принцесса троллей, — произнесла ласси.

Потом она заплакала. Начав, она не могла остановиться, и, когда спустя несколько минут ее нашел Ролло, она стояла на коленях в чернильной луже, с распухшими глазами и красным носом, всхлипывая и колотя кулаками по подушкам кресла.

— Ты чего? — Ролло запрыгал вокруг черного месива, тычась носом в плечи и руки хозяйки, куда мог достать, не пачкая чистые лапы. — Что стряслось?

— Эразм мертв! Он умер, умер, умер! Она убила его за то, что он разговаривал со мной! — Ласси завывала и с новой яростью замолотила по подушке.

У волка шерсть встала дыбом.

— Кто его убил?

— Она убила, она, эта тролльская, тролльская... ведьма!

Ласси подобрала упавшую чернильницу, практически опустевшую, и запустила ею в окно. Та врезалась в стекло, оставив паутину трещин, и упала на пол с глухим стуком.

Ролло тяжело задышал, ткнулся хозяйке в волосы, а потом повернулся и выбежал из комнаты. Ласси подумала, что наконец прогнала лучшего друга, и зарыдала еще горше. Ханс Петер с ней не разговаривает, Эразм умер, Ролло ее бросил. Кто остался?

Громадные белые лапы избьорна были такими мягкими, что он вошел в комнату совершенно бесшумно. Он ступил прямо в чернильное пятно и положил свою большую голову на макушку ласси. От негромкого рокота его голоса у нее загудело в голове.

— Мне очень жаль.

— Я убью ее, — икнула ласси.

— Кого?

— Сам знаешь кого. Принцессу троллей, которая убила Эразмову Нареллу. А теперь и Эразма. Я убью ее. — Она вонзила ногти в подушку кресла, раздирая тонкую шелковую вышивку.

В глотке у медведя снова зарокотало. Он сел, и ласси прислонилась к его теплому мохнатому телу. Она думала, что слезы у нее уже высохли, но тут ее захлестнула новая волна, и она долго плакала, уткнувшись в мягкую медвежью шерсть.

Он подождал, пока растает последний всхлип:

— Лучше?

Ласси вытащила из кармана носовой платок и утерла лицо:

— Наверное. И все равно я хочу ее убить.

Медведь заворчал. От этого у ласси задрбезжало в костях, а Ролло заскулил.

— Тебе не положено даже знать, что она существует, — предостерег девушку медведь. — Не говори о ней больше. Не задавай вопросов. Не угрожай ей. Год скоро кончится.

— Вот и Ханс Петер так же говорит, — фыркнула ласси, вырываясь из медвежьих объятий. — Жди и будь осторожна, ничего не делай, просто жди, а потом иди домой. А я так не могу! Эразм был добр ко мне, а теперь он мертв.

— Задавая новые вопросы, ты его не вернешь. Только хуже станет, — предупредил избьорн.

— Куда уж хуже? — взъярилась ласси. Она затопала по библиотеке, срывая книги с полок и бросая их на пол. — Жизнь моего брата разрушена. Эразм мертв. Все слуги — их жизни она тоже сломала. И твою жизнь, и мою. А девушка, чей бюнад я нашла, тоже, скорее всего, мертва! Должен быть какой-то способ сразиться с ней.

— Нет никакого способа. Мы можем только ждать, смотреть и надеяться. — Медведь с беспокойством наблюдал за тем, как она бесится.

— Что это значит?

— Я не могу тебе сказать.

Ласси набросилась на него.

— Ты! — Она наставила трясущийся палец на широкую белую морду. — Ты ее боишься!

— Разумеется, боюсь! — крикнул он, вскакивая. — Ты Знаешь, что она... — Слова его резко оборвались. Он немного постоял молча, а затем раздраженно прорычал: — Я не могу... Будь у тебя хоть капля здравого смысла, ты бы тоже ее боялась! — Он подошел и встал нос к носу с ласси. На своих четырех лапах он был ростом с девушку, стоящую на двух ногах. — Поверь мне: все может стать гораздо, гораздо хуже. Она способна заставить тебя пожалеть, что ты вообще на свет родилась.

После этого он ушел.

Ласси сдернула со стола выложенный драгоценными камнями глобус мира и запустила им в уже треснувшее окно. Ледяная пластина со скрипом проломилась, глобус полетел по воздуху, словно падучая звезда, и разбился о зазубренный лед у подножия дворцовых стен.

На следующий день саламандры со слезами сообщили ласси, что

пропала мадам Грей. Ночью пришла *она* и забрала домоправительницу.
Ласси две недели не выходила из своих покоев.

Глава 21

Когда забрали мадам Грей, ласси стала вести себя так, как умоляли ее брат и исбьорн. Она прекратила расспросы. Перестала клянчить сведения у Ханса Петера. Ее, отвергнутую матерью при рождении, ничуть не испугала перспектива пожалеть, что она родилась на свет. Но ее тошнило при мысли, что Эразм и мадам Грей пострадали из-за нее.

И все же ласси не могла просто сидеть на месте без дела. Она спросила Фиону, нельзя ли получить новую ткань, чтобы сшить себе одежду. Тролльские платья девушка отказывалась носить, а свою лучшую юбку испортила, встав на колени в луже чернил. Одежда Товы (ибо ласси была убеждена, что это одежда Товы) подошла бы ей с минимальными изменениями, но девушке казалось чем-то вроде кощунства прикасаться к ней. Фиона кивнула, и на следующий день гостиную заполнили отрезы шелка, бархата, тонкого льна и катушки шелковых нитей.

С самоуничижительным смешком ласси сшила себе наряд вроде тех, к каким привыкла дома, а не тех, какие носила в последнее время. Фиона убрала тролльские платья, и гардероб медленно наполнился длинными юбками в форме колокола, обтягивающими жилетами и сорочками с присборенными рукавами — такие носят сельские девушки в Норвегии. Правда, у норвежских крестьянок вряд ли водились юбки из сочного синего бархата и жилеты из изумрудного атласа.

Шитье занимало руки и даже рот ласси. Когда она шила, то поджимала губы, или жевала их, или высовывала язык. Ее братья и сестры всегда посмеивались над этой ее манерой, но она не могла побороть привычку, как ни старалась. Теперь эта привычка оказалась даже полезной, поскольку мешала ласси задавать вопросы. Но неутихающая ярость на принцессу троллей делала пальцы неловкими, а движения торопливыми. Девушка безжалостно кромсала материю и гневно бросала в камин огромные куски ткани, если не удавалось проложить прямой шов.

Покончив с новым гардеробом, ласси обнаружила, что ей стало гораздо труднее удерживаться от вопросов. Но слуги теперь избегали ее, да и исбьорн тоже, кроме обеденного времени. Даже саламандры, болтливые маленькие повара, так оживлявшие ее первые дни во дворце, отвечали односложно, когда она заходила в кухню.

Ласси уже успела обыскать весь дворец сверху донизу. Но теперь она проделала это снова, решительно настроенная найти разгадки, не подвергая

опасности никого другого. Она переворачивала вверх дном незнакомые комнаты, рылась в кучах чесальных гребней, ворочала маслобойки и разбирала веретена, прялки и ткацкие станки. Она даже опрокинула все наковальни в зале, полном инструментов для работы по металлу, чтобы посмотреть, не написано и не вырезано ли что-нибудь на их нижней стороне, но там ничего не оказалось.

Она спросила исьборна насчет залов, заполненных домашней утварью. От подобных вопросов никакого вреда — просто любопытно, зачем во дворце комната, полная старых маслобоек.

Медведь покачал головой, озадаченный не меньше ее, и предположил, что их привлекает нечто в инструментах. Кого «их», уточнять не требовалось. Ласси знала: троллей. Безмолвных, невидимых правителей этого странного королевства голого льда.

— Это как ложка Рольфа Симонсона, — заметил Ролло, подняв глаза от своей миски.

Ласси и исьборн в замешательстве переглянулись.

— Франкская серебряная ложка Рольфа Симонсона, — пояснил Ролло. — Вспомни: она лежала на каминной полке и все ею восхищались, но никто ее не использовал для еды, потому что она иностранная.

— Ну конечно! — кивнула ласси. — Один из его сыновей выменял ее на двух оленей в Христиании. Очень изящная вещица. — Она наморщила носик и посмотрела на ложку, которой ела. — Хотя не такая красивая, как эта.

— Хм, — пророкотал исьборн. — Вероятно, Ролло прав. Наверное, такие вещи привлекают их, потому что они нездешние.

Во время этой беседы селки Фиона подавала ужин. Она переводила пристальный взгляд с медведя на девушку, пока они разговаривали, и ежилась, когда медведь упоминал «их». Ласси никогда прежде не видела высокую гордую женщину-тюленя такой напуганной. Когда она уносила поднос, то неуклюже держала его одной рукой, а пальцы другой сложила в странный знак и прижала к боку, словно отгоняя злых духов. Медведь и ласси оба заметили это, но ни тот ни другая не проронили ни слова. Видеть подобное поведение Фионы было почти неловко.

На следующее утро ласси проснулась на рассвете и увидела нависшую над ней Фиону. Селки гримасничала и хмурилась в бледном утреннем свете. Ласси взвизгнула и отползла на другую сторону кровати. Ее ночной сосед уже ушел, но постель еще хранила тепло его тела.

— Что такое?

Селки продолжала гримасничать и хмурить брови.

— Ой, просто скажи, — нетерпеливо произнесла ласси, оправившись от удивления. — Я не поддамся твоей красоте и не захочу на тебе жениться. Что ты тут делаешь?

Словно призвав всю свою силу, селки выпрямилась в полный рост, открыла рот и одним махом выпустила весь воздух. Набрав новую порцию, она наконец заговорила.

— Ты глупая девчонка, — прорычала она. — Во что ты играешь? Хочешь всех нас убить?

— Я всего лишь пытаюсь помочь!

— Но ты не помогаешь! Никто из вас не сумел помочь! Вы суете свои курносые носы в вещи, которые вас не касаются, вы плачете, и скулите, и ноете, но *никогда* не помогаете! А затем все взрывается прямо вам в розовенькие личики, и вы убегаете домой, а хозяева вынуждены уходить с *ней*.

— Ты имеешь в виду принцессу троллей? И какие хозяева? Исбьорны? Селки яростно завизжала:

— Прекрати спрашивать! Сколько из нас должно умереть, чтобы унять твое дурацкое любопытство? От тебя всего лишь требуется выждать год... Разве это слишком большая просьба?

— Да! — выкрикнула ласси. — Это слишком много! — Ее вспышка заставила Фиону снова испуганно замолчать. — Разве ты здесь не в тюрьме? Разве ты не хочешь освободиться?

— Ты не можешь меня освободить, ты просто глупая человеческая девчонка!

— Но я хочу попытаться!

Зажав руками уши, Фиона замотала головой и выскочила из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Когда Ролло осторожно просочился в спальню после драматического выхода селки, он увидел, что его хозяйка яростно молотит кулаками по подушке. Волк пошел и снова привел исбьорна. Медведь ворчал на резкие слова Фионы и тяжелой лапой гладил ласси по спине.

На следующий день поднос с завтраком для ласси принес минотавр Гарт. Ласси с любопытством взглянула на него и пожелала доброго утра, а в ответ получила невнятное хрюканье. Одевшись, она спустилась в кухню и спросила саламандр о переменах в составе прислуги. Они ей не ответили. Так же повели себя и брауни с пикси, которых она разыскала в прачечной. Никто из слуг не смотрел ей в глаза. Никто не желал с ней разговаривать.

Девушка отправилась на поиски исбьорна и обнаружила его в комнате, полной вязальных спиц и маленьких станков для тканья поясов. Он поднес

один станочек к окну и, прищурившись, разглядывал его. Увидев ласси, он со стуком выронил инструмент.

— Фиона пропала, — сказал он, подтвердив страхи ласси.

— Но почему? — Она сжала кулаки и затрясла ими у него перед носом. — Она просто орала на меня, вот и все! Что тут такого ужасного? Почему ты...

Девушка не думала об этом, пока слова не сорвались у нее с языка, но когда они вырвались, она поняла: вот что не давало ей покоя на самом деле. Никто, кроме избьорна, не мог знать, что Фиона накричала на нее, если только Фиона не рассказала остальным слугам. Медведь сердился на Фиону за то, что она ранила чувства ласси, но, по представлениям ласси, Фиона не сказала ей ничего такого, что способно было бы навлечь гнев принцессы. Так не избьорн ли доложил троллихе о поступке селки?

— Ей было приказано не разговаривать с тобой, — пророкотал медведь. — И не мной приказано. Я ни слова не сказал о ее криках.

— Тогда кто? Гарт?

— В этих стенах не происходит ничего, о чем бы она не знала. Мне жаль. Мне правда очень жаль. Мне нравилась Фиона и ее надутый вид.

— Эразм и мадам Грей мне тоже нравились, — шмыгнула носом ласси.

К ее неудовольствию, она снова расплакалась. В последнее время она только и делала, что шила и рыдала. Порой одновременно.

— И мне.

Некоторое время они молча сидели рядом. Затем оба спустились в кухню. Саламандры не разговаривали, но дали им пирога и кувшин сидра. Вошли Гарт и прочие, и все они подняли стаканы в молчаливом тосте за Фиону, мадам Грей и Эразма. В ту ночь Ролло вышел наружу и оплакал их по-своему, несколько часов провев на луну. Ласси лежала в кровати и прислушивалась к его приглушенному вою, доносившемуся сквозь затянутое льдом окно.

Глава 22

Ласси не рассказала о случившемся Хансу Петеру. На ее письма в пустой книжке он всегда отвечал резко, и девушка чувствовала, что брат сердится на нее за любопытство, которое подвергает опасности слуг. Она узнала, что отец поправляется и уже может ходить, опираясь на костыль. Королевский врач рекомендовал ему легкие укрепляющие упражнения для поврежденной ноги и руки.

А затем пришло загадочное письмо от Тордис. Ну, по крайней мере, загадочное для Йорунн. Она передавала ласси через волшебную книгу, что Тордис хочет знать, причем срочно, выполнила ли ласси ее просьбу и воспользовалась ли известно чем, чтобы посмотреть известно на кого.

«Я в полной растерянности, — писала Йорунн. — Но Тордис сказала, что ты поймешь. Она хочет знать немедленно. Как только ты мне напишешь, я напишу ей».

«Немедленно» ласси не написала. Она не выполнила просьбу Тордис. Обрубок свечи и спички все еще ждали своего часа. От свечи у нее появлялась сыпь и чесалось в носу, поэтому она засунула свечку и спички в один из карманов, которые носила под одеждой. Ласси знала, что может воспользоваться ими в любой момент, но зачем? Тордис утверждала, что она делит постель с чудовищем, но ласси в этом сомневалась.

Правда, когда она попросила Ролло понюхать найденный ею волос, оттенок тролльского запаха в нем присутствовал. Но он также пах медведем и человеком, и поди разбери, какой запах точнее. Сама она в последнее время тоже пахла медведем. А на ощупь ее ночной гость был как человек. Она касалась его, пинала его, случайно накатывалась на него во сне. Будь он каким-то ужасным зверем, уж она-то знала бы.

После обеда ласси решила соврать. Она достала книжечку и написала Йорунн: *«Скажи Тордис: да, и все хорошо».* «Готово, — подумала ласси. — Это на время успокоит сестру».

Но затем ее начало глотать чувство вины. Она соврала Тордис. А вдруг сестра права? Да, ощупанная в темноте спина показалась ей спиной человеческого мужчины, но так ли это на самом деле? А вдруг то же колдовство, что ночью не позволяло ей найти свечи или выйти из комнаты, делало его на ощупь человеком, тогда как на самом деле он...

— Троль, — выдохнула она вслух.

Вскоре идея полностью завладела девушкой. Это дворец троллей.

Всякий выросший в Норвегии знает, что тролли владеют магией, ужасной магией, и играют с жизнями других существ, как с куклами. После случившегося с Эразмом и остальными ласси убедилась в этом. Как она могла так сглупить? Если учесть все, что ей известно, то можно предположить, что кровать она делит с самой принцессой троллей! А ощущение молодого мужчины рядом предназначается для отвода глаз, пока принцесса делает... что? Медленно в течение года высасывает из нее душу? Продлевает себе молодость, заставляя ласси стареть? У ласси было имя, но ее никогда не крестили — какую защиту на деле давало ей имя?

Девушка побежала в гардеробную и долго разглядывала свое лицо в зеркале, но не увидела никакой разницы. Ну, не совсем так. Она действительно выглядела чуть старше, но тому виной дальнейшее путешествие и обилие впечатлений. Лицо округлилось, но это благодаря хорошей еде.

— Нет, дело не в этом, — произнесла она вслух.

— Чем ты занята? — В гардеробную вошел Ролло.

— Просто подумала, вдруг... — Она не договорила.

Ролло ее подозрения про тролля в постели только огорчат. Он захочет ее защитить, а это не в его силах. Каждую ночь в полночь его одолевал глубокий сон и не отпускал до рассвета. Даже когда волк засыпал в ее постели, ночной гость уносил его и укладывал возле камина в гостиной. Ласси подозревала, что загадочный посетитель также прячет свечи, прежде чем забраться в кровать, но он действовал бесшумно и ни разу не попался.

— Мне показалось, у меня седой волос, — сказала девушка. — Но это просто свет так падает.

— Хмф. Девчачьи штучки, — прокомментировал Ролло.

К моменту встречи с медведем за ужином ласси уже приняла решение. Она не могла продолжать спать рядом с кем-то или чем-то, чего никогда не видела. Но девушка понимала всю опасность предприятия, поэтому подготовилась.

После ужина она набила свои потайные карманы жемчугом, рубинами и мотками золотой нити. Сложила тролльский словарь и человеческую одежду в ранец, выданный мадам Грей. Выклянчила у саламандр еду, и повара дали ей хлеба, сушеного мяса, сыра и яблок. Поразмыслив, шелковыми шарфами привязала ранец Товы к своему ранцу. Неуклюжий тюк положила у коврика перед очагом, где спал Ролло, и велела волку сторожить.

— Зачем?

— Не твоего ума дело, пес.

Убрала под подушку свечку и спички, затем почистила зубы и

скользнула под одеяло.

Ласси боялась заснуть до прихода гостя и проспять его уход, но бодрствовать оказалось нетрудно. Она лежала как бревно, а в голове у нее вертелось: «Беги, прячься, беги, прячься!» Раз за разом ласси твердила себе, что терпела несколько месяцев и еще одна ночь погоды не сделает. Воспоминания обо всех минувших ночах камнем лежали на душе. Она не могла так больше. Она посмотрит, а утром, как только он... или она... или оно... уйдет, ласси схватит свою поклажу и Ролло и убежит домой. Возможно, она умрет где-нибудь в лесу или на снежной равнине, но это всяко лучше, чем позволить троллихе высасывать из нее жизнь.

К тому времени, как существо забралось к ней в постель, ласси дрожала от напряжения, словно натянутая струна. Когда матрас просел под весом ночного гостя, ее едва не подбросило. Мысленно взяв себя в руки, она стиснула край одеяла и сосредоточилась на глубоком и ровном дыхании. Чередование вдохов и выдохов немного успокоило ее, и она вполне успешно притворялась спящей, пока не услышала мягкое посапывание соседа. На всякий случай ласси сосчитала до пятидесяти — вдруг он тоже притворяется? — а затем достала из-под подушки свечку и спички и выскользнула из постели.

Кровать загорали плотные шелковые занавеси, и девушка постояла снаружи, считая до двадцати, чтобы убедиться, что не разбудила чудовище. Пальцы у нее сильно дрожали, и фитиль удалось зажечь только с третьей попытки. Затем, старательно загораливая пламя ладонью, она прокралась к другой стороне постели.

Закусив губу, ласси раздвинула занавеси и наклонилась над кроватью посмотреть, кто лежал рядом с ней все эти месяцы.

Мужчина.

Красивый молодой мужчина. Темные волосы, тонкий прямой нос. На гладкой щеке веером лежат длинные ресницы. Он выглядел на несколько лет старше ласси — ему было лет двадцать, может, двадцать один. Распахнутый воротник ночной рубашки из тонкого льна открывал кусочек гладкой мускулистой груди. Ласси склонилась над ним, разглядывая лицо, но не видела ни малейшего недостатка, ни малейшего признака чудовищной природы.

И тут...

И тут горящий фитиль добрался до одной из пахучих трав, которые Фрида клала в свои свечи. Трава затрещала, пламя замерцало. Тонкая струйка дыма забралась ласси в нос.

Она чихнула.

Чих встряхнул ее тело, и со свечи капнул горячий воск. Капля упала на плечо белой рубашки молодого человека и разбудила его. Широко распахнутые глаза встретились с глазами ласси и замерли. Глаза были фиолетовые.

— О нет, — выдохнул он, и его красивое лицо затопил ужас. — Что ты наделала?!

— Я т-только хотела п-посмотреть, что ты такое, — заикаясь, ответила она и попятилась, испуганная выражением его лица. — Я думала, вдруг ты...

— Год и один день. Тебе надо было продержаться всего год и один день в моем обществе. Медведь днем, человек ночью, в точности как твой брат. Това тоже не выдержала. Они никогда не выдерживают. И тогда нам приходится идти. — Он содрогнулся и закрыл глаза.

— Куда идти? — с трудом выговорила ласси, охваченная ужасным холодом.

— К ней. Я должен жениться на ней и жить в ее дворце на восток от солнца, на запад от луны.

— Но разве нет другого пути? Не могу ли я... сделать... что-нибудь?

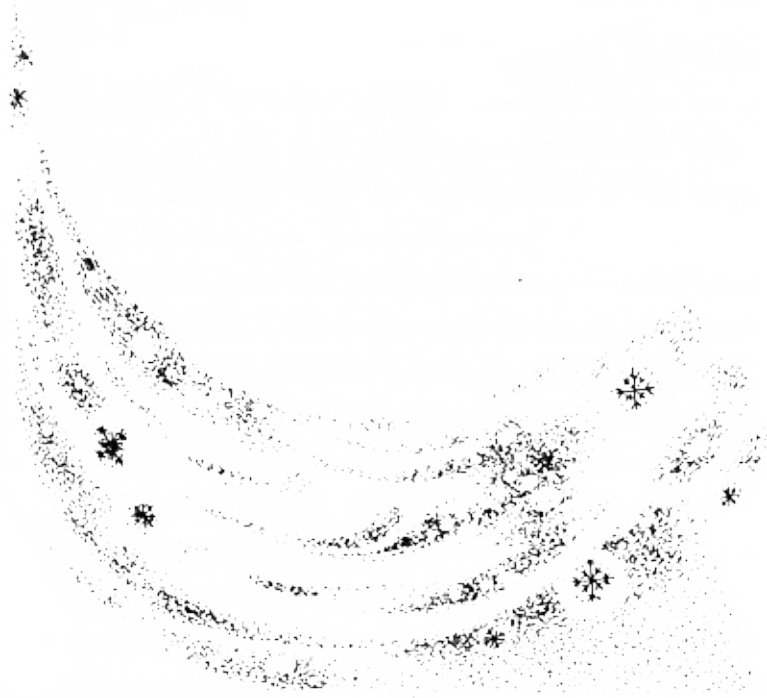
От холода лицо у нее занемело, и руки тоже. Она выронила свечу. Пламя при падении погасло, и комната снова погрузилась во тьму.

— Если бы ты потерпела еще три месяца — всего три! — я был бы свободен, — сказал молодой человек. — Мы оба были бы свободны. — Затем: — Она идет!

— Исбьорн! — позвала его ласси, когда холод поднялся и поглотил ее.

В ушах заревел ветер. Она потеряла сознание.

Часть 3
ДЕВУШКЕ ПОЛАГАЕТСЯ ПРИНЦ

Глава 23

Ласси проснулась оттого, что Ролло тыкался ей носом в лицо и скулил. Под головой у нее лежал разбухший ранец, тело свело от холода. Смаргивая остатки сна, она села и огляделась. — Ролло, где мы?

— Не знаю. Я несколько часов не мог тебя добудиться и не смел отойти, — проскулил он и унился до того, что забрался передними лапами ей на колени, чего не проделывал с тех пор, как был щенком. — Что случилось?

«То случилось, что дворец исчез», — подумала ласси, озираясь. Они с волком оказались в лесной чаще. Судя по толщине деревьев, довольно далеко от ледяной равнины. А может, они находились прямо посередине ее, но тролли забрали дворец и заменили его лесом, и это часть ее наказания.

— Я на него посмотрела, — сказала ласси. — Я зажгла свечу и посмотрела на него.

— На кого? — Волк поднял голову и взглянул на хозяйку.

Ее глаза были устремлены на деревья, но она не видела их.

— Думаю, он принц. Он был такой красивый. Наш избьорн. Днем он превращался в избьорна, а ночью становился человеком и лежал рядом со мной. Продержись я год и один день, не взглянув на него, не проявляя любопытства и не задавая слишком много вопросов, чары рассеялись бы. Но я посмотрела, и теперь он ушел.

Ролло проскулил:

— Куда ушел?

— В замок на восток от солнца, на запад от луны, — ответила ласси. Она помнила эти слова так ясно, словно они были написаны у нее на изнанке век. — Чтобы жениться на *ней*. Ханс Петер тоже через это прошел, — продолжила она после долгого молчания. — Он стал избьорном, а Това была девушкой, которой полагалось лежать с ним и не смотреть. Но она тоже посмотрела. Думаю, мы всегда смотрим.

— Но ведь Ханс Петер не женился на троллихе?

— Не знаю. — Ласси дотянулась до своей парки — парки Ханса Петера, которая лежала рядом с ранцем. — Но я думаю, эту вышивку сделала Това. Она изменила заклятие. Должно быть, она разыскала эту парку и перешла и тем самым помогла ему бежать.

Снова долгое молчание. Ласси очень замерзла, сидя в снегу в одной ночной рубашке, но не хотела двигаться. Приступ дрожи застал ее

врасплох, и она чихнула. Это напомнило ей тот чих прошлой ночью, из-за которого пролился воск и разбудил принца. Она вскочила и сдернула с себя мокрую рубашку.

Ролло неуклюже поднялся и уставился на нее:

— Что ты делаешь?

Ласси открыла ранец и вытащила чистую сорочку, плотную бархатную юбку и жилет из жесткой парчи.

— Мы отправляемся его искать, — объявила она и начала торопливо одеваться.

Застегивая парку Ханса Петера, ласси продолжала говорить:

— Во всем виновата я. Я — причина смерти Эразма, мадам Грей и Фионы. Из-за меня бедного избьорна, — она содрогнулась от рыданий, — моего избьорна забрали и теперь заставят жениться на троллихе. Я тому причиной, и я собираюсь это исправить. — Она вытерла нос рукавом. — Даже имени его не узнала, — прошептала она. — Надо было спросить, как его зовут.

— Хорошо, — вздохнул наконец Ролло. — В какую сторону пойдём?

— Скажи, что находится на восток от солнца и на запад от луны?

— Ничего.

— Если это восточнее востока и западнее запада, то это должен быть север, — рассудила ласси, припомнив глобус из библиотеки, тот самый, которым недавно запустила в окно.

Верхушка глобуса представляла собой диск из сияющего опала, на котором было написано: «Люди здесь не живут». Люди, возможно, и нет, а вот тролли вполне могли.

— Или юг, — вставил Ролло.

— Но тролли не любят тепла, — напомнила ему ласси. — Стало быть, север. Земли на юге сплошь пустыня, как та, откуда родом саламандры. — На этой мысли она запнулась. — Саламандры!

— Что? Где? — в замешательстве заозирался волк.

— Не здесь, — вздохнула она. — Что, если все, кто жил в ледяном дворце, теперь мертвы — из-за меня?

Ролло нечленораздельно заскулил.

— Мы должны это остановить, — сказала ласси. — Больше никаких смертей. — Сердце у нее колотилось. — Кроме того, я не хочу, чтобы он достался ей.

И она зашагала вперед. Через какое-то время ее посетила здравая мысль, что слуг не предадут смерти только потому, что она посмотрела на принца. Това тоже посмотрела, а слуги не пострадали. Это обрадовало

девушку, и она ускорила шаг.

Когда ноги начали ныть от усталости, а тело под паркой вспотело, путники остановились. Ролло отправился за зайцем, чьи следы заметил недавно, а ласси тем временем поела хлеба и сыра. Она закинула в рот несколько горстей чистейшего снега, чтобы унять жажду. Довольный волк вернулся, облизываясь, и они двинулись дальше.

Шли день и ночь и еще день — и никого не видели. Навстречу им попались только лиса да волк, на вид близнец Ролло. Ласси окликала их, но звери принюхивались и убегали.

— От нас пахнет троллями, — мрачно сказал Ролло.

— Это не важно, — отозвалась ласси, и они продолжили путь.

Снова день, ночь и еще день. Ласси доела остатки провизии, выданной ей саламандрами. Пришлось остановиться и развести костер, чтобы приготовить пойманных Ролло зайцев. Каждый миг, пока она сидела у костерка, каждый раз, когда она ложилась спать, потому что тело не могло двигаться дальше, ее разум и сердце неслись вскачь. Думы об утраченном товарище и ужасах, которые он, возможно, претерпевает, терзали девушку. Она поднималась, как только могла это сделать, и шагала дальше.

Они шли, наверное, уже две недели, и ласси начала надеяться, что в любой следующий миг за очередным островком деревьев откроется сказочный дворец. Может, из льда, может, из золота, или слоновой кости, или серебра, но сияющий, величественный и опасный, из чего бы его ни построили. Она не сомневалась, что они приближаются к макушке мира, где просто обязан стоять замок троллей.

Она не ожидала обнаружить в глуши замерзших лесов странную маленькую хижину, сложенную из торфяных кирпичей. На пороге сидела старушка и чистила яблоки.

— С утречком, — весело сказала старушка.

— Доброго вам утра, тетушка, — вежливо ответила ласси.

— «Тетушка»? — Старушка закудаhtала от веселья. — Мне нравится! «Тетушка»! Меня уже много лет никто не называл тетушкой! — Она бросила чистильный нож на колени и хлопнула себя по бедрам. — Кроме того, я достаточно стара, чтобы приходиться тетушкой тетушке тетушки тетушки тетушки твоей тетушки! — Она утерла слезы, не переставая смеяться.

— Она безумна, — шепнул Ролло, прижимаясь к ногам ласси. — Пойдем отсюда.

— Я не безумна, ты, юный щен, — хохотнула старушка, подобрав нож и погрозив им волку. — Просто изголодалась по свежему обществу!

Она еще немного похихикала.

— Поставь свою поклажу и возьми яблочек, — предложила она более спокойным голосом, скрипучим и слабым от возраста.

Ласси натерла ногу, а с завтрака прошло уже несколько часов. Решив, что никто способный говорить по-волчьи не может быть плохим, она поставила ранцы на расчищенную площадку перед хижиной и уселась на пень напротив старушки. Ролло, более осторожный, подошел и встал рядом, не сводя глаз со старухи.

— Давайте я помогу. — Ласой сняла варежки и распустила завязки на рукавах парки.

— Конечно, деточка. — Старушка достала из кармана передника другой нож и протянула его девушке.

Взяв яблоко и начав его чистить, ласси украдкой посматривала на женщину, сидящую напротив. Таких старых людей ей еще не доводилось видеть. У старушки даже морщины были морщинистые. Волосы ее были белые как снег, но очень редкие и забраны в крохотный пучок, прикрытый маленькой красной шапочкой. На ней был бюнад, или, вернее, несколько бюнадов. Ласси разглядела минимум четыре юбки разной степени поношенности, выглядывающие из-под подола самой верхней. Три жилета, надетые один на другой, объясняли, почему старушка может сидеть на улице в снег без парки.

Разумеется, это не объясняло, почему ее дыхание не образует облачков пара в морозном воздухе, как дыхание Ролло и ласси. Но девушка решила, что невежливо спрашивать об этом.

Очистив три яблока и вынув из них сердцевинку, она помогла старушке поднести корзину с очищенными фруктами к большому черному котлу, подвешенному над огнем позади хижины. Котел был наполовину полон кипящей воды, и они вывалили в него яблоки. Старушка достала из карманов передника мешочки со специями, высыпала их в варево и со вздохом накрыла крышкой.

— К завтрашнему утру получится самое вкусное яблочное желе, какое ты когда-либо пробовала, — пообещала она, причмокнув.

У нее сохранились все зубы, что казалось странным для такого дряхлого существа.

— Вы очень добры, тетушка, — сказала ласси. — Но нам надо идти. У нас впереди долгий путь.

— И куда же вы идете? — Ярко-голубые глаза уставились на ласси из паутины морщин. — В той стороне, куда вы направляетесь, отсюда и до Судного дня ничего нет, кроме снега, деревьев и троллей.

— В том-то и дело, — призналась ласси, теребя меховую кайму белой парки. — Понимаете, я ищу замок, что лежит на восток от солнца, на запад от луны. Вы знаете, где это?

Старушка уставилась на ласси, резко втянув воздух.

— Стало быть, она снова за свое? А ты, значит, та девушка, которой полагался принц, которого она украла?

— Так он принц?

— Ну да. Ей всегда подавай особ королевской крови. Я слышала, один раз она сделала исключение для особенно красивого мальчика, но он от нее убежал.

— Думаю, это был мой брат Ханс Петер, — сказала ласси, чувствуя, как по коже побежали мурашки.

— Точно, именно это имя назвала мне последняя девочка, — закивала старушка.

— Това? Това проходила здесь?

— Это второе имя, которое она называла, да, — согласилась старая женщина.

— А куда она пошла? Я иду в правильную сторону? Так вы знаете, где дворец? Това туда добралась?

Старушка покачала головой, останавливая поток вопросов:

— Думаю, рано или поздно ты доберешься до замка. Если ты столь решительно настроена его увидеть. Что до меня, я так и не посмела с ней встретиться. Даже когда она забрала моего Ларса. — Слезы затуманили старые глаза. — Троллихи живут долго, но их человеческие мужья — нет.

— Ой, мне так жаль, тетушка.

Ласси обняла старую женщину. Старушка на ощупь была легкая и бесплотная, словно соломенная кукла.

— Что толку плакать, теперь-то уже, — сказала старушка, утирая лицо истрепанным рукавом.

— Кто это там ревет, когда надо шерсть чесать? — Из хижины выскочила еще одна старушка с лицом как грецкий орех и ярко-голубыми глазами.

Если ласси думала, что первая тетушка — самая старая женщина из живущих на свете, то она ошиблась. Стоявшая перед ней на пороге хижины старуха, обнажившая в улыбке замечательно белые и ровные зубы, была еще дряхлее своей подруги. Ее белые волосы были такие тонкие, что сквозь них просвечивала розовая кожа головы, и она куталась в еще больше слоев изношенной одежды. В изглоданных временах руках старушка держала корзинку спутанной шерсти и пару чесальных гребней.

— Добрый день, тетушка, — поздоровалась ласси.

— Это девушка, которой полагался последний принц, — пояснила первая тетушка громким ясным голосом, каким говорят с тугоухими.

Вторая старушка засмеялась, словно ворота закрипели.

— Неудивительно, что она была сама не своя, когда пролетела мимо позавчера, — сказала она. — Новая девушка, новый муж и новая заварушка, это уж точно.

— Да, — громко согласилась ласси. — А вы знаете дорогу?

— Ой, благодарение святым, нет, деточка! Когда моего дорогого финского принца забрали, я добралась только досюда. Какие у него были темные глаза... — вздохнула она.

— Он уже мертв, — заявила первая тетушка. — Передай мне шерсть.

— Да-да, — раздраженно отозвалась вторая. Она протянула корзинку подруге и вручила ласси чесальные гребни. — Сегодня уже поздно идти дальше. Солнце скоро сядет. Но утром посмотрим, что мы можем для тебя сделать.

— Хорошо, — согласилась ласси.

Она снова устроилась на пне и начала чесать шерсть, а Ролло растянулся у ее ног. Тетушки достали еще два набора гребней, и вместе они быстро управились с корзиной шерсти, хотя к концу небо изрядно потемнело.

— Вот и славно, — сказала первая тетушка, когда они закончили. — Пора ужинать! — Она ткнула Ролло костлявым пальцем. — У нас хватит на четверых, но не на пятерых. Иди поймай себе собственного жирного зайца.

— Четверых? — Ласси и Ролло обменялись озадаченными взглядами.

— Ты еще со Старшей не знакома, — сказала вторая тетушка. — Отнеси корзину с шерстью в хижину, дорогуша, и я тебя представлю.

Ласси стало очень не по себе. Хижина была маленькая, темная и без окон. А вдруг это ловушка? Как может быть кто-то старше этих двух старух, если это не тролль или какое иное чудище?

— Я вмиг добуду себе зайцев, — небрежно сказал Ролло, разглядывая первую тетушку. — Но позвольте сначала засвидетельствовать мое почтение Старшей.

— Да, Ролло. Так будет вежливо, — сказала ласси, чувствуя некоторое облегчение.

Тетушки, словно почувствовав ее страх, захихикали и вошли в хижину, оставив грубую деревянную дверь открытой. Ласси и Ролло медленно последовали за ними, причем девушка держала перед собой корзину с шерстью, словно щит.

Внутри оказалось сумрачно и дымно от единственного огня в центре единственной круглой комнаты. Всю обстановку составляли большая деревянная кровать, покрытая оленьими шкурами, да стол с тремя стульями. На одном из стульев сидела третья тетушка.

Женщину в ней можно было распознать только по потускневшим останкам того, что некогда служило парадным платьем. Но одеяние ее отличалось от привычных для ласси юбок и жилетов. Много раз чиненная ткань образовывала длинное прямое платье без выраженной талии или корсажа. У этой старухи волос было больше, чем у двух других, и даже больше, чем у самой ласси. Две длинные косы толщиной с запястья ласси, желтовато-белые, словно старая слоновая кость, свисали до земли. Концы были прихвачены лентами из потемневшего золота.

Выражение невероятно дряхлого и морщинистого лица разглядеть не удавалось. Старшая подняла голову к ласси. В похожих на когти руках жужжало вытертое деревянное веретено. Оно повертело в плотно убитом, разглаженном годами земляном полу маленькую выемку. Старуха опускала веретено привычным жестом и без малейшего усилия вытягивала из него тонкую белую нить.

— И кто же это? — Голос ее напоминал сухие ветви, трущиеся друг о друга на ветру.

От трех тетушек исходили лишь покой и доброта. Ласси почувствовала это и поставила корзинку с шерстью на стол.

— Мне полагался принц, живший в ледяном дворце, — объяснила она. — Я ищу замок, что лежит на восток от солнца, на запад от луны. Вы знаете, как туда попасть?

— Мой Эрик был ее принцем, — промолвила Старшая, не переставая прясть. — Больше лет назад, чем я в силах сосчитать. Я едва не умерла от любопытства, лежа там ночь за ночью, и просто должна была посмотреть.

— Да, тетушка, как и я, — сказала ласси.

— Как и мы все, — громко сказала первая тетушка второй.

— Тетушка? — Старшая вскинула голову и принялась, и тут ласси поняла, что она слепа. — Да, очевидно, это я теперь и есть. Некогда я была принцессой, а корабли моего отца бороздили волны по всему миру. Мои братья сражались со скрелингами^[6] в западных землях, с драконами на востоке, с троллями на севере и с черными людьми на юге. Но они так и не добрались до замка, что лежит на восток от солнца, на запад от луны. И я не добралась, потому что оказалась недостаточно сильной, чтобы тронуться дальше этого места.

— Я... Мне очень жаль... ваше высочество, — запинаясь, произнесла

ласси.

— Тетушка, дитя мое, ибо это все, что от меня осталось. Старая слепая женщина, прядущая годы напролет. — Она покачала головой, и золотая полоска на ее левой косе с нежным звоном стукнулась о ножку стула. — Последняя юная девушка, что проходила здесь, тоже звала меня тетушкой. — Старуха вздохнула. — Теперь, если ты поможешь мне спрясть свежерасчесанную шерсть, пока остальные готовят ужин, мы посмотрим, сумеем ли мы помочь тебе на твоём пути завтра.

Ласси отослала Ролло ловить себе ужин и взяла предложенное ей веретено.

Глава 24

— Никто из нас не осмелился идти дальше этой маленькой прогалины, — сказала ласси первая тетушка на следующее утро.

Все три хозяйки стояли перед хижинкой, Старшая опиралась на высокий посох, украшенный резными цветами. В серых предрассветных сумерках они выглядели еще старше и еще меньше походили на людей, но ласси знала, что они добрые и хорошие.

— Но наш сосед подарил нам коней, и они хорошо знают путь к его дому, — сказала вторая тетушка.

Она подошла к краю поляны и издала длинный пронзительный свист.

— Его дому? — удивилась ласси. — Я думала, мне предстоит идти и идти по длинному следу женщин, заблудившихся в поисках дворца троллей.

Старшая покачала головой:

— Многие прошли через нас за эти годы, но где они окончили свои дни, мы понятия не имеем. Мы помогаем тем, кто вежлив, и запираем двери перед теми, кто груб.

— О.

Ласси ощутила прилив благодарности к родителям, научившим ее правильному обхождению. Возможность дважды поесть горячей пищи у их очага и переночевать в мягкой теплой постели сотворила с ней чудеса.

— Вот твоя поклажа, — сказала первая тетушка, протягивая ей ранец. — Мы доверху набили его яблоками и хлебом и положили немного сыра.

— Ой, спасибо! — Ласси затопило чувство вины: они были такие старенькие, а у нее имелся Ролло, отличный охотник на дичь. — Вы уверены, что можете себе позволить потратить столько?

— Разумеется, дитя, — ответила Старшая. — И более того. — Она повелительно указала на ранец. — Покажи ей, — приказала она первой тетушке.

— Горшочек моего яблочного желе, — сказала первая тетушка, откинув крышку ранца и показывая ласси, где угнездился внутри ее подарок.

Горшочек имел форму яблока, а желе внутри светилось чистым золотом.

— Горшочек вырезан из хрусталя, — с гордостью поведала старушка.

Затем она подняла набор чесальных гребней, и они действительно оказались из золота, тонкой работы и отделанные мелкими драгоценными камнями.

— Чесальные гребни и моток свежей шерсти вот от нее. — Она кивнула на вторую тетушку, все еще стоявшую в нескольких футах от них и как раз свистнувшую во второй раз.

— А это от меня, — подхватила Старшая. Она запустила руку в ранец и извлекла золотое веретено, такое же изящное, как чесальные гребни. — Слепой подобные безделушки ни к чему. Но если ты захочешь очаровать принцессу троллей...

Ласси подумала о ледяном дворце с его залами, заполненными наковальнями и вязальными спицами, и улыбнулась.

— Чудесно, — сказала она. — Това ведь была вежливая? Вы ей помогли?

Ей очень хотелось узнать о возлюбленной Ханса Петера. Не только выжила ли она, но и каким человеком была.

— Това хорошая девочка, — весело отозвалась первая тетушка, перепаковывая ранец. — Ей мы тоже вручили полезные дары.

Старшая улыбнулась, и ее древнее лицо преобразилось.

— Мы отправляем тебя вооруженной так же хорошо, как и последнюю пропавшую девушку. Главное — найти способ применить это оружие.

Однако в груди у ласси трепетали сомнения.

— Вы правда думаете, что я доберусь до дворца?

Старая женщина помолчала. Ее скрюченные пальцы коснулись щеки ласси. Мягко, как снежинки, она погладила девичье лицо.

— Да, — сказала она, легко обхватив ладонями щеки ласси. — Ты найдешь дворец на восток от солнца, на запад от луны. — Она покачала головой, от этого движения ее длинные косы пошли волнами. — Бедняжка.

— Но сумею ли я освободить своего принца?

— Этого я сказать не могу.

Ласси глубоко вздохнула.

— Ну-ну, — сказала Старшая, убирая негнущиеся старые руки от девичьего лица. — Ты слишком молода для таких отчаянных вздохов. Мы одолжим тебе наших коней, а они отнесут тебя к дому восточного ветра.

— Восточного ветра? — ахнула ласси и во все глаза уставилась на Старшую тетушку.

— Именно, — подтвердила та. — Кто еще может обитать так далеко от человеческого жилья?

В третий раз свистнула тетушка на краю поляны, и из леса трусцой

выбежали три коня. Один был черный как смоль, второй серый, как грозовая туча, а третий белый как снег, с кроваво-красной гривой и хвостом.

— Это Хьяртан, — сказала первая тетушка, глядя вороного по носу.

Имя коня ошеломило ласси. Сначала оно казалось ласковым, но затем старушка принялась ворковать с конем на более старом языке, и ласси сообразила, что означает это имя. На старом наречии оно значило «бессердечный».

Тетушка увидела лицо ласси и захихикала.

— Я была немного зла на судьбу, когда мне его подарили, — пояснила она. — Езжай на нем так далеко, как он сможет тебя увезти, потом щелкни по левому уху и отошли домой.

— Затем пересядь на моего Фальскура,^[7] — сказала вторая тетушка, хлопнув серого коня по спине.

— Фальскура?

Еще одно странное имя.

— Ага. — Старушка ухмыльнулась. — Конь-то надежный, но меня сюда привело вероломство. Скачи на нем, пока не устанет, потому что он сильнее и быстрее своего братца Хьяртана. Когда начнет замедлять бег, щелкни его по правому уху и отошли домой.

— А потом садись на моего Фанготура,^[8] — сказала Старшая.

— Надеющегося? — изумилась девушка, памятуя, как называли своих коней остальные старухи.

— Надеяться надо всегда, дитя мое, — прошелестела древняя принцесса. — Даже когда кажется, что надеяться не на что.

Поддавив очередной, исполненный отчаяния вздох, для которого она была слишком молода, ласси встала на пень и забралась на Хьяртана. Ей в жизни не приходилось ездить на лошади, но Хьяртан стоял совершенно спокойно, несмотря на ее неуклюжие движения. Он оказался не такой широкий, как ее исборн, и шкура у него была гладкая, но грива густая и длинная, и девушка подумала, что за такую вполне можно держаться. Она, как смогла, пристроила на спине ранец, убедилась, что Ролло на ногах и готов в путь, а затем улыбнулась трем старым женщинам.

— Спасибо вам, дорогие тетушки, — сказала она.

Они улыбнулись в ответ, и на мгновение по их лицам скользнул призрак утраченной красоты.

— Да хранят тебя старые боги, дитя, — благословила ее Старшая. — Когда доберешься до нашего соседа, пощекочи Фанготура под

подбородком, и он найдет дорогу обратно.

Первая тетушка погладила ласси по коленке и с силой хлопнула по лошадиному крупу:

— Пошел!

С визгом сорвался Хьяртан с прогалины, направляясь на северо-восток. Ролло и двое других коней сильно отстали. Ласси вцепилась Хьяртану в гриву и молилась, чтобы ее не хлестнуло веткой по лицу. Она могла бы ослепнуть — дрожа от ужаса, она подумала, не так ли потеряла зрение древняя принцесса. Девушка припала к конской шее, снова спрятав лицо в белом капюшоне парки. Спустя несколько часов она попыталась остановить Хьяртана, чтобы они все могли отдохнуть, но он не послушался. Ласси хотела спрыгнуть, но снег выглядел твердым и обледенелым, поэтому она решила держаться.

Скачка длилась и длилась, и девушка думала о своем медведе, принце, и вспоминала, как они проводили вместе время, обсуждая пьесы и стихи и рассказы ласси о детстве. Она припомнила, как поведала избьорну о встрече с белым оленем, о которой знал только Ханс Петер, и как избьорн вовсе не удивился такому чуду.

Мысли о белом олене заставили ее подумать о собственном имени.

Ласси, в душе обладавшая самым красивым именем на свете, укрепила свое решение. Она отыщет замок на восток от солнца, на запад от луны. Она искупит свое вероломство и спасет принца. Она разыщет Тову и приведет ее к Хансу Петеру, и они обретут счастье. Уж конечно, тот, кого одарил белый олень, кто подружился с фавнами и саламандрами и забрался так далеко, не может проиграть.

Наверняка у нее все получится.

Она прошептала свое имя ветру. Хьяртан несся между деревьями, его братья не отставали. Ролло, твякнув, прибавил темп, не желая отставать от коней. Ласси держалась за гриву, а мили летели и летели.

Глава 25

Ветер не нуждается в переводе. Он говорит на языке людей, животных и птиц, камней и деревьев, земли, неба и воды. Он не ест и не спит и не укрывается от непогоды. Он и есть погода.

И он живой.

Восточный ветер обитает в темном лесу, где от деревьев тесно. Деревья здесь не растут высокими и прямыми: ветер слишком силен и не позволяет им этого. Но они вырастают сильными, с длинными корнями и стволами как камень. Ветви выворачиваются и переплетаются друг с другом, торча под невозможными углами из стволов, которые завиваются, как дым.

Когда они добрались до этого странного леса, конь древней принцессы замедлил шаг. Ласси наконец выпрямилась и стала разглядывать окружающие их причудливые живые скульптуры. Ролло, тяжело дыша, плелся следом. В его шерсти запутались сучки и листья, а в длинную бахрому на задней стороне лап и хвоста набились мелкие комочки снега.

Здесь снег не лежал, хотя к деревьям и прибило немного твердой крупы. Земля казалась полированной: ее не устилали ни сучки, ни хвоя. Путники подошли к огромному камню в форме трона высотой в два человеческих роста. Фанготур остановился, и ласси соскользнула с его широкой белой спины.

Они постояли немного, все трое. Конь явно почитал свой долг исполненным и отказывался идти дальше. Однако ласси не решалась отослать жеребца домой, а Ролло просто радовался остановке. Волк шмякнулся на твердую землю и мгновенно заснул.

— Эгей! — осмелилась позвать ласси. — Восточный ветер! Меня прислали твои соседки... три старые... тетушки.

По правде говоря, девушка не ожидала увидеть ничего из ряда вон выходящего. Сильного мужчину, возможно, странного на вид. Но все равно человека. Тетушки называли соседа восточным ветром, но ласси не восприняла это буквально. Ярл любил попотчевать детей сказками о великих героях и древних богах, что неслись в бой верхом на ветрах. Но ласси всегда подозревала, что герои, если они и впрямь существовали, просто ездили на лошадях как и все остальные.

И теперь, стоя посреди чуждого края и выкликаая восточный ветер, она просто надеялась, что кто бы ей ни ответил, у него есть сани, в которых она

сможет продолжить путешествие. То есть если он согласится ей помочь.

Воздух вокруг ласси завился вихрем. Он усилился до буйства, растрепал ей косу и хлестнул волосами по лицу. Фанготур опустил голову и прижал уши, но не отпрянул. Ролло поднял глаза, вздохнул, нетвердо поднялся на ноги и встал рядом с хозяйкой, защищая ее. Ласси вцепилась в конскую гриву, закрыв глаза от мелких льдинок, швыряемых ветром в лицо.

Когда шквал унялся, она открыла глаза — на троне сидел восточный ветер.

Восточный ветер не выглядел человеком, поскольку таковым не был. Громадное завихрение, вобравшее в себя мешанину листвы и сучьев, тумана и дыма, дождя и пыли, постепенно приняло облик волка, сидящего выпрямившись на каменном сиденье трона.

— Почему ты здесь... — голос его выл, и шептал, и свистел у нее в ушах, а из ветра выскользнуло щупальце, обшарило ее с ног до головы и втянулось обратно, — человеческая дева?

— Ты настоящий, — выдохнула ласси и на несколько мгновений потеряла дар речи. Снова обретя голос, она сказала: — Я ищу замок на восток от солнца, на запад от луны.

Восточный ветер пошел крупной рябью. Он разлетелся на куски, а затем снова собрался в волка.

— Зачем тебе туда?

— Я жила в ледяном дворце с принцем, превращенным в избьорна. Из-за меня его заставляют жениться на троллихе, и я хочу его спасти.

— Смертные такие странные, — задумчиво произнес ветер. — Вот и еще одна ищет самца человека, которого едва знает.

— Ты помогал Тове?

— Видимо, это ее имя. Я отнес ее на равнину, где обитает западный ветер.

При этой новости плечи у ласси поникли.

— То есть ты не знаешь дорогу к дворцу троллей?

— Я никогда не задувал так далеко, да и не хотелось. Магия троллей — это зло, от которого даже ветрам нет защиты. С твоей стороны было бы мудро последовать примеру моих соседок: построить хижину и пребывать там, куда забросила тебя судьба.

— Не могу! — воскликнула ласси, яростно тряся головой. — Я должна найти дворец. Я должна освободить принца. Должна!

— Тогда единственная помощь, какую я могу тебе предложить, — это отнести тебя к западному ветру.

— Спасибо.

Порыв ветра рванул ее волосы назад.

— Станешь ли ты благодарить меня потом? — Каменный трон поплыл. — Не важно. Дунем к дому моего брата.

Ласси наконец-то отослала Фанготура домой. Ролло исчез среди изогнутых деревьев и немного погодя вернулся с перьями на морде.

— У тебя в лесу водятся неплохие птицы, — похвалил он восточный ветер.

— Водились, — отозвался ветер.

— Прости. — От смущения ласси втянула голову в плечи и бросила на Ролло суровый взгляд.

— Не все способны питаться лишь хлебом да любовью, — возразил волк.

— «Любовью»? Что ты-то знаешь о любви?

— Это суть любой истории, — авторитетно заявил Ролло. — Если бы вы, люди, могли избежать влюбленности, вы бы горя не знали. И не только вы.

Ласси на долгую минуту закрыла глаза. Любит ли она своего принца? Может быть. Она любила исбьорна, по-своему. И брата своего Ханса Петера любит, иной любовью, и хочет помочь ему. Получается, все это она делает ради любви? Но была бы она счастливее, если бы просто отправилась домой?

Смогла бы она жить в мире с самой собой, поступи она так?

Ласси открыла глаза.

— Не пора ли нам в путь?

Странно было лететь верхом на восточном ветре. Скрученная масса сучков, листьев, воздуха, перьев и льда стекла с трона и подняла девушку высоко над землей. Она не успела закинуть на спину ранец, но, оглянувшись, увидела, что ветер подхватил и ранец, и Ролло. Пока они поднимались, волк то выл от страха, то рычал, чтобы показать, какой он храбрый. Высоко в воздухе восточный ветер собрался, и над верхушками деревьев понесся волк размером с корабль.

Ласси парила на ветроволке востока. Она вытянула руки в стороны и откинулась назад, чувствуя себя как в колыбели. Это было все равно что ехать на спине у исбьорна, только лучше. Теперь она летела по-настоящему, свободная от оков земли. Девушка рассмеялась.

Восточный ветер рванулся вперед, и смех застрял у нее в горле. Внизу под ними деревья хлестали небо и хлеба припадали к земле. Ветер проносился над горами и полями, свистел во фьордах и над морем. В одном месте он поднимался до тех пор, пока его не поглотили облака, которые он

гнал и взбалтывал, как взбивают яичный белок деревянной ложкой. Когда тучи рассеялись, под ними снова раскинулся океан, а затем потянулись песчаные берега, леса и пшеничные поля.

А потом — ничего.

Грязь. Песок. Потрескавшаяся сухая земля, на которой росли только полумертвые с виду колючие кустики. Земля была красная, а скалы голые и зазубренные.

А затем они стали гладкими.

Такой же фантастический, как лес восточного ветра, дворец его западного брата, построенный из живых скал, поражал воображение. Красные, лиловые и золотые камни как будто побывали в руках неведомого гончара, который придавал им форму, словно куску глины. Гигантские арки над головой, колонны, пещеры, углубления, гладкие, как старая деревянная миска, наполнились лиловыми тенями, словно водой на закате. Кучи валунов напоминали подушки, или грибы, или улы.

Восточный ветер замедлил бег, и ласси смогла поглазеть на каменные образования, пока они пролетали над ними или вокруг них. Вскоре путники добрались до открытого места, похожего на громадную, почти плоскую чашу. Дюжины маленьких вихрей песка и мелких камушков весело носились по дну впадины.

Ветроволк ссадил ласси на землю и ужался до размеров чуть больше исьборна. В каменной чаше было обжигающе жарко, словно они попали в печь. Ласси сняла парку и сапоги, и все равно по лицу у нее катился пот, а растрепанные волосы прилипали к шее. Ролло тяжело дышал и приплясывал на месте, чтобы не обжечь лапы.

Мелкие завихрения каменной крошки завели хоровод и превратились в гигантскую вращающуюся колонну из песка и ветра. Изнутри ее донесся сухой скрипучий голос:

— Брат мой Восточный, что ты принес мне?

— Человеческое существо. Она ищет дворец на восток от солнца, на запад от луны, — отвечивал восточный ветер. — Ты когда-нибудь задувал так далеко?

— Никогда! — Колонна покачнулась, но выправилась. — Я не веду дел с троллями.

— Я так и думал, — поддакнул восточный ветер. — Но она решительно настроена туда попасть. Сумеешь ей помочь? Ты задувал дальше моего.

Западный ветер стал раскачиваться взад-вперед в своей чаше.

— Почему я вообще должен куда-то нести это человеческое существо?

Я не вмешиваюсь в затеи троллей. А вдруг их королева прослышит о моем участии и ее месть обрушится на меня? — Колонна ветра содрогнулась.

Ласси удивленно спросила:

— Королева троллей?

— Ее дочка, принцесса, превращает людей в полярных медведей и играет с ними, пока не женит на себе, — пояснил западный ветер. — Но королева куда ужаснее: старше и уродливей и пропитана злом до мозга ее каменных костей. Ничто в этом мире не смеет идти наперекор королеве троллей.

Ласси вскинула голову:

— Я смею!

— Это потому, что ты всего лишь глупое человеческое дитя, — проворчал западный ветер.

— А ты всего лишь невоспитанный сквозняк, который задувает мне в глаза песок и трясется, — отбрила его ласси. Она не для того забралась так далеко, чтобы ее сбил с пути какой-то ветер. — И принцессу, и королеву пора остановить.

— Поищи другого помощника, если хочешь убить себя, — сказал западный ветер.

— Трус, — бросила ласси без прежнего жара. Она с жалостью покачала головой. — Ты не донесешь меня даже до дома северного ветра. Такой сильный ветер, как он, наверняка знает дорогу, даже если тебе она неведома. И не сомневаюсь, уж он-то отнесет меня к самому дворцу, что стоит на восток от солнца, на запад от луны.

От западного ветра отделился небольшой фонтанчик, словно он фыркнул в ответ на ее уловку.

— Что ж, тогда ладно, — продолжила ласси, уперев руки в бока. — Сюда я добралась без твоей помощи. Мне помогли три добрые старушки, которым едва есть чем спину прикрыть, а уж они потеряют куда больше в схватке с королевой троллей, чем ты. Мне помог и этот добрый восточный ветер, твой брат. Он не сомневался, что ты поможешь мне. Он рассказывал, что ты летаешь далеко и широко и наверняка знаешь дорогу. Но он ошибался. — Ласси протянула руку и погладила восточный ветер по спине, словно утешая. — Какая жалость. — Она покачала головой. — Дорогой восточный ветер, — произнесла девушка ласково, — ты был так добр и залетел так далеко, чтобы помочь мне. Я не смею просить тебя нести меня дальше. Но не мог бы ты хотя бы указать мне, в какой стороне лежит царство северного ветра? Мы с Ролло и пешком туда дойдем.

Волк у ее ног застонал.

Западный ветер с шипением и скрежетом взметнулся вверх полой башней вращающегося песка. Затем обрушился, затихая, чтобы охватить и восточный ветер, и ласси, и Ролло вместе с каменной пустыней вокруг. Он завывал в скалах, поднимая все больше песка и каменной крошки и шлифуя ими каменное кружево своих покоев. Сила его сбила ласси с ног, и она съежилась рядом с Ролло, зарывшись лицом в волчий мех, чтобы защитить глаза. Она улыбалась, но никто не мог это видеть.

— Если хочешь попытать счастья с северным ветром, я не стану тебя останавливать, — прошипел западный ветер. — Но даже я не знаю, где он живет. Северный — величайший из нас всех.

— Ох...

Ласси не сомневалась, что западный ветер ей поможет. Но если он не знает дороги...

— Зато южный ветер знает, где обитает наш брат, — продолжал западный ветер. — Они вечно гоняются друг за другом по свету. Может даже оказаться, что южный ветер долетал до дворца троллей. Но если нет, то южный знает, как добраться до северного.

— Спасибо.

— Посмотрим, станешь ли ты благодарить меня через неделю, или через месяц, или даже через день, — проворчал западный ветер, повторяя слова восточного.

Глава 26

Ехать верхом на восточном ветре было восхитительно, но полет на западном ветре оказался сущим испытанием. Запертая во вращающейся колонне песка, ласси то падала, то взлетала, то снова ухала вниз. Она гадала, уж не из вредности ли западный ветер так себя ведет, и боролась с приступами тошноты.

Спустя вечность западный ветер уронил ее. Падать оказалось невысоко. Ласси приземлилась на четвереньки на каменный пол. Оправившись от удара о землю, она села и огляделась.

Вокруг высились развалины огромного дворца. Богатая каменная резьба осыпалась, в трещинах между плитами пола и по бокам квадратных колонн вились лианы. Меж листьев размером с обеденную тарелку на нее тарацились звериные морды и странные, приземистые человеческие фигуры. Вихрь черной земли, зеленой пыли и теплой росы с визгом пронесся по развалинам и неторопливо принял облик громадной хищной птицы.

— А это что такое? — Голос птицы сочился отвращением. — Что оно здесь делает, братец Западный?

— Это глупое человеческое существо ищет дворец на восток от солнца, на запад от луны, — ответил западный ветер.

Струйка песка и жара утомленно прошуршала по разбитым плитам пола.

Черно-зеленая птица в смятении заметалась между колоннами, издавая певучие и свистящие звуки.

— Я ни разу не посмел задуть туда!

И снова у ласси лопнуло терпение.

— Знаю, знаю! Потому что ты боишься троллей! А я не боюсь. Может, я и дура, но мне все равно. Если тебе не под силу отнести меня к дворцу, доставь хотя бы к дому северного ветра — он-то сумеет мне помочь.

— Горячая штучка, а? — Южный ветер пролетел над ней, чиркнув по лицу ласси влажным дуновением. — Люди такие странные.

Ласси замахала перед лицом ладонями, раздраженно отгоняя южный ветер.

— Ты сможешь мне или нет?

— Не понимаю, почему я должен это делать.

— Потому что кто-то где-то должен сразиться с троллями! — в

бешенстве выдохнула ласси.

— Ну и зачем так истерить по этому поводу? — заметил южный ветер. — На мой взгляд, ты излишне эмоциональна. Это обычное дело среди людей. Последнее человеческое существо, которое я нес, то и дело разражалось рыданиями и громко молилось о благополучии возлюбленного.

— Това? — Ласси забыла спросить западный ветер, не носил ли он Тову.

— Не интересовался, — фыркнул южный ветер. — Я подобрал ее по пути в гости к брату Северному. Она сидела на поросшей травой равнине, рыдала и рвала на себе волосы.

— Я оставил своего последнего всадника в слезах на травянистой равнине, —дохнул западный ветер.

— Она была на вкус как земляника и снег?

— Точно!

— Ты бросил Тову в чистом поле? — Ласси пнула западный ветер, но это не причинило ему вреда.

— Она не могла двигаться дальше, — фыркнул он. — В отличие от тебя ей недоставало стойкости. Она боялась погибнуть.

— Я отнес ее к нашему брату Северному, — вздохнул южный ветер. — Что случилось с ней после, не знаю.

— Если ты согласишься отнести ее, то ничто не мешает тебе отнести и меня, — рассудила ласси.

— Наш брат может не одобрить, что я таскаю к нему столько людей, — заколебался южный ветер.

— Мне, вообще-то, все равно, — отозвалась ласси. — По-моему, просто отвратительно, что четыре ветра — великие и могучие четыре ветра — такие трусы! Тролли творят страшное зло, а вы даже не пытаетесь их остановить.

— Но как может зло смертных существ повлиять на ветер? — с озорством спросил южный ветер.

— Если тролли не могут тебе повредить, то почему ты их боишься? — парировала ласси. Внезапно что-то в словах южного ветра привлекло ее внимание. — Смертных? Я думала, тролли живут вечно.

— Поступь лет для них медленнее, чем для людей, и я ни разу не слышал, чтобы тролль умер от старости, но есть и другие вещи, способные их уничтожить, — сказал западный ветер, пока южный снова вился между разбитыми колоннами, явно обдумывая слова ласси.

— Например? — поинтересовалась девушка.

— Могущественная магия. Оружие из заговоренной стали. Драконы.
— Ох... — Ничем из перечисленного ласси не располагала.
— Ешь и отдыхай, — велел южный ветер, крутясь между развалинами так, чтобы у ласси юбки хлопали. — Завтра я отнесу тебя к своему брату.
— Спасибо тебе.

Южный ветер, пусть и более сильный, чем западный, оказался гораздо приятнее. Теплый влажный воздух с ароматом экзотических цветов поднял ласси, когда рассвет заскользил по развалинам древнего храма. Чувствуя себя так, словно путешествует на постели из мягкого мха, ласси закрыла глаза, пока южный птицеветер несея через горы и долины, пересекал океаны и вился между верхушками деревьев.

Так же как и в предыдущих полетах на ветрах, Ролло свернулся в клубок, но время от времени поднимал голову и пробовал влажный воздух языком. Когда ласси открыла глаза, она пришла в восторг от игры капель росы у нее на ладонях. Она видела, как они собираются, а потом бегут вверх по рукам, потому что южный ветер несея вперед. Однако в конце концов даже это ее утомило, она закрыла глаза и заснула. Южный ветер несея и несея по ту сторону дня и ночи, пока не превратился всего лишь в мокрый ветерок, еле способный удерживать форму. Ему едва хватило сил опустить девушку на гребень твердого как камень сугроба.

— Братец, — слабо позвал южный ветер.

Рев северного ветра разметал сугроб на миллионы острых холодных алмазов, и ласси долго падала в расселину из синего льда и белого снега. Ролло тяжело приземлился на нее, вышибив дух из обоих тел.

Северный ветер с воем пронесся по расселине, впечатав ласси в колючую ледяную стену. Она ударилась головой, и все потонуло во мраке.

Глава 27

Проснувшись, ласси обнаружила, что сидит в снежной пещере, опираясь спиной на глыбу льда. Озерцо серо-стальной воды отбрасывало скудный свет на ледяной свод и на моржа, лежащего всего в нескольких шагах от нее на краю озерца. Морж был большой, бурый, с длинными желтыми клыками.

— Распугаешь мне рыбу — съем и тебя, и волка, — сообщил морж.

Неуклюжее тело перевалилось через край и ушло в воду без единого всплеска. Обратного морж не вынырнул, и ласси решила, что он выплыл из пещеры.

— Ну и характерец, — подал голос Ролло откуда-то сбоку. — Сплошные угрозы и оскорбления, с тех пор как ветер нас сюда принес.

— Который ветер?

— Северный. Южный слишком слаб.

— Как ты думаешь, северный ветер поможет нам?

— Он не пожелал со мной разговаривать, — фыркнул Ролло. — Но по крайней мере, принес нас сюда и дал нам вещи.

Ласси заметила, что укрыта белой паркой, а прочая одежда тоже навалена ровным слоем сверху. Неизвестно, кто тут постарался — северный ветер или Ролло, но она все равно была благодарна. Было очень, очень холодно.

За время путешествия на южном ветре ее одежда отсырела и теперь покрылась ледяной корочкой. Ласси поднялась и быстро разделась, а затем облачилась в первые попавшиеся вещи. Ночная сорочка оказалась у нее поверх верхней рубашки, но девушке было все равно. Она натянула сверху несколько юбок и жилетов, а в конце — белую парку. Здесь некому было на нее смотреть, кроме Ролло и моржа, а тот до сих пор не вернулся.

Северный ветер прибыл раньше моржа. Громадный ледяной вихрь ворвался в пещеру и вцепился ласси в одежду и волосы. Не успела она и вскрикнуть, как он оторвал ее от земли и вынес наружу, подхватив также Ролло и ее вещи. Ветер бросил их сразу снаружи, возле воды, и отхлынул.

Ласси огляделась и невольно разинула рот. Она находилась не на твердой земле. Вокруг простиралось огромное поле льда и плотного снега, дрейфующее в море таких же ледяных полей, ледяных гор, ледяных колонн. Там, в снежной пещере, был не прудик — это само море заглядывало сквозь дырку в полу.

Сделав это внезапное открытие, ласси потеряла равновесие, зашаталась и чуть не упала. А вдруг льдина, на которой она стоит, перевернется? Насколько она толстая? Девушка слыхала, что далеко на севере громадные горы и острова льда плавают свободно, тараня корабли и становясь ловушкой для моряков. Отец считал, что именно это произошло с кораблем Ханса Петера.

— Ты больна? — Голос северного ветра хлестнул резко и холодно, сбил с головы ласси капюшон и обжег ей уши льдинками.

— Нет! — Ласси надвинула капюшон обратно и выпрямилась. — Я просто... не сообразила... Эта льдина достаточно прочна, чтобы выдержать меня? — Тут она увидела всего в шаге от себя Ролло, который широко расставил все четыре лапы и в панике закатил глаза. — Достаточно ли она прочна, чтобы выдержать нас обоих?

Северный ветер засмеялся — это было похоже на то, словно с крыши сыплются сосульки и разбиваются о землю. Ласси плотно прижала капюшон руками, защищая уши и от звука, и от порыва холодного воздуха.

— Прости. — В голосе северного ветра прозвучало раскаяние, и он стал тише. — Я позабыл о нежности человеческих существ. Лед выдержит и тебя, и твоего спутника.

— Спасибо. — Ласси осторожно убрала руки от ушей. — Думаю, ты знаешь, почему я здесь?

— Да.

На глазах у нее северный ветер обрел форму. Из вихря льдинок соткался снежно-бледный человек в длинной рубахе, с иссиня-белыми волосами и бородой до пояса. Сцепив руки, он оглядел гостью с ног до головы.

— Тебе нужно во дворец на восток от солнца, на запад от луны, — ответил северный ветер. — И ты хочешь знать, могу ли я отнести тебя туда.

— Можешь?

— Разумеется.

Ласси снова разинула рот. В ее груди затрепетала надежда.

— Правда можешь?

— Я долетал туда однажды, хотя это меня едва не прикончило, — поведал ей северный ветер. — И полечу снова, если ты решительно настроена туда попасть.

— Настроена. — Ласси закусила губу. Несмотря на дружеский тон и задумчивое понижение мощного голоса, она все же имела дело с северным ветром. Но она должна была спросить. — Почему? Почему ты уже летал туда и почему с такой готовностью согласился нести меня?

— Однажды пришла девушка и умоляла меня отнести ее туда. Я согласился, поскольку она собиралась навредить королеве троллей и мне было приятно помочь ей в этом.

— Това?

Он вскинул ледяную бровь:

— Ты ее знаешь?

— Она любила моего брата, когда он был избороном принцессы троллей. — Ласси нахмурилась в раздумье. — Почему ты хочешь навредить королеве троллей? Твои братья-ветры, похоже, боятся ее.

— Эта тварь причиняет мне бесконечные беды, — проворчал северный ветер. — Она смеет помыкать мной! Она меняет погоду, заставляя зиму длиться слишком долго и распространяться гораздо дальше на юг. Я знаю, зачем меня сотворил Создатель — вовсе не для служения ее целям!

— Так это из-за королевы троллей у нас так холодно?

— Разумеется. Судя по твоей речи, ты родом из северных краев. Там холод не прекращается уже десятки лет... Разве твой народ не заметил?

— Мы заметили, но что мы могли с этим поделать?

— Верно, верно, вы же очень слабы. — Новый вздох. — Несомненно, глупо надеяться, что Това и в самом деле могла навредить ей. Или что сможешь ты. Однако, если ты хочешь туда...

— Я должна! Как скоро ты готов отнести меня?

— Да хоть сейчас, если тебе угодно. Но я знаю, вы, люди, нуждаетесь в пище, а путь предстоит долгий.

Ласси осторожно устроилась на льду рядом с Ролло. У них остались яблоки, хлеб, сыр и немного сушеного мяса. Прополоскав рот снегом, ласси упаковала оба ранца и потопала ногами, поудобнее устраивая их в сапогах.

— Я готова.

Северный ветер со смехом подхватил девушку, волка и поклажу на руки. С каждой секундой он становился все больше, человеческие черты расплывались.

— Сомневаюсь, — сказал он в ответ на ее слова, — но нет смысла ждать дольше.

И они взмыли в небо — громадная кипящая масса ветра, снега и ярости, направленная на королеву троллей и ее далекий дворец.

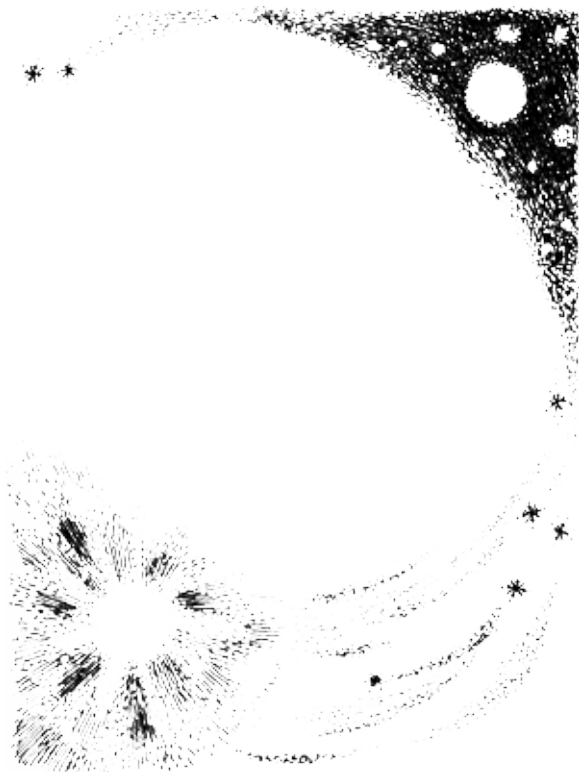
Прочие ветра были могучи, но не шли ни в какое сравнение с их старшим братом, Северным. Ласси чувствовала себя древней богиней, одной из валькирий, несущихся высоко над миром в волшебной колеснице. Она парила над океаном, горами и равнинами, неуклонно продвигаясь навстречу солнцу и луне, которые так далеко на севере висели бок о бок.

За время их путешествия солнце и луна не раз опускались на небе, а затем вновь поднимались, двигаясь вокруг них в величавом танце. В летние месяцы на макушке мира ни одно из светил не опускалось за горизонт. Небо было одновременно темное и светлое, солнце казалось крохотным бледным шариком, а луна — длинным тонким полумесяцем, лежащим на спинке подобно чаше. Затем на некоторое время солнце очутилось прямо под луной и выглядело незначительным и слабым.

Они подлетали все ближе и ближе — северный ветер, волк и юная женщина. Солнце и луна разошлись, словно раздвинули занавес. Солнце отошло влево, а луна — вправо. Северный ветер взревел и устремился к песчинке между ними. Песчинка росла, по мере приближения становясь выше и шире. Это был дворец, выстроенный целиком из золота, покоящийся на острове серебряного снега на самой макушке мира.

На восток от солнца, на запад от луны.

Часть 4
ПОПРОШАЙКА У ЗОЛОТОГО ДВОРЦА

Глава 28

Великая сила северного ветра таяла по мере приближения к острову, и все больше и больше его массы отставало. Наконец от него остался лишь зябкий ветерок. Ласси кувырком полетела с неба на плотно смерзшийся снег у края серо-зеленой воды.

Последний маленький вихрь льдинок колыхался у ее ног.

— Это предел моих сил. Я должен отдохнуть здесь день-другой перед возвращением. — Он едва шептал.

— Спасибо тебе, тысячу раз спасибо, — сказала ласси, протягивая к нему руку в варежке. — Я приложу все силы, чтобы навредить королеве троллей и ее дочери. Ради тебя.

— Ради всего мира, — поправил северный ветер. Затем даже эта гроздь льдинок рассыпалась. — Прощай, — прошелестело в воздухе.

Ласси вскинула на плечи поклажу, слегка покачнувшись под ее весом. Ролло встряхнулся и понюхал воздух.

— Чем пахнет? — спросила хозяйка.

— Троллями, — мрачно ответил он.

— Ну, значит, мы прибыли куда надо.

И они тронулись в путь. Остров оказался не таким большим, как снежная равнина перед ледяным дворцом, но и не таким плоским. Девушка и волк долго взбирались по склону, а потом заглянули во впадину, где лежали два больших серых валуна. На валунах рос мох, а у одного торчала из бока крохотная сосенка.

— Странно, — заметила ласси. — Как тут может что-то расти?

Когда они проходили между валунами, Ролло напрягся и прижался к ноге хозяйки.

— Шагай быстрее, — прошептал он.

— Что?

— Шагай. Быстрее.

Лишь когда валуны остались у них за спиной и они поднялись на вершушку очередного взгорка, волк немного расслабился. Он остановился и оглянулся, и ласси тоже. Один из валунов изменил форму. Он сделался выше, и у него обнаружили два светящихся...

— Глаза, — слабо произнесла ласси.

Коленки у нее начали подгибаться, и Ролло толкнул ее, так что она покатила по дальней стороне взгорка. Прочь от троллей.

Она лежала в небольшом углублении и дрожала. Ролло прижался к ней, по-прежнему настороженный, но тролли не погнались за ними.

— Что я здесь делаю? — У ласси застучали зубы. — Я не в силах противостоять королеве троллей. Я просто маленькая глупая девчонка. Отцовские страхи сбылись: меня забрали тролли. — У нее вырвался истерический смешок.

— Тихо, тихо, — прошипел Ролло, встревоженный более, чем когда-либо. — Тролли не забрали тебя. Ты пришла сюда драться. У тебя есть имя, ты шептала его мне, когда я был щенком. — Он негромко произнес имя ей на ухо.

Девушка поднялась на ноги, расправила плечи, хотя при мысли о троллях, оставшихся позади, по телу побежали мурашки, и продолжила путь. Сердце у нее еще колотилось, но она не останавливалась, пока не дошла до дверей дворца.

Ни стен, ни двора вокруг золотого замка не имелось, но они ему были и не нужны. Двери вздымались на высоту четырех человеческих ростов, и на них было выложено драгоценными камнями изображение солнечного и лунного затмения. Над дверями в свете горевших по бокам факелов ласси с трудом разглядела герб королевы троллей: избьорн на голубом фоне, над ним — корона, а под ним — зазубренный меч.

Только она подняла руку, чтобы постучать, как из боковой ниши выступила тень. Ласси полагала, что это узкое вогнутое пространство предназначено для статуи, но тень была слишком уж живая.

Снова тролль, на сей раз высокий и тощий, с канатами мышц на голых руках.

В руке он сжимал черный меч с зазубренным лезвием, как на гербе, а его одежда — голубой кожаный жилет и штаны — представляла собой своего рода ливрею. Сапоги у него были подбиты железом, предплечья закрыты железными наручами. В громадных ушах красовались массивные кольца, а острый длинный нос сам по себе был «украшением». Волосы у тролля отсутствовали, череп был разрисован синей краской.

— Да?

Ласси застыла. У Ролло шерсть встала дыбом, но он скорее заскулил, чем заворчал.

— Я, гм... королева... я ищу работу, — проблеяла девушка.

Троль в ужасе уставился на нее сверху вниз:

— Зачем тебя понесло в такую даль, чтобы работать здесь? Ты же человек!

— Э... Ну... — Ласси собралась с мыслями, припомнив льстивую

резьбу в ледяном дворце. — Но разве юная принцесса не прекраснее, чем любая человеческая девушка? Я прибыла служить ее милости.

— Она тролль, — проворчал стражник. — От одного взгляда на нее у козла шкура слезет.

Ласси не выдержала и хихикнула. Но тут же прикрыла рот ладошкой и оглянулась.

— Разве тебе полагается так говорить?

— Нет, но кто меня услышит, кроме тебя? Они все там празднуют. Вино, танцы, волшебные фокусы, а я торчи тут на холоде, и разговаривай с сумасшедшим человечком. Я проклят. — Казалось, он говорил это сам себе, но ласси все равно задрожала.

— Празднуют? Что празднуют?

— Разумеется, последнее бракосочетание принцессы Индейл^[9] с каким-то несчастным человеческим дураком.

— О нет! — У ласси защипало в глазах. — Они уже поженились?

— Нет. — Тролль нахмурился. — Свадьба только через четыре дня. — Он нагнулся и вгляделся в ее лицо. — Ты девушка? Девушка, которой пришлось жить в ледяном дворце?

— Да, — шепнула она еле слышно.

— И ты добралась в такую даль? Так быстро?

— Мне помогли.

Тролль беспокойно огляделся:

— Если ты не дура, то выберешься отсюда. Уходи, возвращайся к своей семье.

— Не могу.

Тролль тяжело вздохнул. В лицо ей ударило дыхание, пахнущее камнем и льдом, не такое уж неприятное.

— Я и не надеялся, что ты последуешь моему совету. Никто не следует.

— Това здесь?

— Лучше не спрашивать. Лучше не быть здесь.

— Ты можешь хотя бы впустить меня? Я бы поговорила с... экономкой или с кем-нибудь насчет работы...

Тролль покачал головой:

— Позволить тебе войти в эти двери стоит дороже, чем моя жалкая шкура. — Он облизнул губы синим языком. — Один раз я это сделал, — признался он, понизив голос, — и если я сделаю это снова... ну, не многие пережили королевский гнев и один-то раз. — Он содрогнулся. — Вот почему мне велено изображать часового, словно кому-то может прийти в

голову напасть на логово королевы троллей. Моя семья едва не умерла от унижения.

— Но... — Ласси запнулась, потом кое о чем вспомнила. — Я могу заплатить тебе! — Она с глухим стуком свалила ранцы на утоптаный снег и принялась рыться внутри. Первым под руку попался золотой чесальный гребень. — Вот! Чистое золото!

Он покачал головой:

— Очень красиво, но этот дворец целиком из золота. Если бы мне понадобилось золото, я бы просто отломал кусок подоконника.

— Ой. — У ласси поникли плечи.

— А что это, кстати?

Она выудила второй гребень и подняла их так, чтобы он мог получше их разглядеть.

— Это чесальные гребни. Понимаешь? Для шерсти.

— Правда? — Похоже, инструменты заинтересовали тролля. — И ты можешь чесать ими шерсть?

— Ну да. В смысле, именно этой парой я никогда не пользовалась, но уверена, что они прекрасно подходят для работы.

— Нет, я имею в виду, ты лично умеешь чесать шерсть?

— Конечно. — Ласси была озадачена: чесать шерсть под силу даже идиотам и маленьким детям.

— Что ж, тогда тебе, может, и есть что здесь ловить. Я сам не очень в, э-э, женских ремеслах. Но некоторые тут весьма ими увлечены. Высокородные дамы, если ты понимаешь, что я хочу сказать. — Он приложил длинный палец к боковине носа и подмигнул.

У ласси забило сердце.

— Принцесса? Они ей понравятся?

— Возможно. Особенно если ты покажешь, как они работают.

— Тогда не мог бы ты отвести меня к ней?

— Нет, мне велено больше не пускать людей внутрь. Но если ты поболтаешься возле дворца под окнами и, может быть, немного почешешь шерсть... — Тролль нагнулся ближе. — Ее покои на западной стороне.

— Огромное тебе спасибо, — сказала ласси.

Не думая, она протянула руку в варежке и положила ее на лапу тролля. Часовой опешил и покраснел, сделавшись лиловым.

— Слабость у меня к человеческим девушкам. Не знаю, с чего это, — покачал он головой. — Дедушка пустил бы мою шкуру на барабан, доживи он, чтобы увидеть, какой я мягкотелый.

— Скарпхедин!^[10] Что у тебя тут?

Ласси обернулась и увидела топающего к ним громадного тролля, похожего на кусок покрытого мхом гранита. Она тоненько пискнула и прижалась к усыпанным драгоценностями дверям. Ролло принял оборонительную стойку, но снова не посмел зарычать.

— Опять человек, капитан Банахёгг,^[11] — с тоской доложил часовой.

По сравнению с капитаном он казался крошечным, а черты его лица — почти человеческими.

— Избавься от него! — Серое щербатое лицо Банахёгга смялось в хмурую гримасу — поистине ужасающее зрелище. — Ты ведь не собирался снова пускать их внутрь, а?

— Никак нет, капитан! — Скарпхедин вскинул меч, направив острие в грудь ласси. — Убирайся, девчонка! Брысь в свои южные земли! — Одно его веко еле заметно дернулось, что вполне могло сойти за подмигивание.

Девушка поняла намек и побежала, Ролло не отставал. Но как только они юркнули за сугроб, который скрыл их от тех, кто стоял у парадных дверей, она повернула и двинулась кружным путем к западной стороне дворца.

Дворец троллей поражал великолепием. Через каждые несколько шагов в стенах располагались окна, забранные хрустальными панелями, и ласси, вставая на цыпочки, заглядывала внутрь. Для тролля они, наверное, были низкие, но ласси даже на цыпочках еле доставала подбородком до карниза. Становилось все темнее, а внутри пылали огни. Судя по тому, что удалось разглядеть девушке, внутри происходило большое событие. Она слышала музыку и видела снующих с серебряными подносами слуг в голубых ливреях. Среди них попадались горгульи, пикси, брауни и прочие создания вроде тех, кто прислуживал ей в ледяном дворце. Троллей среди слуг не было.

Но тролли присутствовали во множестве. Тролли-мужчины и тролли-женщины, одетые в причудливые костюмы и платья из атласа и бархата всех цветов радуги. Драгоценности сияли и сверкали в свете сотен свечей. У троллих над жуткими серо-зелеными мордами громоздились сказочные башни из локонов, а головы троллей покрывали шапки из кожи, серебра или золота.

Потом ласси заметила нескольких троллей, отвергавших эту псевдочеловеческую пышность. Эти тролли носили одежду из нескольких слоев звериных шкур. Волосы на широких головах торчали в разные стороны. У иных за ушами рос мох и еще какие-то лохматые растения. У одного в бороде запуталось, похоже, настоящее птичье гнездо.

Окно, в которое ласси было видно лучше всего, выходило в самый бальный зал. Под карнизом намело сугроб плотно смерзшегося снега, и, стоя на самом верху, она могла без напряжения заглядывать внутрь. На бальный зал стоило посмотреть: он был невероятно огромный, с колоннами, вытесанными из хрусталя и аметиста. Люстры с подвесками, явно из настоящих алмазов, заполняли помещение светом и отражались в полированном черном полу. В глубине бального зала возвышался помост с двумя тронами. Один был из золота, инкрустированный рубинами, а другой — серебряный, усыпанный сапфирами. Рядом с серебряно-сапфировым тронном стоял табурет, также из серебра, выложенный жемчугом. У ласси замерло, а потом снова болезненно забилось сердце, когда она увидела, кто сидит на табурете.

Это был ее принц.

Тролли фланировали по бальному залу, пили, закусывали и болтали, а принц сидел на табурете и смотрел прямо перед собой. Ласси подавила детский порыв помахать ему, просто чтобы проверить, взглянет ли он, узнает ли ее. Вместо этого она показала на него Ролло, который согласился, что вид у бедняги не очень, и они продолжили наблюдение.

Спустя несколько минут, когда у ласси от долгого стояния на снегу начали неметь ноги, двойные двери в дальнем конце зала распахнулись. Безупречным строем, чеканя шаг, в зал вошла дюжина слуг. Верхняя часть тела у них была человеческая, а нижняя — конская, четыре ноги и хвост. Они выстроились по обе стороны от больших дверей и подняли к губам серебряные трубы. Когда фанфары отзвучали, все тролли в помещении либо присели в глубоком реверансе, либо согнулись пополам в поклоне.

Двери вновь распахнулись, и в зал стремительно вошла особенно уродливая троллиха в алом платье. На голове у нее красовалась копна неестественно желтых волос, увенчанная короной, в которой алмазов было больше, чем золота. У троллихи были выпученные глаза, а нос свисал почти до подбородка. В ушах сверкало столько золотых серег, что мочки касались плеч. Кожа ее цветом и фактурой в точности повторяла неполированный гранит.

О троллях рассказывают, будто у самок носы бывают больше трех ярдов длиной, а груди свисают до колен. Ласси подумала, что это не такое уж преувеличение: нос у королевы был пугающе длинный, а морщинистые перси грозили в любой момент выпрыгнуть из лифа.

Королева обвела зал мрачным взглядом плеснево-зеленых глаз и проплыла мимо склонившихся подданных к своему месту на золотом троне. Кентавры (вот кто были эти слуги, ласси вспомнила, что однажды

читала про них) снова протрубили, на сей раз короче, возвещая явление второй тролльской дамы.

Ласси тихо ахнула, подумав, что это наверняка принцесса троллей. Нос у принцессы был даже длиннее, чем у ее матери, да вдобавок со здоровенной бородавкой на конце. Она облачилась в платье из сапфирово-синего бархата, под цвет трона, а прическа ее представляла собой блестящее сооружение из огненно-красных кос и бриллиантовых шпилек. Принцесса, покачиваясь, проплыла по комнате с видом женщины, знающей, что все глаза устремлены на нее, и, прежде чем усесться на серебряный трон, запечатлела поцелуй на щеке человеческого принца.

Королева троллей хлопнула в ладоши, — похоже, в унизанных перстнями пальцах имелись лишние суставы, — и заиграла музыка. Со своего наблюдательного пункта ласси не видела музыкантов и гадала, на каких странных инструментах они играют. Было много стука, низкого раскатистого уханья, от которого у нее завибрировало за ушами, а над всем этим взлетал пронзительный визг, от которого она ежилась.

— Словно зайца убивают, — с отвращением проворчал Ролло.

— Угу, ты прав, — согласилась она. — Ой, они собираются танцевать.

Ласси и волк прижались носами к окну и уставились во все глаза на происходящее.

Придворные поделились на пары и рассыпались по залу. Ласси заметила, что покрытые мхом и одетые в шкуры тролли не присоединились к танцам, а вместо этого сгрудились в сторонке с неодобрительными лицами и большими кубками вина в кулаках. Но их разодетые соплеменники начали танцевать под музыку с большим восторгом.

Даже Ролло не нашел слов для описания пляски троллей. Она ужасала и завораживала одновременно. В такт бухающей, воющей музыке тролли поднимали плечи и топали ногами, качались из стороны в сторону и хлопали себя по животам, создавая контрапункт музыкальному ритму. Это напоминало жуткую пародию на человеческие танцы. Что-то в происходящем заставило ласси содрогнуться от ужаса. Она едва не завизжала. У нее было три дня, всего три дня, чтобы освободить принца и убраться прочь из этого ужасного места и от этих кошмарных тварей.

— Прячься! — Ролло спрыгнул с карниза и дернул хозяйку зубами за парку.

— Что? Почему? — Она испуганно съехала по ледяному скату и сапогом пробила его, зарывшись в более мягкий снег внутри.

— Нас увидел тролль!

Ласси выдернула ногу из сугроба и распласталась на стене дворца

сбоку от окна.

— Ты уверен? — шепнула она.

— Да! — Ролло съежился прямо под карнизом, пытаясь стать как можно меньше.

Раздался царапающий звук, и окно распахнулось наружу. Рама чуть не заехала ласси по лицу. Она еле успела подставить ладонь, чтобы ей не сломало нос. Прозрачная холодная панель, оправленная в золото, шлепнула ее по ладони и отскочила обратно. Девушка задержала дыхание, зажмурилась и принялась молиться.

— Что ты делаешь? — грянул голос троллихи.

— Я что-то видел, — проворчал густой мужской голос. — Там кто-то есть.

— Никого там нет, старый ты дурак, — сварливо сказала женщина. — Закрой окно, холодно!

Ее реплика вызвала взрыв смеха у множества троллей. Даже ласси неохотно признала про себя, что троллиха либо чудовищно глупа, либо на редкость остроумна: здесь, на макушке мира, разве могло быть не холодно?

Окно захлопнулось, и ласси услышала, как щелкнула задвижка. Однако она продолжала стоять, не дыша, и молиться. Наконец она открыла глаза, но все еще не смела повернуть голову.

Сосчитав до пятидесяти, девушка глянула вниз, на Ролло. Он по-прежнему жался к стене под самым окном. Его золотистые глаза закатились так, что виднелся белок. Ласси сползла по стене, опустила на колени в снег и дотронулась до головы волка. Он подскочил от прикосновения, но потом расслабился.

— Мы уже разговаривали с троллем, — напомнила она ему шепотом. — Он оказался не таким уж злым.

— Между скучающим караульным снаружи и этими рыбьеглазыми придворными внутри целая пропасть, — возразил Ролло.

Он был прав. Рожи троллей внутри дворца сильно отличались от лица Скарпхедина. Ласси кивнула. Волоча поклажу за лямку, она кралась вдоль фундамента дворца. Ролло полз следом и напрягал чуткие уши всякий раз, как оказывался под окном. Только однажды он шепотом велел хозяйке остановиться, и они провели ужасную минуту, скорчившись под окном бального зала, когда троллиха с визгливым хохотом высунулась наружу «глотнуть свежего воздуха».

Спустя неизмеримое количество времени они добрались до заднего угла дворца и сжались в кучку в синей тени. Ролло не слышал сквозь стену никаких звуков, поэтому они сочли место безопасным. Вместе они

выкопали пещерку в снегу, и ласси устроила там гнездо из одежды. Они забрались внутрь и улеглись, загородив вход ранцем.

Несмотря на странное окружение и опасность со всех сторон, оба быстро заснули. День выдался длинный, да и предыдущие были не короче, а завтра обещало стать еще длиннее.

Глава 29

На следующее утро солнце разбудило их, проникнув через потолок пещеры бледно-желтым сиянием. Солнце, далекое и странное здесь, но все-таки солнце, принесло немного тепла. Ласси стоило немалых усилий выползти из гнезда и распрямить конечности. Она чувствовала себя старой, замерзшей и истощенной. Ролло заворчал, но не проснулся, даже когда она выдернула из-под него юбки и рубашки и сложила их заново.

Девушка сняла верхнюю из надетых на ней юбок, поскольку та окончательно перепачкалась, и надела чуть более чистую. Под ней оставалось еще четыре юбки, но ласси все равно мерзла. Однако белая парка сияла, и ни единое пятнышко не портило ее красоту. Откинув капюшон и сняв варежки, ласси потеряла лицо и ладони снегом. Затем расчесала и заплела волосы. От этого ей немного полегчало, а после завтрака стало еще лучше. Конечно, завтрак состоял только из хлеба, но даже Ролло проснулся, чтобы съесть немного, и тоже приободрился.

— Что теперь?

Волк повалился в снег, а затем от души встряхнулся. Это сотворило чудо с его мехом, в который за время путешествия набились песок и хвоя.

— Теперь нам надо привлечь внимание принцессы троллей, — ответила ласси.

Они двинулись вдоль западной стороны дворца. Было рано, и портьеры на окнах оставались задернутыми. Ласси не знала точно, где находятся покои принцессы, если только ее комнаты не тянулись вдоль всей западной стороны.

— И на каком этаже, тоже не было сказано, — волновалась девушка.

Она насчитала восемь этажей и вроде бы разглядела еще два, но, стоя так близко к массивному зданию, трудно было судить.

— Еще не поздно отправиться домой, — заметил Ролло, обходя затвердевшие сугробы.

— Вообще-то, поздно, причем уже давно, — мягко сказала ласси.

Только сейчас, пока они шли вдоль стен дворца, она кое-что сообразила. Принеся их сюда, северный ветер выдохся. А что дальше? По-видимому, отдохнув, он отправится обратно в свои края. Они с Ролло угодили в ловушку. Наверное, если удастся освободить принца, они придумают, как выбраться. Возможно, он сумеет снова превратиться в медведя и нести ее.

Может быть. А может быть, и нет. Слишком поздно беспокоиться об отступлении. Надо просто идти вперед, сказала она себе. Но в то же время ее терзала тоска по тем временам, когда она, бывало, ехала верхом на своем исьборне по снежной равнине, направляясь к ледяному дворцу, где их ждал сытный ужин.

— Ну, могу я еще хоть что-нибудь поесть? — Ролло уселся на снежный торос и недовольно огляделся.

— Да, наверное, — отозвалась ласси. Она плюхнулась рядом с Ролло и порылась в ранце. — Яблочко?

Волк чихнул от отвращения.

— А что, мяса совсем не осталось?

— Может, и осталось. — Она еще порылась в ранце. Ногти цокнули обо что-то твердое, и она вытащила горшочек с яблочным желе. — Ой, смотри!

Ласси подняла находку к слабому свету. Золотое желе вспыхнуло, и отраженный от хрустального горшочка свет рассыпал по снегу осколки радуги.

— Я бы все-таки предпочел мясо, — заметил Ролло.

— Ну а я бы не отказалась от кусочка хлеба с яблочным желе. Меня не всегда заботит только твой желудок.

Она развернула остатки хлеба и демонстративно откупорила горшочек.

— Что это?

Скрипучий голос напугал ее так, что кровь отхлынула от лица. Руки онемели, маленький горшочек с яблочным желе упал на снег и покатился. Несколько золотых капель брызнули на снег и почти мгновенно замерзли.

— Я спросила, что это такое. Ты глухая?

Ласси медленно обернулась. Окно у нее за спиной было широко открыто, и из него высовывалась принцесса Индейл собственной персоной. Сегодня она облачилась в персиковый шелк, напомнивший ласси похожее платье, которое она носила в ледяном дворце. При этом воспоминании она задрожала. Разумеется, у нее не было такого громадного зеленовато-серого бюста, грозящего вывалиться из тесного лифа.

— Яблочное желе, ваше высочество, — ответила ласси, восстановив способность дышать.

Она наклонилась и подобрала горшочек, пока все не вылилось. С великой осторожностью, придавая каждому движению значимость, она вернула на место золотую крышку и подняла горшочек так, чтобы принцесса троллей его видела.

Острый лиловый язык высунулся из широкого рта принцессы и

облизал густо покрашенные губы.

— Ты его... сама... сделала?

— Я помогала женщине, которая его делала, — ответила ласси. — Я почистила яблоки, а она положила их в котел с приправами.

— А-а. — Троллиха снова облизнулась. — А горшочек?

— Я не знаю, откуда он взялся.

По лицу троллихи прошла тень.

— Жаль. Но все равно. — Она протянула руку. Пальцы у нее были вдвое длиннее лассиных, а острые ногти позолочены. — Дай его мне.

— Прекрасно, ваше высочество, — отозвалась ласси, но не сделала движения, чтобы передать горшочек.

Ее только что внезапно осенило, в чем суть тролльского характера: троллей снедала зависть! Они завидовали людям, умеющим делать вещи, в чем явно было отказано троллям. Одежда, танцы прошлой ночью — теперь ласси видела в них жалкие попытки подражать людскому обществу.

Индейл начала терять терпение:

— Немедленно дай его мне!

Ласси притворно удивилась:

— Но, ваше высочество, я ждала вашего предложения.

— *Моего* предложения?

— У людей никто ничего не дает другому бесплатно! Мы платим друг другу золотом, или товарами, или... другими вещами.

— Хм. — Принцесса была явно заинтригована. Ее длинные пальцы шевелились на подоконнике, оставляя вмятины на золотой поверхности, словно ей страшно хотелось просто протянуть руку и схватить горшочек. — Очень хорошо. Чего ты хочешь?

— Я хочу навестить человеческого принца.

Глаза принцессы сузились. Ее широкий толстогубый рот скривился.

— Ты! — Она больше не трудилась говорить по-норвежски: похоже, она знала о даре понимания языков, которым обладала ласси. — Ты та самая человеческая девка! Та, что пыталась забрать моего возлюбленного!

Воспользовавшись паузой, ласси собралась с духом. Глупо было напоминать принцессе, что именно по ее решению ласси должна была прожить год в ледяном дворце. А до нее — Това, и тетушки, и бесчисленные другие девушки.

— Ну да, это я.

Внезапно губы принцессы Индейл растянулись в улыбке.

— Разумеется, ты можешь провести ночь в покоях моего дорогого принца, — промурлыкала она. — Приходи к парадным дверям на закате. —

И она протянула руку к горшочку с желе.

Ласси, почти задыхаясь, отвела горшочек подальше.

— А почему я должна верить, что вы выполните свою часть сделки?

Глаза принцессы полыхнули красным.

— Тролли всегда держат слово, — произнесла она натянутым тоном.

Нечто в зеленовато-сером лице и выпученных глазах троллихи убедило ласси, что та не врет. Девушка вручила сияющий горшочек принцессе.

— Я буду у парадных дверей на закате, — сказала она.

Индейл ничего не ответила. Зажав в кулаке горшочек, второй рукой она захлопнула окно. Ласси с колотящимся сердцем вернулась вместе с Ролло к своей снежной пещерке. Не стоило дальше болтаться под принцессиными окнами: еще, чего доброго, рассердится и передумает.

За несколько минут до заката терпение у ласси лопнуло. Последние несколько часов она корпела над символами в своем словаре тролльского, на случай если увидит какую-нибудь резьбу внутри дворца. Но солнце опускалось все ниже, и, не в силах сосредоточиться, она поспешила к парадным дверям и постучала. Из ниши выступил тролль-часовой, Скарпхедин.

— Сторговала свои чесальные гребни, а?

— Горшочек яблочного желе, — ответила ласси. — Принцесса велела меня впустить. Пожалуйста.

— Мне не положено пускать тебя, пока она не придет, — сказал он. — Ты уверена, что хочешь туда? Еще не поздно убежать.

— С чего это мне бежать? — Ласси была почти в обмороке от перспективы снова увидеть принца, и вопрос тролля не имел для нее смысла. — Я так близко!

— Не так близко, как ты думаешь, — раздалось в ответ.

Скарпхедин нагнулся, словно хотел поделиться очередным секретом. Он открыл рот ровно в тот момент, когда распахнулись золотые двери. Стражник выпрямился и отвесил поклон.

Одетая с ног до головы в сочный пурпур с серебряным кружевом и бисерной вышивкой, там стояла улыбающаяся принцесса троллей.

— Привет, человечек, — сказала она. — Сейчас я отведу тебя в покои моего нареченного. Разумеется, его там не будет несколько часов. У нас бал по случаю нашей свадьбы.

— Но...

— Уверяю тебя, он вернется к себе где-то между полночью и зарей. Разумеется, на рассвете ты должна уйти.

— Прекрасно.

Ласси подумала о веретене и чесальных гребнях в ранце за спиной и о трех оставшихся ночах. Она найдет способ его освободить. Как-нибудь.

Она следовала за принцессой по длинным коридорам из золота, устланным пышными коврами и убраным шелковыми гобеленами. Тут были вазы тонкой восточной работы, мраморные статуи и красивые картины. Имелись также маленькие пьедесталы, на которых были выставлены маслобойки и терки для сыра. В одной из приемных, через которые они проходили, свисал с потолка полный набор кухонных кастрюль.

Одна из дверей распахнулась, когда они проходили мимо, и оттуда выступил фавн в голубой ливрее. У него за спиной ласси разглядела громадный ткацкий стан с натянутым на него незаконченным гобеленом. Фавн попятился к стене, согнулся в глубоком поклоне и не разгибался, пока они не прошли. При виде его ласси ощутила прилив надежды, но это был не Эразм.

— Идем, идем, — щелкнула пальцами Индейл, и девушка вздрогнула.

Они остановились перед дверью из выложенного жемчугом серебра. Принцесса распахнула ее и жестом пригласила ласси войти. Они с Ролло робко переступили порог комнаты. Дверь с грохотом захлопнулась за ними.

— Пробудешь здесь до рассвета, а тогда я приду тебя забрать, — крикнула принцесса через дверь.

— Мне она не нравится, — сказал Ролло, когда шаги троллихи затихли.

Ласси только фыркнула, скидывая парку и верхние сапоги. Ее высочество принцесса Индейл была жестокой расфуфыренной уродиной.

— Она тролль, и этим все сказано.

Вместе с Ролло она исследовала покои принца. За большой, богато обставленной гостиной обнаружились спальня и умывальная. Все это напомнило ласси покои в ледяном дворце, хотя здесь обстановка была из золота, усыпанного драгоценными камнями. На скамеечке для ног возле камина лежали книги на норвежском и немецком языках, на столике у окна стояла шахматная доска с незаконченной партией. В спальне ласси обнаружила на одной из подушек единственный темный волос. Она намотала волос на верхнюю пуговицу жилета, вспомнив, как подобным же образом запасла волос Товы.

Это отрезвило ее еще больше. Девушка устроилась в кресле в гостиной, Ролло улегся у ее ног. Ласси пыталась читать одну из книг, лежавших на скамеечке, а волк подремывал. То, что он именно подремывал,

а не спал, она определяла по тому, что уши его реагировали на любые шаги в коридоре, даже самые тихие.

Золотые часы на каминной полке вызванивали два часа, когда серебряная дверь отворилась. Ласси, несмотря на волнение, клевала носом над книгой и от звука резко проснулась. Они с Ролло моментально оказались на ногах, книга соскользнула на пол.

В комнату вошел кентавр. Поперек его конской спины был переброшен принц. Он лежал лицом вниз, руки свисали с одной стороны, а ноги с другой.

— Он мертв?

Ласси стиснула ворот. Колени у нее подогнулись, нижняя губа задрожала.

Кентавр взглянул на нее со странным выражением — с равной долей жалости и беспокойства.

— Нет, просто... спит.

Он прошествовал через гостиную в спальню. Ласси и Ролло последовали за ним. Легким движением спины кентавр опрокинул принца на кровать.

— Госпожа, — пробормотал он с поклоном и ушел.

Ласси тихонько приблизилась к постели. Ролло остался у двери, чтобы не мешать ей. Дрожащей рукой она взяла принца за плечо.

— Проснитесь... ваше высочество, — негромко произнесла она.

Он не шелохнулся.

Она тряхнула его за плечо и произнесла еще раз, громче:

— Проснись, мой избьорн!

Никакого отклика.

Следующие несколько часов, до самого рассвета, ласси и Ролло перепробовали все, чтобы разбудить принца. Девушка кричала и трясла его, волк лизал его лицо и даже легонько прикусил за плечо. Ласси колотила в наружную дверь, умоляя о помощи, но никто не пришел. Она вылила юноше на голову кувшин воды с умывальника, но он не пошевелился. Когда за ними пришла принцесса Индейл, ласси сидела съездившись на кровати рядом с принцем, сжимая его ладонь и плача. Принцесса самодовольно улыбалась, пока ласси собирала парку, сапоги и ранец.

— У меня есть кое-что еще, — тихо сказала девушка, когда они пересекали передний зал.

Она сбросила ранец и выудила оттуда золотые чесальные гребни. Взяв шарик нечесаной шерсти, подаренный ей второй тетушкой, она трясущимися руками принялась за работу.

Принцессу троллей это зрелище заворожило. Прочие придворные тоже собрались вокруг поглядеть. От их тухлого дыхания и светящихся глаз ласси едва не сомлела.

— Возвращайся на закате, — приказала ей принцесса Индейл спустя несколько минут. — Расчешешь для меня шерсть как следует, а потом я оставлю гребни себе. В обмен можешь провести еще одну ночь в покоях принца.

Чуть живая, девушка кивнула и убрала гребни и шерсть. Холод за стенами дворца был как пощечина. Брови и ресницы мгновенно покрылись инеем, кожа на лбу натянулась. Дрожа даже в парке, ласси потопала вокруг дворца к своей пещерке. Она заползла внутрь и уснула, положив голову на бок Ролло.

Глава 30

На следующую ночь все практически повторилось. Принцесса Индейл и несколько дюжин ее придворных пронаблюдали, как ласси расчесала шерсть в аккуратную скрутку, и принцесса оставила девушку в покоях принца. У ласси еще кружилась голова оттого, как таращилась на нее королева сквозь двери бального зала: она была еще страшнее своей дочери. В ожидании принца девушка не могла даже притворяться, будто читает, а он снова явился в том же состоянии — лежа без сознания поперек спины того же самого кентавра.

Кентавр перекатил его на кровать, поклонился ласси и ушел. Она пыталась остановить его, чтобы спросить, что происходит, и даже осмелилась коснуться его руки, а потом и конского бока, но он даже не взглянул на нее. Глядя прямо перед собой, он вышел из комнаты, захлопнув двери и заперев их, несмотря на ее мольбы.

— Ладно! Отсюда помощи ждать не приходится, — сказала она Ролло. Однако ей вспомнилось сочувствие в глазах кентавра накануне ночью. — Возможно, ему под угрозой смерти запрещено разговаривать со мной.

Еще одна ночь ушла на бесплодные попытки разбудить принца. Ласси дергала его за волосы, со всей силы била по щекам, хотя у самой от этого наворачивались слезы. Он не отзывался, и последний час, проведенный вместе с ним, ласси просто лежала рядом и наслаждалась знакомым звуком его дыхания.

Когда на рассвете принцесса троллей пришла забрать их, улыбка ее была еще шире. Ласси слишком измучилась и не вспомнила о веретене, пока ее не выставили из дворца. Они с Ролло отправились к себе в гнездо, но ни тот ни другая не могли спать. У них осталась всего одна ночь.

Проворочавшись час, ласси встала, разделась и принялась обтираться снегом. Скоро руки и ноги у нее посинели, а суставы заболели от холода, но она упрямо довела дело до конца. Затем надела самую чистую из рубашек и чулки, любимую синюю юбку и алый жилет, а поверх всего этого — парку. Она расчесывала волосы, пока те не заблестели, и заплела косу в четыре пряди, как ее научила Тордис. Оставив Ролло сторожить ранец — волк решил, что хозяйка спятила, — она взяла золотое веретено и скрутку расчесанной накануне шерсти и отправилась сидеть под окном у Индейл.

Ласси выскребла себе в смерзшемся снегу плоскую площадку под

веретено, затем скатала большой снежный ком для сидения. Аккуратно расправив юбки, она взяла шерсть и начала прясть.

Через несколько минут окно у нее за спиной со скрипом открылось, но ласси не обернулась. Она заставила себя продолжать работу и даже немножко напевала себе под нос.

— Что, во имя Господа, ты делаешь?

Голос был женский и произносил норвежские слова, но принадлежал не принцессе Индейл. Голос был человеческий и молодой. Удивленная, ласси прекратила прясть и обернулась.

Из окна принцессиных покоев высунулась одетая в голубую ливрею молодая женщина с вышитой алой лентой на шее. Светлые до белизны волосы были уложены в корону, а молочная кожа и розовые щеки выдавали в ней уроженку северных краев. В больших голубых глазах таился смех, а губы замерли в изумленной улыбке.

— О нет! И ты тоже? — воскликнула она, как следует разглядев ласси.

— Това? — ахнула ласси. — Это правда ты?

Голубые глаза сделались еще больше.

— Откуда ты знаешь мое имя? — Ее взгляд уперся в белую парку ласси, и румянец пропал со щек. — Где ты взяла эту парку?

— Она принадлежит моему брату Хансу Петеру.

— Так ты... ой, ты, должно быть, самая младшая, маленькая пика!

Това подтянулась, перевалилась через подоконник и почти упала ласси в объятия. Они обнимались, целовали друг друга в щеки и плакали.

— Такое ощущение, будто я тебя сто лет знаю, — сказали обе одновременно.

От этого они снова расхохотались и расплакались. Това потребовала рассказать о том, где Ханс Петер и как у него дела. Ласси хотела знать, почему Това служит во дворце.

Отрезвленная вопросом и вестями, что Ханс Петер благополучно сидит дома, хотя по-прежнему одержим заклятием, Това плюхнулась на снег рядом с ласси. Она погладила пальцами вышивку на белой парке.

— Я изменила узор, чтобы Ханс Петер мог убежать от нее. Но я никогда прежде не занималась магией и не знала, получилось ли. Я пришла сюда в поисках него и попала. — Това пожала плечами. — Еще я надеялась полностью разрушить ее власть над твоим братом. — Она указала на часть вышивки вдоль рукава. — Это проклятие: даже смерть не освободит его. Ей надо, чтобы он ее любил, думал только о ней, вечно.

— Ты такая хорошая! — Ласси стиснула руки Тovy, из глаз хлынула новая волна слез. — Мне бы так хотелось сделать то же самое, но если ты

провела здесь годы и ничего не узнала... — Ласси вздохнула, чувствуя, что все еще безнадежнее, чем прежде. — Я даже не догадалась, что медведь в столовой и мужчина в моей постели — одна и та же персона.

На это Това хихикнула:

— Ханс Петер разговаривает во сне. Я задавала ему вопросы, а он отвечал, принимая беседу за часть сновидения.

— О. — Ласси обдумала услышанное. — Это объясняет, почему Торст и Аскель всегда жаловались, что им приходится делить с ним комнату.

Това снова рассмеялась. Несмотря на грусть в глазах, в душе она была веселая. Ласси прикинула, что она уже почти десять лет в услужении у троллей. Должно быть, ей скоро тридцать, при всей ее молодости.

— А потом мы передавали друг другу записки, — продолжала Това, понизив голос. — Когда он становился человеком, ровно перед тем как войти в мою спальню, он оставлял письмо в гостиной. И я ему там же оставляла. Слуги не знали, а то принцесса пронюхала бы. — Она помолчала, улыбаясь воспоминаниям. — Ты так и не нашла парку своего принца?

— Его парку?

Това ущипнула белый меховой манжет:

— Это Ханса Петера, у твоего принца тоже есть такая. Если бы мы могли ее переделать, как я переделала эту, он бы освободился. Но времени мало, они должны пожениться завтра в полдень.

— Погоди, ты хочешь сказать... — Ласси почувствовала себя еще глупее, чем раньше. — Так это парка вызывает превращение?

— А ты не знала?

Ласси в ответ лишь покраснела, но тут ее осенила одна мысль:

— Как же она делает такие красивые парки, если даже шерсть чесать не умеет?

— Тролли ничего сами не делают, — сказала Това, помотав головой. — Они не созданы естественным путем и могут только разрушать.

— Эразм как-то упоминал, что они не способны создавать вещи, поэтому их так завораживают человеческие инструменты. — Ласси сглотнула. — И я слышала легенды об их... дворцах. Ролло, мой ручной волк, утверждал, будто ледяной дворец пах тухлым мясом.

— Это правда. — Това поморщилась от отвращения. — Они забирают тысячи жизней, наполненных силой творения, которой у них нет, и возводят подобный дворец. Наверное, он учуял... зло. И парку с сапогами тоже не она шила, — продолжала Това. — Это делает слуга, причем из шкуры предыдущего мужа, не меньше.

Обе женщины вздрогнули.

— Затем она заколдовывает ленту, и ее пришивают. — Това провела пальцем по вышитой полосе.

Ласси покачала головой: природа троллей выходила за пределы ее понимания.

— Но шкура Ханса Петера... Ведь Ханс Петер жив.

— Она использовала обрезки от предыдущего, того же, из которого сделана эта парка, — объяснила Това, потемнев лицом. — Мне пришлось помогать горгулье, которая ее шила. Это было ужасно.

— Почему ты не сбежишь? — Этот вопрос терзал ласси с того момента, как она узнала Тovu. — Ханса Петера здесь нет, почему ты не уйдешь?

Това указала на ленту вокруг шеи:

— Из-за этого. Все слуги носят такие ленты. Именно так тролли узнают, где мы и чем заняты. Лента слишком близко к коже, ее не перешить. Кое-кто из слуг позволял мне поэкспериментировать с их лентами, но ничего не вышло. — Она хотела сказать что-то еще, передумала, потрясла головой, но потом все же сказала: — Наяда, фавн и кентавр попросили меня попробовать переделать их ошейники. Они умерли.

— О нет, — ахнула ласси и обняла Тovu. — По крайней мере, ты пыталась освободить их, — утешила она подругу, поколебалась, а потом спросила в лоб: — Как думаешь, ты могла бы переделать парку моего принца?

— Придется поторопиться. Тебя ведь не пускают во дворец днем?

— Нет, но я обменивала вещи на возможность побыть с ним ночью. А он не просыпался!

— Она подмешивает ему что-то в вино по вечерам, чтобы он спал, — сказала Това. — С тех пор как Ханс Петер бежал, она предпринимает больше предосторожностей.

— Почему она вообще играет с ними подобным образом? Зачем заставляет проводить целый год в шкуре избьорна, да еще в нашем обществе?

— Хороший вопрос, — откликнулась Това. — Я потратила два года на поиски того, кто смог бы на него ответить. Судя по всему, первый человеческий принц, которого она окрутила, вырвал у нее обещание, что она предоставит ему и любому, кто придет за ним, шанс на спасение. Если принц найдет кого-то, кто проживет с ним — днем зверем, ночью невидимым мужчиной — целый год, то он свободен.

— По-моему, это даже более жестоко, чем просто красть их и жениться сразу, — сказала ласси.

— Такова природа троллей, — просто сказала Това. — Мне не позволено разговаривать с твоим принцем. Но я готовлю ему подносы с едой. Спрячу в одном записку и предупрежу его, чтобы не пил сегодня вина. И посмотрю, не удастся ли мне отыскать его парку. Парку твоего брата я нашла скорее благодаря везению, нежели уму. Он не давал мне спать, разговаривая во сне, я расхаживала по комнате и однажды ночью споткнулась о нее.

— Но как ты узнала, о чем здесь говорится? — Ласси провела пальцами по вышивке. — Для меня бы это не значило ничего, не научи меня Ханс Петер тролльским символам.

— Мой отец был капитаном «Морского дракона», — объяснила Това. — Он и раньше сталкивался с троллями и научил меня рунам — так они называются.

— Он учил и Ханса Петера?

— Скорее всего. Они уже много дней торчали на одном месте, застряв во льдах, когда их обнаружила принцесса троллей. Большая часть экипажа погибла. — Лицо Товы сделалось печальным. — Я навещала родителей спустя несколько месяцев после того, как поселилась в ледяном дворце. Отец думал, что Ханс Петер тоже умер.

Ласси обняла Тову одной рукой, утешая.

— Разумеется, — продолжала Това, — отец мой теперь богатый торговец и владеет множеством кораблей. — Тон ее был горек.

Не успела ласси ответить, как обе юные женщины подпрыгнули, услышав голос тролля из глубины дворца:

— Эй, ты! Недоумка!

— Это я, — натянуто улыбнулась Това.

Они снова обнялись. Това вскарабкалась по снежному наносу под окном, а ласси посадила ее, помогая забраться внутрь.

— Прости, — вскрикнула она, когда Това полетела вверх тормашками на пол гостиной принцессы Индейл.

Това со смехом вскочила на ноги и отряхнула юбки.

— Со мной все в порядке. — Она быстро огляделась. — Я оставлю это окно открытым. Продолжай прясть, чтобы заключить сделку на сегодня. Если она не придет через несколько минут, я придумаю, как ее заманить. И переправлю записку принцу.

Она убежала в ответ на все более визгливый зов. Ласси уселась обратно и продолжила прясть.

Спустя некоторое время притащился Ролло.

— Ты все еще тут сидишь? И ничего не высидела? Прошло уже несколько часов.

— Ролло! — Ласси бросила веретено и ухватила его за меховой воротник. Она была так возбуждена, что поцеловала его в нос, отчего волк чихнул. — Мне не терпится рассказать тебе...

— Ничего, потерпишь, — проскрежетал голос откуда-то сзади. — А сейчас продолжай прясть.

Ласси резко обернулась, но в окне за спиной было пусто. Она услышала покашливание, словно у нее над головой по камню провели напильником. Подняв глаза, девушка оцепенела. Окна на втором этаже были заполнены троллями. Казалось, весь двор, за исключением собственно принцессы, собрался поглазеть на ласси. Приказ, как и кашель, исходил от самой королевы.

Она повелительно наставила на ласси палец:

— Продолжай. И повернись лицом к нам.

Дрожа, ласси повиновалась. Когда на веретене набралось достаточно более или менее ровной нити, ласси подняла его, чтобы двор полюбовался. Они похлопали и начали отходить от окон. Опасаясь, что королева тоже сейчас уйдет, ласси присела в глубоком реверансе.

— Ваше величество, могу ли я просить о милости?

— Чего тебе?

— Ваше величество столь мудры, — осторожно начала ласси. — Вы наверняка знаете, что я обменивала свое имущество и мастерство на возможность провести две последние ночи с нареченным принцессы Индейл.

— Я слышала. — Покрытые красным лаком ногти королевы забарабанили по подоконнику.

— Мне подумалось, что, поскольку вашему величеству доставило такое удовольствие наблюдать, как я пряду, то... может быть... я заслужила... еще одну ночь? Я отдам вашему величеству это золотое веретено и тонкую нить, которую напряла.

— Очень хорошо. — Королева троллей повела ладонью. Веретено выскочило у ласси из руки и перелетело к троллихе. — Явись на закате к парадным дверям. — Тут она погрозила пальцем. — Последний раз позволяю подобное, поняла? Завтра моя дочь с принцем поженятся, и больше никаких шашней с человеческими девицами.

— Разумеется. Ваше величество очень добры.

Ласси снова присела в реверансе, и окно со стуком захлопнулось.

— Быстро в пещеру, — приказала ласси Ролло.

— Что? Почему?

Ласси поддернула юбки и побежала, не глядя, последовал ли он за ней.

— Не хочу, чтобы принцесса видела, как я тут стою. Она может потребовать еще подарков, а у меня не осталось ничего, кроме грязных рубашек и драных чулок. Не хватало только разозлить ее сегодня.

— Ладно, но тогда ты расскажешь мне, что произошло, пока я спал?

— Да, я все тебе расскажу. А потом мне надо будет попытаться поспать. Впереди очередная долгая ночь.

Глава 31

Одетая в лучший из оставшихся нарядов, ласси шла за королевой и ее дочерью по залам золотого дворца. Обе троллихи ухмыльнулись ей, оставляя ее одну в покоях принца (Ролло не считался), но ласси улыбнулась в ответ. «Это должно сработать», — сказала она себе.

От волнения она снова не могла читать, и Ролло мерил комнату шагами вместе с ней. Прошло не больше часа, и в гостиную просунула голову Това, улыбнулась ласси и сказала, что передала записку.

— А если он ее не прочел, — прошептала она, — мне, наверное, удастся отыскать противоядие к сонному зелью.

— Спасибо тебе!

— Мне надо идти. — Това подмигнула и беззвучно притворила за собой дверь.

У ласси упало сердце, когда слуга-кентавр, как и в две предыдущие ночи, внес в комнату обмякшее тело принца. Но, скатив юношу на кровать, кентавр подмигнул ей, в точности как Това. Уходя, он даже нагнулся и погладил Ролло по голове.

— Ваше высочество? — Ласси мягко потрясла принца за плечо.

Глаза его внезапно распахнулись, и ласси ахнула. Он широко улыбнулся ей:

— Привет, моя ласси.

Не задумываясь, она бросилась ему в объятия. Он легко поймал ее, и они прижались друг к другу. Он целовал ее щеки и губы, а она припала к нему, смеясь и плача, как прежде с Товой. Но это было совсем другое дело.

— Просто не верится, что ты и есть мой избьорн, — сказала она наконец.

— А мне не верится, что ты проделала такой путь, — откликнулся он. — Как ты попала сюда?

— Я скакала на конях, одолженных мне тремя старыми женщинами, которые тоже любили и потеряли своих избьорнов. Затем я летела верхом на ветрах — восточном, западном, южном, а северный принес меня сюда, — под конец перечисления ей не хватило воздуха.

Принц крепко стиснул ее в объятиях:

— Тысячу раз спасибо тебе. Ты забралась в такую даль. Видеть тебя и говорить с тобой в человеческом облике — больше, чем я мог надеяться. — Затем его темные брови сошлись на переносице, лицо затуманилось. — Но

завтра я должен жениться на Индейл.

— Должен быть выход.

Принц покачал головой, сжав губы. Он поудобнее устроил девушку у себя на коленях, а она обняла рукой его широкие плечи.

— Даже если удастся выбраться из дворца, нам ни за что не миновать стражу. Да и с острова пути нет.

— Мы обязаны что-нибудь придумать. Должен быть выход. И для нас, и для Товы.

— Товы, девушки-горничной?

— Да. Когда мой брат Ханс Петер избьорном жил в ледяном дворце, Това была с ним. Она последовала за ним сюда, но ему удалось бежать.

Принц удивленно поднял брови:

— Как?

— Това переделала вышивку на его парке. Я покажу тебе.

Ласси спрыгнула с его колен и, поспешив в другую комнату, схватила парк со стула, на котором оставила. Принц зажег в спальне еще свечей и внимательно изучил вышитые полосы.

— А, очень умно. Будучи избьорном, я не мог разглядеть подобные детали как следует.

— Почему ты не смотрел на них ночью?

— Заклятие. Ночью, в человеческом облике, я мог очень немного. Сон быстро овладевал мной. Меня хватало только на то, чтобы попрыгать свечи, прежде чем засну. — Он улыбнулся ей, и внутри у нее все перевернулось.

— Если б у меня хватило сил одолеть троллей и вывести тебя отсюда невредимым... — Она вспомнила и щелкнула пальцами. — У тебя есть парка? Това может ее переделать.

Но он покачал головой:

— Ее забрали сразу по прибытии сюда.

— Должен быть способ, — не сдавалась ласси. — Ветры, принесшие меня сюда, старые тетушки, вручившие мне дары, благодаря которым я попала внутрь, — все они надеялись, что я сумею одолеть принцессу. А также мой брат и Това. Они заслужили счастье.

— А ты? Разве ты не заслуживаешь счастья? Уходи, пока еще можно, — пусть хоть ты на воле останешься.

— Я не смогу жить, сдавшись.

Он кивнул:

— Вот потому я тебя и люблю.

У нее перехватило дыхание.

— Любишь?

— После стольких дней, проведенных в разговорах о твоей семье, после всех ночей, когда я лежал рядом и слушал твое дыхание... как я мог не полюбить тебя?

Они снова поцеловались.

Очнулись они от стука и деликатного покашливания. В дверях гостинной стояла Това с мечтательной улыбкой, сияя голубыми глазами.

— Привет! — Смущенная ласси вскочила.

— Това? — Принц поднялся на ноги с куда большим изяществом, но ласси мысленно порадовалась, что и он покраснел. — Как видишь, я последовал твоему совету насчет вина.

— Превосходно, ваше высочество. Надеюсь, Индейл не заметила?

— Не заметила. — Он покачал головой. — Я старательно опрокидывал кубок в большую вазу в задней части помоста. Или проливал, прикидываясь, будто вино уже действует.

— Bravo! — Това захлопала в ладоши, затем вынула из кармана передника нитку с иглой. — Посмотрим, чем я могу вам помочь.

Но ласси с принцем дружно покачали головой.

— Со времен пребывания в шкуре избьорна у меня осталось лишь это. — Юноша подошел к сундуку, открыл его и широким жестом извлек оттуда мягкую льняную ночную рубашку. На одном плече виднелось желтое пятно воска. — С этим можно что-то сделать?

У Тovy опустились уголки губ.

— Я не умею составлять заклинания, только изменять уже наложенные.

Ласси не могла отвести глаз от пятна. Оно маячило перед ее взглядом, напоминая о той ночи: запах трав в свече, тепло спальни, золотой свет, падающий на лицо принца. Она думала о ледяном дворце и о резьбе, над которой корпела в поисках ответа.

— О. О, о, о! — Она защелкала пальцами, чтобы перебить принца и Тovu, которые обсуждали возможность бегства для одной ласси.

— Что такое? — Принц повернулся к ней. — Что не так?

— Свадьбы троллей! — Это было все, что ласси могла сказать в тот момент. Мысленно она перебирала прочитанное на одной из колонн в большом зале ледяного дворца. — Тролли не способны к созидательному труду!

— Верно, — озадаченно согласился принц.

— Они могут делать вещи чистыми? — Ласси посмотрела на Тovu. — В ледяном дворце были стиральные доски. И по-моему, я видела там медное корыто.

— Ты права, — согласилась Това. — Но я не понимаю, какое отношение это имеет к свадьбам...

— Я разобрала описание свадьбы на колонне в ледяном дворце, — зачастила ласси. — Часть церемонии заключалась в том, что жених и невеста просили друг друга доказать свою готовность к браку. Невеста попросила жениха «доказать ей свою мужественность», поэтому он убил быка. А он попросил ее всегда быть красивой или еще что-то такое, и она произнесла заклятие, которое сделало ее красивой или еще красивее. Думаю, речь шла о королеве троллей и ее супруге.

Принц уловил нить ее рассуждений:

— О чем мне ее попросить? Чтобы она меня отпустила?

— На это она не пойдет, — перебила Това. — Наверняка об этом ее просил каждый из женихов.

— Заставить ее сделать нечто такое, чего она сделать не в состоянии, — сказала ласси. — Если она не сумеет выполнить просьбу, брак недействителен. — Она указала на ночную рубашку, по-прежнему зажатую в руках у принца. — Попроси ее отстирать это добела.

— Принцесса не любит проигрывать, — предостерегла ее Това. — И королева тоже.

— Заключение сделки связывает троллям руки. — Ласси повернулась к принцу. — Сначала вымани у нее обещание выполнить твою просьбу либо же отпустить тебя. А потом попроси ее отстирать рубашку.

Принц медленно кивнул:

— А ведь может и получиться.

Това окинула ласси одобрительным взглядом:

— Я бы до такого не додумалась. Но и к побегу подготовиться необходимо. Нельзя поручиться, что ее высочество не обрушит на вас свой гнев.

— Тоже верно. — Ласси вздохнула. — Вот бы посмотреть! Но мне-то, скорее всего, придется ждать снаружи. — Она стиснула кулаки. — Мы и тебя вытащим.

Това только покачала головой и печально улыбнулась девушке:

— С меня довольно просто увидеть, как она потеряет еще одного.

— Да, ласси, ты должна ждать на берегу. — Принц бросил ночную рубашку на кровать и взял любимую за руки. — Встань на берегу и смотри на юг. Если почувствуешь хоть легчайшее дуновение ветра, позови его.

Това бросила взгляд на часы на каминной полке и нахмурилась:

— Я лучше пойду. Принцесса может послать за мной.

Она обняла их обоих и Ролло тоже. Затем волк изъявил желание

полежать у огня в гостиной. Выходя, он задней лапой прикрыл за собой дверь в спальню.

— Ему всегда нравился камин в гостиной, — заметил принц.

— Да, он очень ленивый, — согласилась ласси, неловко разглядывая собственные руки.

Они оказались одни в спальне, и никакой колдовской сон им теперь не грозил.

— Ты очень...

— Я как раз сообразила...

Оба рассмеялись.

— Ты первая, — сказал принц.

Он присел на краешек кровати и зашаркал ногами по коврику, скрывая волнение.

— Я как раз сообразила, — повторила ласси, — что даже не знаю, как тебя зовут.

— О. — Он скорчил гримасу и засмеялся. — Прости. На самом деле я немного стесняюсь. Моя мама, как и твоя, обожает старые сказки. Я принц, но не первенец. Я третий.

Ласси застонала:

— Только не говори, что твое имя Аскеладден!

— Достаточно близко: я Аспен.^[12] Отец считал имя Аскеладден слишком глупым и романтичным. К тому же всегда остается вероятность, что с братьями что-нибудь приключится и королем придется стать мне. «Король Аскеладден» было для отца слишком. Да и для матери, честно говоря, тоже. Хотя, конечно, нам обоим следует поблагодарить ее за пристрастие к глупым сказкам, а не то мы бы с тобой никогда не встретились.

— Что? — Освоившись, ласси уселась рядом с ним на кровать. — Почему?

— Даже до Христиании дошли рассказы о девушке в лесах, которая умеет разговаривать с животными. Мама была до них сама не своя. Вот почему я искал именно тебя. Имея возможность разговаривать с тобой в медвежьем обличье, я рассчитывал рассказать тебе, в чем дело. Не получилось, но я все равно рад, что нашел именно тебя.

— Я тоже. — Ласси накрыла его ладонь своей. — Может быть, теперь, когда мой брат и мать живут в Христиании, мы сможем иногда видеться, когда доставим тебя домой.

— Ты о чем это? — Он отстранился, нахмурившись. — Разумеется, мы будем видеться, мы же...

Девушка покачала головой, догадываясь, что он собирается сказать.

— Ты принц. Принц моей собственной страны! Я знаю, что это значит. Ты женишься на прекрасной даме. А я, если мне повезет, выйду за хуторянина или дровосека, как мой отец. Аскель вынашивает планы сосватать меня за одного из его богатых городских друзей, но вряд ли я стану его слушать.

Принц в свою очередь замотал головой:

— Нет-нет! Я не могу просто взять и отпустить тебя, ведь ты спасла мне жизнь! И, кроме того... я люблю тебя! — Он обнял ее и нежно поцеловал.

У ласси выступили слезы на глазах. Такое она и вообразить себе не могла. Тролли и исьборны — это всего-навсего ожившие сказки. Но чтобы кто-то — принц! — полюбил дочь дровосека, которую собственная мать любила так мало, что даже имени ей не дала...

— Хочешь... хочешь узнать мое имя?

Принц отодвинулся и уставился на нее в изумлении.

— Я думал, у тебя его нет. — Он покраснел от смущения. — Конечно же, у тебя должно быть имя.

— Я обрела способность разговаривать с животными с тех пор, как поймала белого оленя. Он дал мне имя, но я никогда никому его не называла.

Аспен взял ее за руки и по очереди поцеловал их.

— Почту за честь, — прошептал он едва слышно.

Нагнувшись близко-близко к его уху, ласси выдохнула свое имя.

— Это самое красивое имя, какое мне доводилось слышать. — Принц крепко прижал ее к груди. — Спасибо тебе, Беллалис.

Глава 32

«Разумеется, — подумала ласси наутро, — поскольку тролли способны только разрушать, следовало догадаться, что принцесса разрушит наши планы». Во рту стоял горький привкус, и очень хотелось сплюнуть. Но нечестно было заставлять бедных, запертых в ловушке слуг убирать за ней, поэтому ласси просто кривилась.

— Ну-ну, — закудаhtала принцесса Индейл, помахивая унизированной кольцами рукой, — к чему такой кислый вид? Ты испортишь весь эффект! — Она отступила на шаг, чтобы обозреть дело рук своих.

Ласси и Това стояли бок о бок в гардеробной принцессы. Прибыв утром в покои Аспена, принцесса троллей не позволила ласси уйти. Вместо этого Индейл с ледяной улыбкой настояла, чтобы ласси сопровождала ее на свадьбе. Теперь девушка была одета в зеленое атласное платье, а Това — в голубое. Протестующего Ролло зачихали в ванну. Затем его серую шерсть расчесали, а на шею повязали большой зеленый бант.

— У меня никогда еще не было подружек невесты из людей. — Принцесса троллей потеряла руки. — Все придворные дамы обзавидуются!

— Уверена, вашему высочеству и так уже завидуют все, кто видит вас, — сделала книксен Това.

Ласси вытаращила на нее глаза.

— Привычка, — шепнула ей подруга уголком рта.

Принцесса пригвоздила ласси взглядом. Девушка стиснула зубы, присела и пробормотала что-то, как она надеялась, способное сойти за комплимент. Индейл вроде бы осталась довольна и вернулась к любованию собой в громадном зеркале, занимавшем всю дальнюю стену.

Для свадьбы принцесса троллей облачилась в наряд из белого атласа. Нижняя рубашка была из золотой тафты, а лиф усыпан рубинами и жемчугом. Рыжие волосы умастили маслом, завили и уложили так, чтобы тяжелая корона с рубинами смотрелась наилучшим образом. На щеках принцессы пылали румяна, очень странно смотревшиеся на зеленовато-серой коже, а лиловый язык непрестанно слизывал с губ наложенную толстым слоем розовую помаду.

— Меня сейчас стошнит, — шепнула ласси Тове.

— Я все слышу, — рявкнула принцесса, резко оборачиваясь. — Если любая из вас хоть чем-то испортит мне свадьбу, повешу обеих за ноги на самой высокой башне.

— Да, ваше высочество, — присела Това.

— Да, ваше высочество, — повторила за ней ласси.

— То-то же.

В дверь негромко постучали.

— Если ваше высочество готовы, то двор ждет внизу, — произнес лакей-фавн.

— А мой принц готов?

— Готов, принцесса.

Индейл ухмыльнулась ласси:

— Хорошо.

Това бочком скользнула к ласси и под прикрытием пышных юбок взяла младшую подругу за руку. Ласси стиснула ее ладонь. Это был единственный способ удержаться и не броситься на принцессу троллей, чтобы задушить ее одной из ниток жемчуга, напыленных тщеславной тварью.

Ухмылка принцессы Индейл стала еще шире, словно она угадала мысли девушки. Она встала и щелкнула пальцами. Одевавшие ее пикси подлетели, держа тяжелый плащ из алого атласа, подбитого мехом исбьорна. При виде плаща Ласси стиснула зубы, гадая, не из бывших ли мужей принцессы он сделан. Перехватив ее взгляд, принцесса погладила мех, а затем жестом велела пикси накинуть плащ на ее широкие плечи.

Индейл выплыла из гардеробной, за ней летели пикси, придерживая края плаща. Ласси и Това шли следом, а за ними — женщины разных племен в ливреях. В коридоре к ним присоединилась дюжина жутких юных троллих, облаченных в вычурные наряды из шелка и бархата и увешанных драгоценностями. Они чуть не лопались от волнения по поводу свадьбы. Свита невесты прошествовала через весь дворец в большой бальный зал, где должно было состояться бракосочетание принцессы троллей и человеческого принца.

Бальный зал был украшен длинными знаменами с гербом троллей, изображающим исбьорна и зазубренный меч. Музыканты на высокой галерее напротив помоста играли свою странную музыку. На помосте, сверкая канареечно-желтыми кудрями, стояла королева троллей, облаченная в синее платье, отделанное мехом исбьорна и разукрашенное бриллиантами и серебряной вышивкой. Она протянула руки к дочери, и та прошла сквозь толпу и обняла мать. Ласси и Това заняли свои места на одной стороне помоста, и все повернулись ко входу в ожидании принца.

Он вошел, чеканя шаг, в сопровождении дюжины молодых троллей. Было не совсем ясно, свита это или охрана, — скорее всего, и то и другое.

Белую тунику оттенял алый плащ, на голове сиял золотой обруч.

Принц Аспен занял место рядом с принцессой троллей на помосте, не взглянув ни на ласси, ни на Тову. У девушки от его близости и явного безразличия сжалось сердце, но она напомнила себе, что он нарочно притворяется. Новобрачные взялись за руки и повернулись лицом к королеве. Они представляли собой комичную пару: троллиха с длинным носом и выпученными глазами и юный красивый жених ниже ее на две головы.

Королева троллей подняла руки:

— Возрадуйся, народ наш! Протомившись в одиночестве дюжину лет, наша возлюбленная принцесса, прекрасная Индейл, нашла наконец принца, достойного ее!

Придворные подняли чудовищный вой. Они топали ногами и хлопали в громадные ладони, создавая ужасную какофонию. По крайней мере, большинство из них. Ласси заметила, что тролли, одетые в шкуры и мох, только нахмурились.

— А теперь на глазах у собравшихся, самых могущественных среди нашего могущественного народа, я соединю этих двоих. — Королева троллей накрыла сцепленные руки принца и принцессы своими ладонями. — По обычаю нашего народа вы будете едины до тех пор, пока один из вас не сойдет во мрак, — нараспев произнесла она. — До этого мрачного дня, принц Аспен из рода людей, что ты можешь предложить принцессе Индейл?

— Я предлагаю ей все, что у меня есть: себя — до того дня, когда сойду во мрак, — монотонно произнес принц. — Клянусь защищать ее честь, буде она окажется попорана. Клянусь любить ее, почитать ее и подчиняться ей до конца моих дней. — Он явно вызубрил речь наизусть.

Тролли снова завывали, хотя на сей раз не так бурно. Кое-кто уже заскучал, а мрачные старомодные тролли нахмурились еще сильнее. Возможно, эти слова они слышали от всех принцессиных мужей на протяжении долгих лет.

— А ты, принцесса Индейл из страны льда и снега, что ты можешь предложить принцу Аспену?

— Я обещаю быть ему хорошей женой, любить и почитать его всю его жизнь, — пролепетала троллиха с жеманной улыбкой.

Ласси содрогнулась, уловив ударение на словах «его жизнь». Принцесса и все присутствующие знали, что она надолго переживет Аспена, но это никого не волновало. Ну, по крайней мере, никого из троллей. У принца заиграли желваки на щеках, и Тоба снова стиснула руку

ласси.

— Но в качестве подтверждения ее женской сноровки, — произнес Аспен, — я хочу, чтобы моя невеста выполнила одну мою просьбу.

Весь зал застыл. Ласси почувствовала, как по позвоночнику под атласным платьем ползет струйка холодного пота. Затем тролли приглушенно загомонили. Похоже, ничего подобного никогда прежде не случалось.

Принц вскинул руку, и сквозь толпу троллей-зрителей протолкался кентавр. Тот же самый, что относил Аспена в постель. Он нес медный таз с водой, а на локте у него висела маленькая корзинка. С цветистым поклоном он опустил свою ношу на помост.

— Даже при наличии слуг для такой работы хорошая жена должна уметь стирать мужу рубашки — в доказательство супружеской преданности, — объявил принц. — Так говорят в моем народе.

Това негромко фыркнула, а ласси в ответ чуть сжала ее ладонь. Будь слова принца правдой, многим женам пришлось бы несладко.

— Он портит церемонию! — крикнул большой тролль в розовом атласном жилете.

Прочие согласно зашумели.

— Таков и *наш* обычай, или вы и об этом забыли? — гаркнул в ответ один из поросших мхом троллей. — Продолжай, человек!

И Аспен продолжил:

— Вот у меня тонкая ночная рубашка, которую я очень люблю. Плечо запачкано воском. Если ее высочество окажет мне любезность и отстирает рубашку дочиста без помощи магии, тем самым она докажет мне, что она хорошая жена.

— Но я никогда не занималась ничем настолько обыденным, — запротестовала принцесса Индейл. — Наверняка у тебя есть какое-нибудь иное желание. Я с удовольствием поколдую для тебя.

Она взмахнула рукой, и на ладони у нее появилось кольцо с бриллиантом. Она гордо протянула его принцу. Тот взял его и надел на палец, словно не бог весть какое сокровище. Повернувшись к старомодному троллю, который кричал ему «продолжай», Аспен спросил:

— Разве не в ваших обычаях выполнять первое высказанное желание?

— Верно, — подтвердил тролль. У него был только один глаз, второй закрывала повязка размером с целую кроличью шкурку. — Каждый имеет право потребовать и выполнить одно желание. Она должна выстирать рубашку. Без колдовства.

— А если она не справится, брак признается недействительным? —

Голос принца звучал бесстрастно, словно ответ его не особенно интересовал.

— Верно.

— Спасибо, лорд постельничий.

— Я сейчас в обморок грохнусь, — прошептала Това, не двигая губами.

— Кто бы говорил, — сдавленно отозвалась ласси.

Вскинув голову, принцесса Индейл прошествовала к тазу. Она щелкнула пальцами, слуги принесли стул и подняли таз на удобную для нее высоту. Из корзинки она извлекла рубашку и кусок мыла и окунула их неуклюжими руками в воду. Видя ужас на лице принцессы троллей, ласси почти жалела ее.

Почти. Но не совсем. Она думала о Хансе Петере, Аспене и всех других, погибших до них. Она думала об Эразме, Фионе и мадам Грей, канувших в ночь. Она вспоминала трех тетушек и бесконечный холод, который тролли наслали на ее родину. Стиснув руку Товы — Товы, которая останется здесь навсегда, тогда как они с Аспеном сбегут, — ласси подалась вперед, чтобы лучше видеть.

Пятно на белой рубашке не отстирывалось. Вместо этого оно почернело и начало расползаться по льняной ткани. Чем сильнее принцесса терла, тем темнее и больше становилось пятно. Лицо принцессы приобрело уродливый багровый оттенок, соперничая с ее румянами. Из прически выбились локоны, и она сердито отбросила их за спину. Кольца на пальцах цеплялись за мягкую ткань, поэтому она сорвала их и отшвырнула.

Ролло нагнулся и взял два из них в пасть, а затем вложил ласси в свободную ладонь. Ласси оглянулась и увидела, как кентавр убирает несколько штук в карман камзола. Поймав ее взгляд, он еле заметно улыбнулся.

Принцесса Индейл запрокинула голову и завывала. При этом корона свалилась у нее с головы вместе с волосами. Красные кудри оказались всего лишь париком, под которым из голого черепа торчали редкие кустики грубой серой шерсти. Ласси не сдержалась и ахнула, достаточно громко, и принцесса ее услышала.

— Ты! — Она наставила на девушку длинный палец, с которого капала вода. — Это ты виновата, я знаю! Ты ужасная тварь, зачем тебя принесло сюда? Ты все испортила! — Она бросилась к ласси.

Ролло прыжком встал перед хозяйкой, вздыбив шерсть и оскалив зубы. Това сдернула с пояса маленький ножик и шагнула вперед. Сама ласси гордо выпрямилась, сжав кулаки и высоко подняв голову:

— Каким это боком я виновата в твоём неумении выполнять простейшую женскую работу?

Принцесса с визгом протянула к обидчице когтистые руки. Ролло зарычал и вцепился зубами в юбку Индейл, оторвав большой кусок.

— Дочь, возьми себя в руки! — Голос королевы был как удар бича. — Незачем ссориться. — Она обняла дочь одной рукой за плечи, утешая. — С людьми мы потом разберемся, с каждым по-своему. — Она наградила масляной улыбкой Аспена и куда более злобной — Тову и ласси. — А теперь попробуем еще разок.

Мать с дочерью опустили руки в мыльную воду. Каждая сгребла половину почерневшей рубашки и принялась изо всех сил тереть о стиральную доску. За несколько мгновений вся рубашка почернела как смоль. Королева терла так усердно, что ее собственный парик сбился набок, открыв щетину белых волос. От усилий у нее потекло из носа и закапало в грязную воду, еще больше портя ее.

— Стоп! — Принц вскинул руки. — Ясно как день, что ты неспособна выполнить даже это единственное простое дело, — обратился он к Индейл. — По законам твоего собственного народа данный брак недействителен. Я женюсь только на той, кто сумеет отстирать мне эту рубашку. — Под рев и вой тролльского двора он повернулся и поманил ласси. — Почему бы тебе не попробовать?

Ласси сглотнула. Они так не договаривались. На ее взгляд, рубашка была безнадежно испорчена, и она прикидывала, не пытается ли принц таким образом избавиться заодно и от каких бы то ни было обязательств перед ней.

Това ткнула ее локтем в бок, и она, спотыкаясь, подошла к краю помоста. Принцесса Индейл завизжала, что сделает пару сапог из принца и пояс из того, что останется от ласси, после того как она до нее доберется. Королева злобно таращилась на девушку и ворчала, но затем на лицо ее вернулась тошнотворная улыбка. Она кивнула в знак согласия, явно уверенная, что ласси нипочем не исправит урон, нанесенный рубашке троллями.

— Пожалуйста, принесите мне воду и еще мыла, — попросила ласси кентавра.

Тот трусцой выбежал из зала и спустя минуту вернулся, широко улыбаясь. Принесли новый стул и поставили на него таз. Ласси попросила у Товы ее поясной ножик, затем вынула заляпанную рубашку из грязной воды и осторожно погрузила ее в чистую. Найдя на плече исходное пятно застывшего воска, она осторожно отскребла его ножиком, как ее учила

Йорунн. Затем убрала нож, намылила рубашку и опустила ее в воду. Расправив ткань на доске, она принялась тереть, надавливая плотно, но мягко, как научилась в детстве, а затем окунула снова, чтобы прополоскать.

Сквозь мутную пенную воду ласси видела, что рубашка постепенно белеет. Принцесса Индейл тоже заметила перемену.

— Он мой! — взвизгнула троллиха и наставила шишковатый палец на рубашку.

Раздался удар молнии, и сила, направленная Индейл на рубашку в нарушение ее обещания, отскочила и ударила троллиху в лицо.

Принцесса троллей рухнула на пол. Мертвая.

— Нет! — прохрипела королева и бросилась на девушку.

Ласси вскинула снежно-белую рубашку, как щит. Стоило королеве коснуться ткани, как она заорала еще громче:

— Жжется!

Она осела на пол, обнимая обожженными руками перекрученное смертной судорогой тело дочери, и завывала, совершенно обезумев.

— Моя доченька, моя красавица-доченька, — стонала королева троллей. Лицо ее так побледнело, что ласси видела, как под кожей пульсирует кровь. — Доченька моя, доченька. — На подбородке у королевы повисла длинная зеленая слюна.

Ласси затошнило от ужаса, ей пришлось зажать уши, чтобы этого не слышать. Тролли завывали, затопали ногами и бросились к помосту. Кто-то присел возле ласси на корточки и обхватил ее руками: Аспен. Затем она почувствовала, как к ней прижался Ролло и еще пара рук присоединилась к объятию.

— Что будем делать?

— Не шевелитесь, — ответил Аспен. — Попробуем ускользнуть, как только они...

— Убить людей! — заорал один тролль, и остальные подхватили: — Убить их! Убить людей!

Люди и волк отпустили друг друга и вскочили на ноги. Ролло оскалил зубы, а Това с принцем вытащили ножи. У ласси имелись только кулаки, и она напялила принцессыны кольца на два пальца, чтобы утяжелить удар. Этому приему она научилась у Аскеля.

— Нет! — К помосту протолкался одноглазый постельничий. — Это не из-за людей мы до такого докатились — виной всему наше собственное тщеславие! — Он обвел зал сердитым глазом. — Наряды! Драгоценности! Слуг завели, во дворцах живем! Хуже того: наповадились брать себе мужей из людей! Три тысячи лет наша королева правила на крайнем севере, а

теперь из-за извращенных вкусов дочери утратила рассудок!

Молодые тролли обиделись на это и ринулись на постельничего. Его сторонники, облаченные в мох и шкуры, встали на защиту вожака. Не слишком-то он в ней нуждался: ласси увидела, как он без малейшего усилия протянул руку и оторвал голову молодому троллю, раздетому в лавандовый шелк. Кое-кто из троллей в человеческой одежде сорвал свои камзолы и платья и присоединился к постельничему, и вот уже весь зал превратился в мешанину воющих, кусающихся, рычащих, дерущихся троллей.

— Бежим! — крикнул Аспен, перекрывая гвалт.

Пригнувшись, он схватил за руки ласси и Тову и повлек их к одному из длинных окон. Кентавр уже ждал. Повернувшись, он взбрыкнул задними ногами и выбил стекло. Задвижка находилась на высоте роста троллей, и никто из людей не сумел бы до нее дотянуться.

Они выбрались наружу. Кентавр подождал, пока следом за людьми выпрыгнет Ролло, а потом выскочил сам. Другие слуги тоже разбежались: плотный поток фавнов, кентавров, пикси и прочих существ в голубых ливреях прокладывал себе путь из золотого дворца к южному берегу ледяного острова.

— Что с лентами? — задыхаясь от бега по острым кучам слежавшегося снега, спросила ласси.

— Их власть слабеет, — объяснил кентавр. — Я почувствовал это, когда королева обезумела.

Това с воплем рухнула на снег, споткнувшись о торчащую вверх острую льдину. Ласси упала рядом с ней на колени и задрала Товину юбку. В чулке зияла длинная дырка, а ссадина под ней сочилась кровью.

— И по-моему, я растянула лодыжку, — сказала Това.

Неожиданно она ахнула, и лицо ее налилось кровью. Она вцепилась в ленту на шее.

— Срежь ее! — в ужасе крикнула ласси Аспену.

Повсюду вокруг них слуги валились наземь, задыхаясь. Кентавр, кашляя, упал на колени.

— Лучше умереть, — прохрипел он.

Аспен сорвал с пояса нож и осторожно рассек ленту на шее у Тovy. Она тут же села, свободно дыша. Отшвырнула ленту и закричала от радости.

Ласси схватила нож Тovy и освободила кентавра, а потом лежавшего рядом фавна. Те в свою очередь кинулись освобождать остальных, пока все слуги, ликуя, снова не пустились бегом к берегу.

У них за спиной во дворце троллей нарастал шум. Това покачала головой.

— Просто оставьте меня, — сказала она. — Я потом выберусь.

— Я могу тебя нести, — предложил кентавр. Он нагнулся и подхватил ее, изогнувшись так, чтобы посадить женщину на широкую конскую спину. — Надо убраться отсюда прежде, чем иссякнут остатки королевской магии.

— Почему? Что случится? — спросила ласси.

Ответил ей Аспен:

— Дворец возвели с помощью колдовства. И остров тоже. Если магия королевы иссякнет...

Заканчивать ему не пришлось. Взявшись за руки, ласси и ее принц помчались по скользким холмам и впадинам. Ролло несся рядом, и кентавр с Товой не отставал.

— Ой!

Настала очередь ласси остановиться и вскрикнуть от боли. Но дело было не в ногах, а в руках. Принцессы кольца раскалились добела. Не успела девушка их снять, как золото расплавилось и потекло между пальцев, а драгоценные камни обратились в пыль. На пальцах остались красные ожоги в форме колец, но неглубокие. Аспен наскреб снега, чтобы успокоить боль. Ласси стиснула снег в ладонях, и они помчались дальше.

Они не оглядывались, пока не добрались до берега. К этому времени воинственные вопли троллей превратились в крики боли и страха. Золотой дворец таял так же, как принцессы кольца. Покраснев, а затем побелев от жара в свете бледного северного солнца, величественное сооружение осело и потекло, как воск.

Стоя на берегу в толпе одетых в голубые ливреи слуг, рядом с возлюбленной ее старшего брата и собственным принцем, ласси наблюдала падение великого королевства троллей. Когда все кончилось, она могла думать только о том, что промерзла до костей и что домой им не попасть. Длинные трещины уже зазмеились по острову: он и дня не продержится.

К ней с застенчивой улыбкой приблизился молодой фавн. Он скинул с плеч ее невредимый ранец и протянул хозяйке. Сверху была привязана парка Ханса Петера.

— Я нашел это, когда прибирался нынче утром в покоях принца, госпожа, — произнес фавн негромко.

— Ох, спасибо! — Ласси начала надевать ее, но затем остановилась. — По правде говоря, если она кому и принадлежит, то тебе. — Она протянула парку Тове.

— А ты можешь надеть мою, — сказал Аспен. Еще один фавн подошел к ним, держа в руках сверкающую белую парку с красными полосами тролльской вышивки на ней. — Вряд ли ты от этого превратишься в медведя.

— Но если ты не возражаешь... — неуверенно начала ласси.

— Да? — Он взял ее за руку.

— Может быть, ты бы надел ее — в последний раз — и увез нас отсюда?

Принц сжал зубы, услышав это предложение, но все-таки кивнул. Он натянул парку и сапоги, которые ему принес другой слуга, брауни.

Ничего не произошло.

— Чары разрушены. — Он снял парку и нежно закутал в нее любимую. — Придется поискать другой способ. Если мы доплывем до ближайшего ледяного поля, а потом согреемся насколько возможно...

— Вы замерзнете насмерть, — зазвучал голос со всех сторон.

— Северный ветер! — Ласси хлопнула в ладоши и тут же поморщилась, потому что ожоги заболели от хлопков. — Ты вернулся!

Ветер принял человеческий облик и встал перед ними — белый, серебряный и гордый.

— Я почувствовал, как ослабла хватка королевы троллей, и счел себя обязанным явиться и посмотреть, что случилось. — Он улыбнулся. — По правде говоря, я обретался недалеко. Надеюсь, что ты сумеешь ее одолеть.

— И ведь сумела же. — Аспен гордо улыбнулся девушке.

— Я могу отнести вас на юг, — сказал северный ветер. — Однако не всех.

Нахмурившись, ласси обвела взглядом собравшихся вокруг существ. Все они смотрели на нее. По их лицам бродили разные эмоции, от надежды до смятения и мрачной обреченности. Она покачала головой:

— Сколько из нас ты способен перенести в один присест? Я не полечу, если хоть одно из этих несчастных созданий останется.

— Согласен, — кивнул Аспен.

— И я, — подала голос Това.

Северный ветер задумчиво засвистел. Струйки воздуха завивались вокруг слуг, отрывая некоторых от земли, как бы взвешивая. Затем он оглядел ледяные поля, плавающие в стылой воде у берега.

— Я перенесу вас всех на льдины, а потом погоню их на юг. Не знаю, сколько времени это займет, но уверен, я смогу доставить вас в обжитые края. Дальше уж вы сами, разве что мои братья понесут вас по домам.

— Спасибо!

Мощный порыв холодного воздуха подхватил ласси, принца, Тову, Ролло и кентавра. Пятеро других рядом с ними вскрикнули, когда их тоже подняло. Без лишних слов северный ветер принялся перебрасывать беглецов на ледяные плиты для долгого пути на юг, прочь от ледяного острова, что лежит на восток от солнца, на запад от луны.

Эпилог

ПРИНЦЕССА ВО ДВОРЦЕ ИЗ ЗОЛОТИСТОГО КАМНЯ

К тому времени, когда ласси добралась до своей родины, в лесах и долинах Норвегии тролльская зима уже кончилась. Повсюду царила зелень, под елками пестрели цветы, а в ветвях пели птицы. Число ее спутников таяло: они отправлялись по домам. Наконец с ласси остались только Ролло, Това и Аспен. Они как раз огибали склон горы, где некогда Аскель с деревенскими охотились на белого оленя, когда Това остановилась.

— Не могу. — Лицо у нее побелело и застыло. Она прижала ладони к щекам. — Не могу.

Ласси подошла к ней и обняла подругу:

— Нет, можешь!

— Столько времени прошло. Последние десять лет я жила среди троллей, говорящих медведей, кентавров и...

— И какие же чудесные сказки ты будешь рассказывать вашим детям, — перебила ее ласси, чтобы остановить нарастающую истерику.

— Он меня не захочет, — зарыдала Това. — Посмотри на меня!

Они посмотрели. Даже Ролло прекратил гоняться за бабочками, чтобы ее рассмотреть. Щеки у нее были розовые, как всегда, хотя и немного обветренные за время странствия. Волосы выбились из косы, а голубая ливрея пребывала в плачевном состоянии — драная и заляпанная.

Аспен начал смеяться. Он раскинул руки, демонстрируя прорехи и потеки, запятнавшие его белый свадебный наряд. Он указал на ласси, которая выглядела не лучше. Ролло встряхнулся, и из его шерсти во все стороны полетели пыль и сосновые иглы.

— Мы все представляем собой жалкое зрелище, — сказал принц. — И ничего с этим не поделаешь.

— А вот это неверно, — заметила ласси, глядя вниз по склону, где в быстром ручье чернел большой валун.

— Как это?

— Оставайся здесь и не смей подглядывать, — велела она Аспену. Затем взяла Тову за руку и повела ее к ручью. — В моем ранце есть мыло и гребень. А в твоём — два красивых бюнада.

Пока принц с волком, как умели, приводили себя в порядок, две

молодые женщины смеялись и плескались, смывая грязь путешествия в холодном потоке. Они расчесали и заплели друг другу волосы, а потом ласси надела старую повседневную одежду Товы, а та облачилась в свадебный бюнад.

— Ты уверена? — прошептала Това чуть слышно, когда они поднимались обратно на тропу к принцу. — Уверена?

Ласси снова ее обняла:

— Ну да. Он ждал тебя все эти годы.

Они присоединились к Аспену и Ролло. Из трубы домика Ярла Оскарсона, стоявшего дальше вниз по тропе, вилась ленивая струйка дыма.

— Но у меня нет приданого, — сказала Това. — Все эти годы я прожила в золотом дворце, а даже монетки не скопила.

— Ты всерьез считаешь, что Ханса Петера это волнует? — Ласси поцокала языком. — Но если тебе так спокойнее... — Она вытянула из-за пазухи цепочку кармашков багряного атласа. Они так вытерлись, что пояс просто рассыпался, когда она сняла его перед купанием. — Не все драгоценности троллей были призрачными.

Повернув руку Товы ладонью вверх, она насыпала в нее кучу рубинов.

— Слышишь свист? Это Ханс Петер на крыше черепицу меняет. — Она взяла вторую ладонь Товы и наполнила ее жемчугом. — Вот тебе приданое, и вперед!

Това задержалась лишь на миг. Затем она чмокнула ласси в щеку и помчалась вниз по тропинке. Оставшиеся наблюдали с небольшого пригорка, как она выбежала на поляну перед домиком.

На крыше Ханс Петер перестал работать и всмотрелся в женщину, которая только что влетела во двор. Его белые волосы сияли на солнце, а лицо покраснелось от работы.

— Исбьорн, мой исбьорн, ты ли это?

Рубины струйкой потекли меж пальцев Товы на утоптанную землю возле колодца. Жемчужины с цокотом присоединились к рубинам, когда она простерла к нему руки.

С громким криком Ханс Петер съехал с крыши. Едва его ноги коснулись земли, он помчался к девушкам и с разбегу заключил Тову в объятия.

— Ох, я так рада. — По лицу ласси текли слезы. — Наконец-то он будет счастлив.

— А ты? — обнял ее Аспен. — Ты-то будешь наконец счастлива?

— Не знаю. — Она взглянула на него из-под мокрых ресниц. — Буду?

— Ну, я же везучий третий сын. Поэтому я заберу тебя домой, моя

принцесса Беллалис, которая умеет разговаривать со зверями, и стану ухаживать за тобой самым возвышенным образом у себя во дворце. Он не золотой, но выстроен из золотистого камня и на закате очень красив, как мне кажется.

— Мне с моим собственным избьорном везде будет хорошо, — ответила ласси.

И принц, некогда ходивший в медвежьей шкуре, притянул к себе девушку, некогда жившую без имени, и поцеловал ее. Затем, рука в руке, они неторопливо спустились по тропинке, готовые разделить радость ее брата, который и сам был заколдован, и их подруги, десять лет прослужившей во дворце королевы троллей.

Опираясь на трость, из дома вышел дровосек Ярл Оскарсон посмотреть, что за шум. Лицо его просияло от восторга, когда он увидел, что его старший сын обнимает свою утраченную возлюбленную, а младшая дочка держится за руки с прекрасным принцем. Ласси отбросила в сторону отцовскую трость и взяла отца за руку, а Аспен взял его за другую. Това с Хансом Петером замкнули круг, и все заплясали хороводом по двору, а Ролло влаивал и кувыркался в воздухе от радости.

И так они прожили много-много лет, счастливые и беззаботные, как птички на деревьях и цветы по весне.

Благодарности

Эта книга появилась на свет благодаря букве «ø». И букве «æ».

Я влюбилась в них с первого взгляда и просто не могла не выучить язык, к которому они принадлежали. Язык оказался норвежским, с его богатым наследием народных сказок о троллях, полярных медведях и умных юношах и девушках в поисках счастья. Я лишь надеюсь, что не оскорбила своих датских предков-кузнецов, избрав для изучения в колледже норвежский вместо датского.

По этому поводу я хотела бы поблагодарить моих учителей норвежского: профессора Сандру Штраубхаар, Генриетту Кристоферсон (тоже датчанку, говорящую по-норвежски) и Джастина Гэлоуэя. Я также хотела бы поблагодарить профессора Джорджа Тейта, который научил меня старонорвежскому и познакомил с такими изумительными персонажами, как Эгиль, Ньяль и настоящий Скарпхедин. Моя очарованность экзотическими буквами и завораживающими легендами Севера не только заводила меня в странные места, но и служила мне бесконечным источником радости. И я питаю самую глубокую любовь и уважение ко всем, кто вел меня на этом пути.

Большая благодарность также моему замечательному агенту Эми и моему дивному редактору Мелани за приведение рукописи в надлежащий вид и обуздание моей склонности вводить длинные бессмысленные описания людей, чешущих шерсть или чистящих яблоки. История эта происходила под внимательным взглядом моей писательской группы SLAG, кому я действительно обязана многим.

Моя сестра несколько расстроилась, что «Драконьи тапочки» посвящены не ей. Эта книга тоже посвящена не ей, поскольку совершенно особенная книга с ее именем на форзаце ждет публикации и я отказываюсь смягчать удар путем посвящения ей других книг, даже притом что она одновременно моя лучшая подруга и стилист. Мой муж, сын и остальные члены нашей безумной семейки также повлияли на написание этой книги, но им, как ни печально, она тоже не посвящена.

А посвящена она, и с большой любовью, моим дорогим любимым родителям. Пусть они закатывали глаза, когда я переключилась с театра на скандинавистику, но продолжали поддерживать меня (и оплачивать мое обучение!).

И знаете что? Скандинавистика в долгосрочной перспективе оказалась

полезнее. Многие годы они мирились с моей страстью ко всему норвежскому, и эта книга, надеюсь, поможет мне, пусть в самой ничтожной степени, воздать должное тем, перед кем я в неоплатном долгу.

От автора

В стародавние времена в далеком краю, как говорится в сказках, я влюбилась — не в человека, но в место. Влюбилась в Норвегию с ее громадными скалистыми утесами и темными густыми лесами. Влюбилась в язык, который лился как песня, и традицию сказительства, то веселую, то трогательную, то ужасающую. Вскоре я открыла для себя «На восток от солнца, на запад от луны», эту чудесную старинную сказку о благородном полярном медведе, храброй юной девушке и очень злых троллях. В ней было все, что душе угодно: любовь, опасности, магия, сокровища, трудная стирка и великолепные, страшные, завораживающие тролли. Я сказала себе, что однажды возьму эту историю и превращу ее в роман, чтобы поделиться этой сказкой с новой аудиторией, а также разобраться со всеми вопросами, на которые нет ответа в оригинале, — вроде того, как звали девушку и почему родители так легко отдали ее белому медведю.

Много лет я держала эту идею в уме. Я хотела стать писателем и хотела, чтобы в одной из моих книг была пересказана эта история. Я выбрала норвежский и старонорвежский языки как часть специализации в курсе гуманитарных наук/сравнительного литературоведения и скандинавистику в качестве второй специальности, но прошло еще много лет, прежде чем я почувствовала себя готовой написать эту книгу. Раз или два со мной случались мелкие приступы вдохновения. Однажды в воскресенье я поймала себя на том, что набрасываю заметки в церкви на обороте рекламного проспекта, и засунула его в ящик письменного стола еще на несколько лет. На занятиях по физике я написала первые несколько страниц в блокноте, который потом не смогла отыскать, да страницы все равно были неудачные. Затем, вскоре после написания «Драконьих тапочек», я как-то сидела за компьютером и подумала: «Пора». Ладони у меня вспотели, и мне пришлось съесть шоколадку, чтобы успокоиться, но было определено пора.

Пора рассказать историю о нежеланной, безымянной дочери, которую поцеловал белый олень и которую ищет полярный медведь; пора рассказать о неожиданных встречах, сказочных дворцах, странных созданиях, о волшебстве, доброте, жестокости и любви. Пора воспарить над миром на крыльях четырех ветров, свести знакомство с загадочными старушками, которые дают странные советы и делают еще более странные подарки; пора подружиться с волками и горгульями и заключить сделку с троллями.

Пора отправиться во дворец из золота, что лежит на восток от солнца,
на запад от луны.

Джессика

notes

Примечания

1

Парка — длинная теплая куртка с капюшоном.

Лефсе — тонкие блинчики на картофельном крахмале.

Исбьорн — букв. «ледяной медведь»; белый или полярный медведь.

Амбидекстр (лат.) — обоерукий. *Пенультимат* (лат.) — предпоследний.

Бюнад — традиционный женский костюм, состоящий из белой блузы, жилета и шерстяной юбки темного цвета. Жилет облегающего покроя, юбка в форме колокола.

Скрелинги — так викинги называли туземцев, встреченных ими во время плавания к берегам Северной Америки в XI веке.

Фальскур — на старонорвежском означает «неверный, вероломный». От старонорвежского языка произошли исландский, норвежский, шведский и датский языки.

Фанготур — в переводе со старонорвежского «надеющийся».

Индейл — на старонорвежском означает «восхитительная».

Скарпхедин — в переводе со старонорвежского «копьеголовый».

Банахёгг — в переводе со старонорвежского означает «смертельный удар».

Аспен (англ.) — ясневый, из ясеня.